РОССИЯ И ХИВА

в конце XIX—начале XX века

Т. Г. ТУХТАМЕТОВ

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЗССР
КАРШИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Т. Г. ТУХТАМЕТОВ

РОССИЯ И ХИВА В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в. ПОБЕДА ХОРЕЗМСКОЙ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1969

9(С)1
Т91

Ответственный редактор
А. И. ИШАНОВ

Речь идет об установлении протектората царской России над Хивинским ханством и превращении его в источник сырья и рынок сбыта для российской буржуазии. Показано также развитие национально-освободительного движения, нарастание революционной ситуации, приведшей к победе Хорезмской народной революции.

1-6-4
95-69

ВВЕДЕНИЕ

Характеризуя литературу, использованную при написании настоящей монографии, следует подчеркнуть, что дореволюционные авторы второй половины XIX — начала XX в. касались лишь отдельных вопросов истории Хивинского ханства и русско-хивинских отношений. Из этих авторов можно указать на А. И. Глуховского, Н. И. Гродекова, В. Гиршфельда, И. Н. Захарьина, Л. Костенко, А. Л. Куна, Ф. И. Лобысевича, В. Лобачевского, В. И. Масальского, М. А. Терентьева, О. Шкапского и др. В их работах отсутствует общественно-политический анализ, что в значительной степени умаляет их ценность, несмотря на подчас большой фактический материал. Работы этих авторов, как правило, носят описательный характер.

После Октябрьской революции в изучение истории Хивинского ханства определенный вклад внесли советские историки Москвы, Узбекистана, Туркмении и Кара-Калпакии. В этой связи прежде всего нужно отметить работы Г. И. Карпова и Д. М. Бацера, Ю. Э. Брегеля, П. П. Иванова, Н. А. Халфина и многих других [1].

Труды этих авторов, написанные в результате изучения значительного количества архивных, рукописных и других документов, имеют немалое значение для исследователя истории Хивинского ханства и русско-хивинских отношений в колониальный период. В них содержатся некоторые весьма интересные сведения об установлении протектората царской России над Хивинским ханством, о социально-экономическом и политическом положении страны, антифеодальной борьбе трудящихся и т. д. Эти сведения были использованы нами при изучении отдельных вопросов монографии.

---

[1] Г. И. Карпов и Д. М. Бацер, Хивинские туркмены и конец кунградской династии, Ашхабад, 1930; Ю. Э. Брегель, Хорезмские туркмены в XIX в., М., 1961; П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.), М., 1958; Н. А. Халфин, Политика России в Средней Азии, М., 1960; его же, Присоединение Средней Азии к России, М., 1965; «Россия и Туркмения в XIX веке. (Сборник документов)», Ашхабад, 1946.

Существенное значение для настоящего исследования имели также работы Б. Г. Гафурова [2].

При изучении вопроса об англо-русском соперничестве в первой половине XIX в., а также международного положения России и Хивинского ханства в 70—80-х годах XIX в. были использованы работы В. М. Хвостова [3]. Для написания монографии определенную научную ценность имела работа А. Хасанова, посвященная экономическим и политическим связям Киргизии с Россией, работы по истории общественно-политической мысли народов Средней Азии в колониальный период И. С. Брагинского, И. М. Муминова, З. Ш. Раджабова [4] и др., написанные главным образом на основе изучения рукописей на языках народов Средней Азии.

Истории Хорезмской народной революции посвящены работы Г. Непесова и Я. М. Досумова, имеющие определенную научную ценность. О хорезмской революции есть немало весьма ценных сведений и в воспоминаниях участников Октябрьской революции и гражданской войны, опубликованных в сборниках документов в Ташкенте и Ашхабаде [5].

При написании монографии были использованы также материалы «Туркестанских сборников», насчитывающих около 600 томов и в единственном экземпляре хранящихся в библиотеке имени Алишера Навои в Ташкенте.

История экономических, политических и дипломатических отношений между Россией и Хивой получила существенное отражение и в работах некоторых английских, немецких и французских авторов, из которых мы извлекли отдельные сведения. Историей Хивы колониального периода, как и всей Средней Азии, особенно усердно занимались англичане. Ценные сведения

---

[2] Б. Г. Гафуров и Н. Н. Прохоров, Падение Бухарского эмирата. К 20-летию Советской революции в Бухаре (1920—1940), Душанбе, 1940; Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, М., 1955.

[3] В. М. Хвостов, Русско-турецкая война (1877—1878) и Берлинский конгресс (1878),— в кн. «История дипломатии», т. II, М.— Л., 1945; его же, Дипломатия в новое время 1871—1914,— «История дипломатии» т. II, М., 1963.

[4] А. Хасанов, Экономические и политические связи Киргизии с Россией, Фрунзе, 1960; И. С. Брагинский, Садриддин Айни. Очерки жизни и творчества. «Труды АН ТаджССР, т. XXIV, 1954; его же, Жизнь и творчество Садриддина Айни, М., 1959. И. М. Муминов, Из истории общественной и философской мысли Узбекистана конца XIX и начала XX в., Самарканд, 1949; З. Ш. Раджабов, Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX в. и в начале XX в., [Душанбе], 1957.

[5] Г. Непесов, Из истории Хорезмской революции, Ташкент, 1962; Я. М. Досумов, Очерки истории Кара-Калпакской АССР, Ташкент, 1960; «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Сборник документов. Воспоминания участников революции и гражданской войны», Ташкент, 1957; «За советский Туркменистан (1917—1920). Сборник документов. Воспоминания участников революции и гражданской войны», Ашхабад, 1963.

мы получили из работ Джемса Аббота, Г. Добсона, Ф. Х. Фишера, Л. Б. Маллесона, Джемса Мак Гахана, Г. Макмуна, Чарльза Мэрвина, Г. Раулинсона, Ф. Г. Скрина, Джемса Вольфа и Гуго Штумма. Работы английских авторов написаны на основе изучения значительного количества литературы, хроник, мемуаров, воспоминаний и частично восточных источников. Отдельные сведения были взяты нами также из немецких работ: Эдуарда Эверсмана, Фридриха Геллвалда, Вольфганга Кёнига, П. Лерха и фон Вартенбурга. Были использованы также работы Мейендорфа и Пьера Кузнецова, изданные на французском языке.

Говоря об английских, немецких и французских работах, следует отметить их общий недостаток: описательный характер, некритическое использование источников, отсутствие проверки и сопоставления отдельных фактов и сведений.

Документальной основой настоящей монографии послужили главным образом архивные материалы, находящиеся в архивах Москвы, Ленинграда, Ташкента. Среди них:

а) Центральный Государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА СССР). Из этого архива мы извлекли материалы двух богатейших фондов: Азиатской части Главного штаба (ф. 400) и Военно-учебного архива (ф. ВУА).

б) Архив внешней политики России при Министерстве иностранных дел (АВПР). В этом архиве материалы по нашей теме хранятся в фонде Среднеазиатского стола.

в) Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде. В этом архиве нами были использованы документы нескольких фондов.

г) Исторический архив УзССР, откуда мы взяли материалы из нескольких богатейших фондов, главным образом из трех. В фонде 1, называемом фондом канцелярии туркестанского генерал-губернатора, хранятся многочисленные материалы, проливающие свет на русско-хивинские отношения и вскрывающие сущность политики России по отношению к Хиве.

В фонде дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе (ф. 2) также хранится значительное количество документов, в частности переписка этого чиновника с начальником Амударьинского отдела, контролировавшим от имени царского правительства деятельность хивинского хана и его правительства. Переписка между указанными чиновниками касалась внутреннего и международного положения Хивы, в частности сельского хозяйства, кустарного ремесла и торговли Хивинского ханства.

Из других фондов исторического архива Узбекистана, документы которых были использованы нами, остановимся на фонде «Канцелярия хивинского хана» (ф. 125). Документы фонда состоят главным образом из переписки начальника Амударьинского отдела с хивинским ханом и донесений местных правителей (беков, мюхирдаров, кетхуд и т. д.) центральному ханскому

правительству по всем экономическим и административно-полицейским вопросам во вверенных им областях и районах.

Архивные материалы, значительная часть которых впервые вводится в научный обиход, имеют большую ценность. Они позволяют по возможности всесторонне исследовать русско-хивинские отношения, заполнить пробелы, имеющиеся в истории Хивы периода протектората, более или менее правильно решить отдельные принципиальные вопросы, до сих пор вызывающие спор между исследователями.

Необходимо отметить, что данная монография — небольшая часть исследования по истории Хивинского ханства. Ввиду ограниченности объема работы в ней лишь вкратце излагаются отдельные события из истории взаимоотношений России с Хивинским ханством.

Считаю своим долгом выразить признательность тем историкам Москвы, Ташкента, Фрунзе, Душанбе и Карши, которые своими советами и пожеланиями оказали мне существенную помощь при написании данной монографии.

Глава I

ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО В 50—60-х ГОДАХ XIX в. И УСТАНОВЛЕНИЕ НАД НИМ ПРОТЕКТОРАТА ЦАРСКОЙ РОССИИ

Социально-экономическое состояние ханства

В 50-х — начале 70-х годов XIX в. Хивинское ханство было чрезвычайно отсталой, замкнутой, затерянной в песках страной, о количестве населения которой в опубликованной литературе приводятся разноречивые данные. По мнению Ф. Геллвалда, который в 1873—1874 гг. дважды побывал в Хивинском ханстве, оно составляло около 800 тыс. человек, а Гиршфельд в 1902 г. определял численность населения этой страны свыше 519 тыс. человек. По сведениям же В. Лобачевского, оно в 1910 г. составляло свыше 646 тыс. человек[1]. Исходя из этих данных, можно предположить, что в интересующий нас период население ханства насчитывало примерно от 500 тыс. до 700 тыс. человек.

Национальное большинство ханства составляли узбеки; затем шли туркмены, состоявшие из различных родов и колен. Среди них крупными были родо-племенные образования иомудов, емрели (имрели), чоудоров, карадашлы и гокленов. По данным Ю. Э. Брегеля, полученным им в результате сопоставления разнохарактерных источников, в Хивинском ханстве к 70-м годам XIX в. туркменское население насчитывало 150—200 тыс. человек, причем половину или почти половину составляли иомуды[2]. Каракалпаки и казахи вместе насчитывали около 40 тыс. человек. Остальные жители ханства представляли небольшую этнографическую группу. Узбекское население проживало в южных районах ханства, а туркменское — в основном в Куня-Ургенчском, Ильялинском, Газаватском и Порсунском бекствах. Каракалпаки были расселены на правом берегу Амударьи и на севере ханства, а казахи — в Кунградском, Куня-Ургенчском и Ходжейлинском бекствах.

Хивинские узбеки, как и узбеки других районов Средней Азии, вели оседлый образ жизни и имели древнюю земледельческую культуру. Что же касается хивинских туркменов, кара-

---

[1] F. von Hellwald, Centralasien. Landschaften und Völker in Kaschgar, Turkestan, Kaschmir und Tibet, Leipzig, 1875, стр. 392; [Гиршфельд], Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, составленное генерального штаба капитаном Гиршфельдом, ч. I, Ташкент, 1902, стр. 66; В. Лобачевский, Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа, Хивинский район, Ташкент, 1912, стр. 104.

[2] Ю. Э. Брегель, Хорезмские туркмены в XIX в., стр. 26—39, 42.

калпаков и казахов, то часть их вела кочевой образ жизни [3], другая же часть их занималась земледелием.

В ханстве было много рабов, в основном персов (иранцев), гератцев и немного русских. О количестве рабов в литературе имеются разноречивые сведения. Англичанин Ч. Мэрвин, например, исходя из данных Джемса Аббота, посетившего Хивинское ханство, количество пленных рабов в этой стране определял свыше 42 тыс., из коих 30 тыс. — персов, 10 тыс. — гератцев, а остальные — русские [4]. По другим же данным, в 1873 г. в ханстве насчитывалось 40 тыс. рабов [5], а по третьим — 35 806 [6]. Правильны ли эти данные, сказать трудно, но одно несомненно: рабов в Хивинском ханстве насчитывалось около 35—40 тыс.

Экономической основой ханства было сельское хозяйство, главным образом земледелие и скотоводство. Техника земледелия была крайне отсталой. Основными орудиями производства, как и в предыдущие века, были омач (соха), мала (деревянная борона), кетмень (мотыга), лопата и др. Земледелие в Хивинском ханстве, подобно другим районам Средней Азии, было основано главным образом на искусственном орошении. По данным П. Лерха и других, в середине XIX в. в ханстве имелись крупные магистральные водные каналы, выведенные из Амударьи. Среди них большое народнохозяйственное значение имели каналы: Полван-ата, Клыч-Нияз-бей, Лаузан, Дарьялык, Шават, Хан-яб, Газават, Шамурат, Кара-кыз и др. [7].

Орошенные и самые плодородные земли находились в руках светских и духовных феодалов, проживавших зачастую не в сельской местности, а в городах. Земли феодалов, как светских, так и духовных, обрабатывались либо трудом рабов, либо путем сдачи в аренду (на весьма тяжелых условиях) безземельным (беватанли) и малоземельным дехканам.

Что касается ремесленного производства, оно было специализированным и состояло из 60 отраслей. Существовали специальности по выработке лишь какого-нибудь одного вида изделий и даже по одной только операции, как например в ткачестве, кузнечном ремесле и т. д. По данным Ч. Мэрвина, ремесло было тесно связано с торговлей — чаще всего ремесленник сам продавал свой товар [8]. Только внешнеторговые операции были

[3] J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiwa, London, 1874, стр. 45—62 и сл.

[4] Ch. Marvin, Reconnoitring Central Asia: Pioneering Adventures in the Regions Lying between Russia and India, London, 1884, стр. 13.

[5] Ф. И. Лобысевич, Описание хивинского похода 1873 г., СПб., 1898, стр. 246.

[6] «Материалы для описания хивинского похода 1873 г. Пребывание русских войск в Хивинском ханстве в 1873 г. и возвращение их», Ташкент, 1883, стр. 21.

[7] P. Lerch, Khiva oder Kharezm. Seine historischen und geographischen Verhaltnisse, St-Petersburg, 1873, стр. 6—10.

[8] Ch. Marvin, Reconnointring Central Asia..., стр. 27—39.

сосредоточены в руках купцов. Некоторые города и крупные села специализировались на выработке одного традиционного вида изделий. Новый Ургенч, например, славился своим шелком и полушерстяными чапанами (верхняя одежда), Хазарасп — ружьями. Значительные ткацкие мастерские имелись в Хиве, Гурлене и Ханках, где некоторые из них располагали двумя-тремя ткацкими станками для изготовления шелковых и полушелковых тканей. По некоторым данным, только в г. Хиве было 700 ремесленных мастерских.

Торгово-ремесленными центрами и рынками торговли с кочевниками — туркменами, каракалпаками и казахами были Куня-Ургенч, Ташауз, Ходжейли, Шахабад и некоторые другие города. Новый Ургенч, Хива и Кунград играли существенную роль не только во внутренней, но и во внешней торговле ханства. Во внутренней торговле доминирующее значение имел обмен товарами между оседлыми жителями, с одной стороны, и кочевниками — с другой. Оседлые жители, главным образом узбекское население, обменивали на базарах свою земледельческую и ремесленную продукцию (зерно, овощи, фрукты, ткани, лопаты, топоры и т. д.) на скотоводческую продукцию кочевников — туркмен, каракалпаков и казахов.

Внешнюю торговлю Хива вела с Бухарой, Кокандом, Афганистаном, Персией, Индией, Китаем, Россией. По свидетельству Эверсмана и Мейендорфа, Хивинское ханство вело довольно оживленную торговлю с Бухарским эмиратом [9], несмотря на то что между этими ханствами часто бывали войны, в частности из-за Мерва и Мервского оазиса. Бухара и Хива обменивались в основном продукцией сельского хозяйства. Примерно такой же характер носила торговля Хивы с Афганистаном и Персией [10]. Что касается промышленных изделий, то они, по данным Эверсмана, стали ввозиться в среднеазиатские ханства еще до 1820 г. [11]. Они ввозились персидскими и отчасти индийскими купцами [12]. К 40—50-м годам XIX в. ввоз в Хиву промышленных изделий резко увеличился, причем этому в какой-то мере, вероятно, способствовали действия английских агентов, побывавших в Хиве и добившихся от хивинского правительства, помимо всего прочего, облегчения реализации своих изделий на рынках ханства.

Хива вела оживленную торговлю с Россией; уже к концу XVIII в. русско-хивинская торговля приняла оживленный характер. В начале XIX в. торговля России со Средней Азией, в том числе с Хивой, развивалась еще более быстрыми темпами, что

[9] Ed. Eversmann, Reise von Orenburg nach Buchara, Berlin, 1823, стр. 74—77; George Meyendorff, Voyage d'Orenburg à Boukhara fait en 1820, Paris, 1820, стр. 251—252.

[10] J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus..., стр. 309—314.

[11] Ed. Eversmann, Reise von Orenburg nach Buchara, стр. 76.

[12] J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus..., стр. 303, 309.

свидетельствует о более интенсивном экономическом сдвиге в среднеазиатских ханствах. Если, например, в 1804—1807 гг. вывоз из Средней Азии в Россию ежегодно составлял 2716 тыс. руб., то в 1824—1827 гг. он достиг 5 759 800 руб. Рост ввоза в Среднюю Азию из России происходил более быстрыми темпами, что объясняется ростом текстильной промышленности России. Если в 1804—1807 гг. ввоз из России в Среднюю Азию составлял 988 тыс. руб., то в 1824—1827 гг. он возрос до 4 389 700 руб.[13]. К 60-м годам XIX в. русско-хивинская торговля еще более активизировалась. Если взять, например, хивинский вывоз, то он в 1850—1859 гг. составлял 1 155 941 руб., а в 1860—1869 гг. достиг уже 3 372 934 руб.

Из Хивы в Россию вывозились хлопок, хлопчатобумажная пряжа, кожи, краски и т. д. Предметами же экспорта из России в Хиву были металлические, бумажные, шелковые и шерстяные изделия, москательные товары и продукция деревообделочного производства.

А. Вамбери, в 60-х годах прошлого столетия путешествовавший по Средней Азии[14], писал, что в среднеазиатских ханствах нет ни одного дома, ни одной палатки, где не было бы какого-нибудь русского изделия[15]. Из сказанного следует, что торговые связи Хивы с Россией, несмотря на грабежи торговых караванов при прохождении их через казахские степи, к 60-м годам XIX в. усилились. В этом были заинтересованы обе стороны.

Во главе хивинского государства стоял хан. Он распоряжался жизнью и смертью своих подданных, а равно правом на имущество всего населения. Ближайшими помощниками хана были мехтер и диванбеги, а после них кушбеги. Первым советником хана был мехтер, который управлял южными районами страны, а кушбеги — северными. Диванбеги управляли ханской канцелярией. Накануне похода царских войск против Хивы высшими ханскими сановниками были: дядя хана Сейид Эмир ал-Умер, Мухаммед Мурад родом из Афганистана (в просторечии Мад Мурад) со званием диванбеги, который исполнял обязанности мехтера и оказывал на хана огромное влияние, кушбеги Мухаммед Нияз (в просторечии Мад Нияз), есаулбаши Рахматулла, исполнявший обязанности диванбеги, и туркмен Якуб-бей. Последний от имени хивинского хана управлял туркменским населением ханства[16]. Дело в том, что туркмены, как каракалпаки и казахи, подчинялись только своим племенным вождям[17], а не ханской администрации, состоявшей как в центре, так и на местах из узбекских феодалов племени кунград.

---

[13] Данные Музея истории АН УзССР, отдел «Положение узбекских ханств перед завоеванием».

[14] А. Вамбери, Путешествие по Средней Азии, М., 1868, стр. 213.

[15] Там же.

[16] J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus..., стр. 281, 289.

[17] Ю. Э. Брегель, Хорезмские туркмены в XIX в., стр. 164—169.

Структура аппарата управления туркменами, как и другими народностями ханства, способствовала сохранению и усилению авторитета родо-племенной феодальной верхушки. Феодалы, управлявшие туркменским населением, носили чины сердара, кетхуды или мюхирдара. Ханство состояло из бекств во главе с феодалом-беком; бекство делилось на наибства. которыми руководили феодалы-наибы, а наибство состояло из мечетных обществ со своими аксакалами или кетхудами. Все эти чиновники были заинтересованы в сохранении патриархально-феодальных порядков в стране.

Наступление царизма на Хиву

Движение царизма в сторону Туркестана отмечалось еще в начале XVII в. Правда, в этот период оно носило стихийный характер набегов отдельных групп людей без вмешательства и санкции на то центрального правительства. Так, яицкие казаки во главе с атаманом Нечаем совершили набег на Хиву при хане Араб-Мухаммеде (1602—1623 гг.). Когда хана не было в Ургенче, тысяча казаков ворвалась в город, ограбила жителей и, пленив около тысячи молодых людей обоего пола, двинулась в обратный путь, но, настигнутая войсками Араб-Мухаммеда, была уничтожена.

Через некоторое время набег был совершен другим отрядом казаков под предводительством атамана Шамая, но также неудачно. Шамай был захвачен калмыками, а его казаки попали в плен к хивинцам, где и погибли. Но в начале XVIII в. эти стихийные нападения приняли другое направление.

Петр I, стремясь к установлению торговых связей с Индией через Среднюю Азию, попытался организованно проникнуть в Хиву. К тому же его интерес к этой стране был возбужден еще теми заманчивыми сведениями, которые он получил от приезжих хивинцев: туркмена Ходжа-Нефеса и посла хивинского хана Ходжа Мухаммед-Ашурбека. Они сообщили Петру, что когда-то Амударья впадала в Каспийское море, а не в Аральское, что в низовьях Амударьи вымывается золотой песок. Эти сведения были подтверждены сибирским губернатором князем Гагариным, который сообщил Петру о песочном золоте в Яркенде.

Петр I снарядил в Среднюю Азию две военные экспедиции: первую — со стороны Сибири, а вторую — через Каспийское море в Хиву. Вторую экспедицию возглавлял князь Александр Бекович-Черкасский. После предварительных разведок и подготовки, в ходе которых Бекович построил три крепости на восточном берегу Каспийского моря, он летом 1717 г. с отрядом

2200 человек[18] (по данным фон Вартенбурга — 3450 человек)[19] пошел на Хиву под видом специального посольства. Весть о приближении царского отряда вызвала сильный переполох среди правящих кругов Хивинского ханства, которые не могли поверить, чтобы русский посол прибыл со столь большим военным отрядом для мирных целей. Хан Ширгазы (1715—1728), не полагаясь на боеспособность своих войск при столкновении с регулярными царскими войсками, прибег к хитрости. Он заявил Бековичу-Черкасскому, что г. Хива не может ни вместить, ни прокормить такое количество людей, а потому предложил русскому послу разделить свой отряд на части для размещения в нескольких местах ханства. Несмотря на протесты офицеров, Бекович разделил свое войско на пять отдельных отрядов по 400—450 человек в каждом. Хивинцы по приказанию хана немедленно истребили их почти всех (в том числе был убит и Бекович), за исключением немногих, особенно сильных и здоровых людей, которых использовали на земляных работах[20]. Так бесславно закончился широко задуманный Петром поход.

Интересно отметить, что отдельные западноевропейские авторы, в том числе немецкий исследователь истории Средней Азии фон Вартенбург[21], говоря о походе Бековича-Черкасского, недвусмысленно утверждали, что Петр I ставил своей задачей в начале захватить Хиву, а затем подчинить Индию. Такое утверждение неверно, ибо Петр I интересовался главным образом вопросом расширения торговли России со странами Востока, в том числе и с Индией, но отнюдь не стремился к ее захвату.

Следующей экспедицией в Хиву был поход оренбургского военного губернатора, генерал-майора В. А. Перовского. Поход на Хиву было решено предпринять не 12 марта 1839 г., как это утверждает И. Н. Захарьин (Якунин) в своей книге «Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву»[22], а несколько раньше. В 1824 г. в Малой казахской орде было упразднено единовластие; вместо него царской властью были утверждены три султана-правителя. Однако это вызвало недовольство казахской феодально-байской верхушки, и степь заволновалась.

Хивинский хан Аллакули (1825—1842) воспользовался этими событиями и уговорил казахских феодалов перейти в хивинское подданство. Эти действия хивинского хана вызвали недовольство в Петербурге.

---

[18] «Записки ИРГО», кн. IX, СПб., 1853; А. Н. Попов, Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом, стр. 260.

[19] Von Wartenburg, Das Vordringen der russischen Macht in Asien, Berlin, 1900, стр. 9.

[20] «Известия Туркестанского Общества ИРГО», т. XIII, 1917; М. Юдин, Двухсотлетие движения русских в Туркестан, стр. 117.

[21] Von Wartenburg, Das Vordringen..., стр. 8.

[22] И. Н. Захарьин (Якунин), Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву, ч. II, СПб., 1901, стр. 15.

Александр I приказал Азиатскому комитету, следившему за положением дел в казахской степи, подвергнуть обстоятельному анализу причины происходящих там волнений. Изучив вопрос, комитет пришел к заключению, что для России «совершенно необходимо вооруженною рукою поставить хивинцев навсегда в границы мирного состояния, ибо только сим способом откроется возможность водворить спокойствие и надлежащее повиновение в нашей киргизской (казахской.— *Т. Т.*) орде, более или менее всегда волнуемой и подстрекаемой Хивою»[23]. Решение комитета было утверждено Александром I 5 августа 1825 г.

Отсюда ясно, что принципиально хивинский поход был намечен царским правительством гораздо ранее того момента, когда состоялся поход В. А. Перовского.

В 1834 г. на северо-восточном берегу Каспийского моря В. А. Перовский соорудил Ново-Александровское укрепление, а с 1835 г. начал строить укрепленную линию между Орском и Троицком и тем самым лишил казахов-кочевников лучших пастбищ. Такая политика царского правительства вызвала недовольство казахского населения, настроением которого удачно воспользовались казахские феодалы во главе с Кенесары Касымовым. Последний в 1837 г. поднял восстание казахов против царизма. Восставшие казахи напали на указанные выше укрепления царских властей. Это восстание послужило поводом к претворению в жизнь решения о «необходимости» хивинского похода, принятого еще летом 1825 г.

Поход был назначен на зиму во избежание летнего зноя и безводья. 14 ноября 1839 г. В. А. Перовский с отрядом свыше 5 тыс. человек, при двух орудиях и с обозом в 12 450 верблюдов выступил из Оренбурга. Но попытки достигнуть пределов Хивинского ханства не увенчались успехом. В. А. Перовский 1 февраля 1840 г. был вынужден отдать приказ о возвращении назад, потеряв при этом почти половину людского состава и большое количество верблюдов. Так позорно закончился поход, на организацию и проведение которого была израсходована огромная по тому времени сумма.

Однако, несмотря на такой конец, этот поход испугал Аллакули-хана. Он освободил часть русских пленных и отправил посольство для заключения торгового договора с Россией. Царское же правительство в результате неудачного хивинского похода 1839—1840 гг. решило путем дипломатических сношений уладить все недоразумения, возникшие между Россией и среднеазиатскими ханствами. Как в Бухару, так и в Хиву были отправлены посольства. Однако эти дипломатические маневры не принесли продолжительного мира. Начиная с 1847 г. царские войска приступили к последовательному и планомерному продвижению к границам ханства со стороны как Оренбурга, так и Западной

---

[23] ЦГИА УзССР, ф. 11 С, оп. 3, д. 86, л. 29.

Сибири. Но Крымская война (1853—1856), показавшая всю «гнилость и бессилие крепостной России» [24], заставила на время оставить захватнические замыслы в Средней Азии.

Царская Россия потерпела поражение. После окончания войны она также не могла начать движение в сторону Средней Азии, ибо шла борьба на Кавказе. И только в начале 60-х годов XIX в. международное и внутреннее положение России позволило царскому правительству возобновить продвижение в глубь Средней Азии.

Англо-русское соперничество в Средней Азии

Средняя Азия привлекала внимание не только царской России, но и Великобритании. Планы английских правящих кругов в этом отношении были далеко идущими: захватив Среднюю Азию и укрепившись в ней, они думали нанести удар по южным и юго-восточным районам Российской империи, использовав среднеазиатский плацдарм. Свои захватнические планы английские правящие круги прикрывали лозунгом обеспечения безопасности Индии. Еще в начале XIX в. они организовывали экономическую и военно-политическую разведки среднеазиатских ханств, направляя туда своих агентов.

В 1809 г. английская Ост-Индская компания снарядила в Пешавар миссию Эльфинстона для исследования Афганистана как рынка для английских промышленных товаров. В последующие годы английские агенты и разведчики стали проникать и в Среднюю Азию. В 1812 г. Кашмир, Тибет, Яркенд, Коканд и Бухару посетил англичанин Муркрофт [25].

В 1814 г. после потери Ост-Индской компанией монопольного права торговли в Индии ее руководители стали смотреть на Среднюю Азию как на возможный рынок сбыта. Для изучения этого рынка упомянутый Муркрофт в сопровождении Требека и нескольких других спутников отправился в 1819 г. из Индии через Ладак в Среднюю Азию. Они посетили Среднюю Азию якобы «под предлогом поисков лошадей для армии Ост-Индской компании...». В 1821 — 1822 гг. в Хиве был англичанин Джемс Фрезер.

Таким образом, уже в начале 20-х годов XIX в. англичане проявляют повышенный интерес к Средней Азии, засылая туда своих «путешественников» — разведчиков [26].

---

[24] В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция.— Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

[25] Е. Н. Кушева, Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX в.,— «Исторический сборник», т. 3, Л., 1934, стр. 135.

[26] W. König, Die Achal-Teke. Zur Wirtschaft und Gesellschaft einer Turkmenen Gruppe im XIX Jahrhundert, Berlin, 1962, стр. 19.

В 1830—1833, 1836—1838 гг. Александр Борнс по поручению Ост-Индской компании дважды совершил разведку торгового пути из Индии в Среднюю Азию.

В 1838 г. под предлогом «освобождения русских пленных» из Ирана в Бухару прибыл английский полковник Стоддарт. На самом же деле Стоддарту было поручено заключить военный союз с Бухарой против России [27]. По словам Джемса Аббота, Стоддарт был агентом-разведчиком [28] и выполнял определенное правительственное задание. Стоддарт в своем обращении с бухарцами, в частности с эмиром, был груб и непочтителен, за что и был заточен в тюрьму.

Вскоре после Стоддарта в Среднюю Азию приехал другой английский разведчик — капитан Конолли. Его задачей было объединение среднеазиатских ханств (Бухары, Хивы и Коканда) для отпора России. По этому вопросу Конноли вел переговоры с хивинским ханом, после чего направился в Коканд, но по дороге был схвачен бухарцами и брошен в тюрьму, а затем в июле вместе со Стоддартом казнен [29].

В январе 1840 г. в Хивинское ханство прибыл Джемс Аббот. В своей работе, посвященной поездке в Хиву, он отмечал, что вел переговоры с хивинским ханом Аллакули по весьма важным политическим вопросам [30]. В ходе этих переговоров Аббот пытался доказать хану, что только Великобритания — «искренний его друг» [31].

Летом того же 1840 г. в Хиве появился представитель Ост-Индской компании капитан Р. Шекспир, который пытался оформить военный союз среднеазиатских ханств с Англией против России [32]. Правда, миссия Р. Шекспира не увенчалась успехом, но английские происки в Средней Азии не прекращались. Английское правительство почти регулярно получало сведения о событиях, происходивших в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате. «С Туркестаном,— писал Г. Раулинсон,— у нас не было регулярных дипломатических отношений со времени возвращения Томсона из Хивы в 1842 г., но все же почти непрерывно велась переписка между нашей миссией в Тегеране и хивинским

---

[27] F. H. Fischer, Afghanistan and the Central Asian Question, London, 1878, стр. 148.

[28] James Abbot, Narrative of a Journey from Heraut to Khiva, Moscow and St.-Petersbourg during the Late Russian Invasion of Khiva, vol. I, London, 1884, стр. 94—98.

[29] J. Wolff, Narrative of a Mission to Bokhara in the Years 1843—1845 to Ascertain the Fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly, New York, 1845, стр. 102.

[30] James Abbot, Narrative of a Journey from Heraut to Khiva..., стр. 87—88.

[31] Там же, стр. 93.

[32] G. Macmunn, Afghanistan from Darius to Amanullah, London, 1929, стр. 149.

Хазрет-ханом через специальных людей или со времени афганской войны через британского агента в Мешхеде» [33].

В 50-х годах XIX в., особенно во время Крымской войны 1853—1856 гг., антирусские происки английского правительства усилились. В среднеазиатские ханства и Казахстан были заслапы турецкие эмиссары, действовавшие по заданию Англии и призывавшие местное население к антирусскому выступлению [34]. Однако эти происки не имели успеха.

Итак, примерно с 20-х годов XIX в. среднеазиатские ханства становятся ареной соперничества между Англией и Россией. Каждая из этих двух стран стремилась захватить Среднюю Азию и превратить ее в свою колонию. Поэтому совершенно прав историк В. М. Хвостов, говоря, что «в Средней Азии сталкивались два встречных потока экспансии. И Россия и Англия вели наступательную политику, и при этом обе опасались друг друга» [35].

Исследователь истории киргизского народа XIX в. А. Хасанов в одной из своих работ писал: «В период присоединения Средней Азии происходила экономическая и дипломатическая борьба между Англией и Россией за среднеазиатский рынок. Обе могущественные державы хотели сделать Среднюю Азию своей колонией». И далее: «Царская Россия боролась за недопущение английских и иных колонизаторов в Среднюю Азию. Английский капитализм являлся главным соперником России» [36].

Соперничество между Англией и Россией за господство в Средней Азии и на Среднем Востоке продолжалось и после включения Средней Азии в состав Российской империи. Буржуазия Великобритании по-прежнему зорко следила за политикой царского правительства в Средней Азии и чрезвычайно опасалась продвижения царских войск по направлению к Афганистану. Выражая ее волю, генерал-майор Генри Раулинсон, которого английский автор Сетон-Ватсон называет убежденным руссофобом [37], в первой половине 70-х годов XIX в. яростно выступал против политики царской России в Средней Азии. Так, в своем докладе в Лондонском королевском обществе, ссылаясь на поход царских войск против Хивы, Раулинсон утверждал, что, мол, при благоприятных для русских условиях они двинутся и на Индию [38]. Эту мысль он довел до логического завершения в

[33] H. Rawlinson, England and Russia in the East, London, 1875, стр. 193.
[34] Н. А. Халфин, Политика России в Средней Азии, стр. 49.
[35] «История дипломатии», т. II, стр. 60.
[36] А. Хасанов, Экономические и политические связи Киргизии с Россией, стр. 19.
[37] R. W. Seton-Watson, Disraeli, Gladstone and the Eastern Question, London, 1935, стр. 5.
[38] См.: «Материалы для описания Хивинского похода 1873 г., изданные на правах рукописи по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана», Ташкент, 1881.

работе «Англия на Востоке», вышедшей в свет в 1875 г. В шестой ее главе [39] автор, описывая падение Хивы, утверждал, что Россия непременно организует поход в Индию и захватит ее. Вместе с тем Великобритания активизировала свои антирусские происки в Средней Азии и Афганистане, однако успеха не имела. В 1872 г. английская разведка через Черноморье и Закавказье направила на юго-восточное побережье Каспийского моря капитана Мерча, который собирал там военно-политические сведения о концентрации царских войск на побережье для похода на Хиву, об их численности, вооружении, военной подготовке и моральном состоянии. Отсюда он отправился в Тегеран, а затем в Мешхед и Герат, где также занимался сбором военно-политических сведений «чрезвычайной важности» [40].

Большие надежды английская разведка возлагала также на миссию полковника Бэкера, в состав которой входили капитан Клейтон и лейтенант Хилло. Миссия прибыла в Туркмению и Хорасан через Закавказье, собрав по пути, и в особенности в указаннных местностях, весьма важные военно-политические материалы [41]. Среди материалов миссии имеются интересные сведения, характеризующие колонизаторскую сущность политики англичан на Востоке. Находясь в Туркмении, они, например, изучали вопрос о создании из туркмен значительной боеспособной военной силы. При этом они справедливо считали, что туркмены — храбрые и отважные воины [42] — могли бы оказать английскому правительству существенную помощь в его захватнических планах в Средней Азии и на Среднем Востоке. Бэкер и его спутники продолжительное время вели переговоры с туркменскими феодалами о заключении военного союза с Хивой и Бухарой для борьбы с Россией, но безуспешно [43].

Почти аналогичная задача была у капитана Нэпира, который попытался объединить мервцев сначала с текинцами, а впоследствии и с Бухарой [44]. Нэпир старался войти в тесный контакт с теми туркменскими феодалами, которые были настроены проанглийски. В частности, он вел переговоры с влиятельным туркменским феодалом Мухаммедом Багом [45]. Однако Нэпир, как и его предшественники, ничего реального в создании антирусской коалиции не добился.

С середины 70-х годов XIX в. антирусская политика английского правительства на Востоке усилилась. Проводником этой

[39] H. Rawlinson, England and Russia in the East, стр. 301—382.
[40] Ch. Marvin, Reconnoitring Central Asia..., стр. 78—88.
[41] V. Baker, Clouds in the East. Travels and Adventures on the Perso-Turkoman Frontier, London, 1876, стр. 76—79, 143; Ch. Marvin, Reconnoitring Central Asia..., стр. 76—94.
[42] V. Baker, Clouds in the East..., стр. 158—159.
[43] Ch. Marvin, Reconnoitring Central Asia..., стр. 76—94, 145—148.
[44] Там же.
[45] D. Ch. Boulger, England and Russia in Central Asia, vol. II, London, 1879, стр. 19.

политики был премьер-министр Дизраэли (лорд Биконсфильд), который считал, что основным противником Англии на Востоке является Россия. Поэтому он всеми доступными ему средствами стремился причинить России неприятности. Не без его ведома в середине 70-х годов XIX в. туркменские земли навестил один из идеологов британского милитаризма полковник Мак-Грегор. Направляясь в Среднюю Азию, он намеревался даже проникнуть в Восточную Бухару и произвести там разведку, однако этот план рухнул. Но все же Мак-Грегор, переправившись через р. Теджен, направился к Мерву, который имел большое военно-стратегическое значение. Правда, Мерва он не достиг, но тем не менее ему удалось произвести разведку некоторого отрезка пути по направлению к этой крепости [46]. В дальнейшем в качестве английских разведчиков Мак-Грегора заменили капитан Бернаби, а затем капитан Бэтлер, который был заслан в Среднюю Азию вице-королем Индии лордом Литтоном для организации туркмен ахалтекинцев и мервцев в борьбе против России. Но и эти разведчики, подобно своим предшественникам, не смогли выполнить поставленные перед ними английским правительством задачи [47].

Однако, несмотря на эти неудачи, англичане не расставались с идеей установления своего господства в Средней Азии, так как их очень привлекали ее экономические ресурсы и природные богатства [48]. Поэтому антирусские происки англичан продолжались и в последующие времена.

По словам упомянутого Сетон-Ватсона, враждебная антирусская политика правящих кругов Великобритании усилилась во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. [49]. Дело в том, что в ходе войны англичане были сильно встревожены реальной возможностью захвата Россией Константинополя и изменения ими статуса проливов Босфор и Дарданеллы, весьма выгодного Англии. Поэтому английское правительство, исходя из «интересов Британии», как об этом писал упомянутый Сетон-Ватсон, при поддержке Австро-Венгрии выступило в защиту Турции и всемерно мешало России полностью реализовать результаты победы русского оружия в войне с Турцией. Когда царские войска захватили, например, Константинополь, то премьер-министр Англии Дизраэли ответил на это усиленным военным приготовлением в районах Средиземного моря и Среднего Востока, а

[46] Ch. Marvin, Reconnoitring Central Asia..., стр. 149—176, 218.
[47] Там же, стр. 117—210, 231—251; D. Ch. Boulger, England and Russia in Central Asia, vol. I, London, 1879, стр. 150, 226.
[48] D. Ch. Boulger, The Life of Yakoob Beg; Athalik Ghazi and Badaulet; Ameer of Kashgar, London, 1878, стр. 216—219; D. N. Curzon, Problems of the Far East. Japan-Korea-China, London, 1896, 2ed, стр. 9; «Report on the Proceeding of the Pamirs Boundary Commission», Calcutta, 1897, стр. 10—20, и другие работы.
[49] R. W. Seton-Watson, Disraeli, Gladston and the Eastern Question, стр. 214—252, 336—356, 421—430.

также предупредил Россию, что «даже временная оккупация Константинополя заставит Англию „принять“ меры предосторожности» [50]. По его предписанию вице-король Индии лорд Литтон отправил из Бомбея 5 тыс. солдат на остров Мальту [51]. Под предлогом защиты турецкой столицы и проливов от России английский флот вошел в Дарданеллы, а в английский парламент был внесен билль о чрезвычайных военных кредитах [52]. Готовясь развязать войну против Российской империи в районе Средней Азии, англо-индийские власти в начале 1878 г. двинули на север Индии 30-тысячное войско [53]. Наряду с этим английские дипломаты при поддержке австро-венгерских политиков сознательно обостряли «восточный вопрос», т. е. политику европейских держав по отношению к Оттоманской империи. «Восточный вопрос» принял острый характер после заключения между Россией и Турцией (3 марта 1878 г.) Сан-Стефанского мирного договора [54], который вызвал бурю протеста в правящих кругах Англии [55].

По настоянию их и с согласия России для обсуждения вопроса о новом русско-турецком договоре был созван Берлинский конгресс [56], на котором присутствовали представители России, Англии, Германии, Франции, Австро-Венгрии, Италии и Турции. Характерно, что в ходе работы конгресса, стремясь, вероятно, воздействовать на англичан, царское правительство снарядило в Афганистан военную миссию во главе с генералом Столетовым. Отправку ее Маркс квалифицировал как маневр, как «шахматный ход русских в Афганистане» [57]. Наряду с отправкой миссии в Афганистан царские власти Туркестана сконцентрировали в местечке Джамм значительный военный отряд [58]. По-видимому, они допускали возможность английского нападения на среднеазиатские владения. Что же касается русской миссии в Кабуле, она ничего реального там не смогла предпринять. Между тем Берлинский конгресс закончился заключением Берлинского трактата, сущность которого свелась к тому, что Россия была вынуждена отказаться от некоторых плодов своей победы над Турцией, а Англия и Австро-Венгрия захватили часть территории Оттоманской империи.

[50] Там же, стр. 170. Об этом также см.: «История дипломатии», стр. 120.
[51] Старый дипломат, Англия и Россия в Средней Азии, «Туркестанский сборник», т. 438, стр. 99.
[52] R. W. Seton-Watson, Disraeli, Gladston and the Eastern Question, стр. 303—308.
[53] Старый дипломат, Англия и Россия в Средней Азии, стр. 99.
[54] В. М. Хвостов, Русско-турецкая война (1877—1878 гг.)..., стр. 45—50.
[55] R. W. Seton-Watson, Disraeli, Gladston and the Eastern Question, стр. 329—256.
[56] Там же, стр. 460—489.
[57] К. Маркс, Письмо Маркса Энгельсу от 24/IX.1878,— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 71.
[58] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 29, д. 264, л. 2.

Таким образом, благодаря этому трактату военное столкновение между Россией и Англией, театром которого могли быть и районы Средней Азии, было предотвращено; надобность в военных приготовлениях с обеих сторон отпала.

Джаммский отряд был отведен в глубь Туркестанского края [59]. Однако и после мирного разрешения восточного кризиса правящие круги Англии не отказались от борьбы со своей соперницей — царской Россией — на Среднем Востоке и в Средней Азии.

В середине 80-х годов XIX в. антирусские действия англичан развернулись в районе Закаспийской области Туркестанского края. Но в происшедших событиях было виновато не только английское правительство, но и правящие круги царской России, которые в районе Мерва также проводили захватническую политику. После кушкинских событий в отношениях России с Англией создалась напряженная обстановка; в воздухе запахло войной.

Английская пресса наполнилась антирусскими угрозами. Английский парламент вотировал кредит в 11 млн. ф. ст. на войну с Россией; была даже объявлена мобилизация [60], англо-индийские войска концентрировались на северо-западной границе Индии. По этому поводу В. И. Ленин писал, что в 1885 г. «Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск в глубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии)» [61].

Антирусские происки Англии, стремившейся ослабить позиции царского правительства и русской буржуазии в Хивинском ханстве, Бухарском эмирате и Туркестанском крае, в той или иной мере продолжались и в последующие годы.

Установление протектората России над ханством

В. И. Ленин в своей классической работе «Развитие капитализма в России» указывает, что «процесс образования рынка для капитализма представляет две стороны, именно: развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, — и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории...» [62]. Развитие капиталистических отношений в России, где в 40—50-х годах XIX в. еще господствовали

[59] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, оп. I, д. 84, л. 122.

[60] F. H. Skrine, The Heart of Asia a History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times, London, 1899, стр. 302.

[61] В. И. Ленин, О сепаратном мире,— Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 186.

[62] В. И. Ленин, Развитие капитализма в России,— Полн. собр. соч., т. 3, стр. 595.

крепостнические порядки, настойчиво требовало захвата новых территорий, новых земель, могущих послужить рынком сбыта промышленных изделий и источником сырья.

Русская буржуазия нуждалась в хлопке и до 1861 г. ввозила его в основном из США. Но во время гражданской войны в США (1861—1865) ввоз хлопка в Россию из Северной Америки резко сократился, в результате чего в хлопчатобумажной промышленности России возник кризис, вызвавший закрытие отдельных фабрик и массовое увольнение рабочих. Влиятельные русские журналы и газеты, выражавшие интересы капиталистов хлопчатобумажной промышленности, издававшиеся в Москве и Петербурге (журн. «Русский вестник», газ. «Московские ведомости» и др.), в 1862—1863 гг. стали открыто высказываться о необходимости продвижения царизма в Среднюю Азию для обеспечения промышленности хлопком.

Средняя Азия привлекала царизм и стоявших за его спиной капиталистов тем, что она в случае завоевания могла бы не только послужить богатым источником сырья для текстильной промышленности России, но и стать обширным рынком для сбыта русских промышленных товаров.

В захвате Средней Азии были заинтересованы и военные круги России, которые тем самым полагали обеспечить безопасность южных границ империи от возможного нападения Англии. Итак, экономические интересы русской буржуазии и отчасти русских помещиков, а также военно-стратегические цели военных кругов толкали царское правительство на включение Средней Азии в Российскую империю.

Перед началом решительных наступательных действий против среднеазиатских ханств по этому вопросу существовало разногласие между Военным министерством и Министерством иностранных дел. Военный министр Д. А. Милютин стоял за активные действия в Средней Азии, министр иностранных дел вице-канцлер князь Горчаков настаивал на осторожности, опасаясь осложнений в англо-русских отношениях. Мнение Горчакова поддерживалось Министерством финансов, которое отказывалось от немедленного финансирования наступательных операций.

В конечном счете победу одержал военный министр Милютин. Об этом свидетельствует нота Горчакова от 1864 г., направленная западноевропейским странам, в частности Англии, в которой говорилось, что «когда окраины государства цивилизованного примыкают к местностям, населенным полудикими, бродячими племенами, то интересы торговли, безопасности и прочности границ требуют известного, более или менее непосредственного подчинения последних первому» [63].

[63] H. Rawlinson, England and Russia in the East, стр. 179; Hugo Stumm, Russia in Central Asia. The Expedition to Khiva, London, 1885, стр. 53.

Но, несмотря на это заявление, князь Горчаков все еще призывал к осторожности, дабы не вызвать подозрений у англичан. Однако военные власти Туркестана, не без ведома военного министра и в известной мере Министерства иностранных дел, в 1864 г. начали решительное наступление против Кокандского, а затем Бухарского ханств. Эти владения, ослабленные междоусобной борьбой, не имевшие в достаточном количестве обученных войск и военной техники, были вынуждены терпеть поражения и уступать позицию за позицией [64].

Успехи русского оружия были настолько велики, что в 1867 г. из захваченных у Коканда и Бухары земель было образовано Туркестанское генерал-губернаторство в составе Сырдарьинской и Семиреченской областей. Первым главным начальником нового края в составе царской России был назначен генерал-адъютант фон Кауфман.

Однако до ноября 1872 г. военно-стратегическое положение России в Средней Азии и продолжавшееся англо-русское соперничество на Востоке, в том числе и на Среднем Востоке, не дали возможности царскому правительству организовать военный поход против Хивинского ханства. И только 23 ноября в Петербурге под председательством Д. Милютина состоялось совещание, в котором приняли участие оренбургский и туркестанский генерал-губернаторы, начальник Главного штаба и заведующий азиатскими делами Главного штаба [65]. На этом совещании было принято решение о необходимости похода против Хивы весной 1873 г. Руководство походом было возложено на Кауфмана. 12 декабря 1872 г. Александр II одобрил это решение. В докладе царю Милютин писал: «Сущность плана действий, установленного по соглашению Военного министерства с начальствами округов, заключается в том, чтобы Хивинское ханство атаковать с двух сторон: с востока — войсками Туркестанского округа и с запада — соединенным отрядом из войск Оренбургского и Кавказского округов... Общий предмет действия всех отрядов есть столица ханства, завладение которою и рассеяние хивинских скопищ и будут составлять первую заботу войск» [66].

Таким образом, вопрос о военном походе против Хивинского ханства был решен окончательно, и царская военщина Туркестана, Оренбурга и Кавказа приступила к лихорадочным военным приготовлениям. Эти приготовления, а также сам поход царских войск против Хивинского ханства получили подробное освещение в трудах дореволюционных русских и зарубежных авторов.

Из западноевропейских авторов хивинскому походу царских войск в 1873 г. особенно большое значение придавали англичане и отчасти немцы. Так, участник хивинского похода Гуго

[64] См.: Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, стр. 419.
[65] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6852, л. 80.
[66] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6852, лл. 123, 124.

Штумм опубликовал на эту тему работу в 1873 г. на немецком языке, в 1874 г. — на французском, в 1885 г. — на английском [67].

Хивинский поход царских войск до мельчайших подробностей описан в работе упомянутого Мак Гахана [68]. Этому вопросу значительное место отводится и в работе Е. Скайлера [69], который, как и Мак Гахан, был участником хивинского похода царских войск. Хивинское событие 1873 г. более или менее достаточное освещение получило в работах и других зарубежных авторов.

Из дореволюционных русских авторов этого вопроса касались М. А. Терентьев, Ф. И. Лобысевич и др. [70].

И наконец, хивинский поход царских войск в какой-то мере получил отражение и в советской историографии, в частности в монографии Н. А. Халфина [71].

Таким образом, поход царских войск против Хивы получил всестороннее освещение в отечественной и зарубежной историографии, а поэтому на этом вопросе подробно нет необходимости останавливаться. Здесь лишь отметим, что согласно решению, принятому на упомянутом совещании при Военном министерстве в ноябре 1872 г., в поход против Хивы выступили царские войска: в феврале 1873 г. — из Оренбурга, Орска и Уральска под командованием генерала Веревкина; в марте того же года из Джизака и Казалинска вышел туркестанский отряд под командованием военного губернатора Сырдарьинской области Головачева. При этом отряде находился генерал Кауфман, которому, как сказано выше, было поручено командование всеми войсками, выступившими против Хивы. В марте — апреле того же года выступили два отряда из Красноводска и Мангышлака [72]. Мангышлакский отряд между Кунградом и Ходжейли 13 мая присоединился к войскам Веревкина, а красноводский отряд не достиг пределов ханства из-за отсутствия воды, нехватки тягловой силы и неправильного выбора маршрута [73].

Правящие круги Хивы были убеждены в том, что ханство и Амударья недоступны со стороны Кизил-Кумов, т. е. со стороны

[67] Hugo Stumm, Aus Chiwa Berichte von Hugo Stumm, Berlin, 1873; Hugo Stumm, Chiwa Rapports de Hugo Stumm, Paris, 1874; Hugo Stumm, Russia in Central Asia. The Expedition to Khiva, London, 1885.
[68] J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus...,
[69] E. Schuyler, Turkestan. Notes of Journey in Russian Turkestan, Khokand, Bokhara and Kuldja, London, vol. II, 1876.
[70] «История завоевания Средней Азии», т. II, СПб., 1906; «Описание хивинского похода 1873 г.», СПб., 1898; Материалы для описания хивинского похода 1873 г., составленные под редакцией генерального штаба генерал-лейтенанта В. Н. Троцкого, «Пребывание русских войск в Хивинском ханстве в 1873 г. и возвращение их», Ташкент, 1883.
[71] Н. А. Халфин, Присоединение Средней Азии к России, М., 1965.
[72] Hugo Stumm, Chiwa Rapports de Hugo Stumm, стр. 12—15; Hugo Stumm, Aus Chiwa Berichte..., стр. 13—16.
[73] М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, т. II, СПб., 1906, стр. 142—144.

Туркестана, а поэтому соорудили крепости лишь на севере страны, в частности в местечке Ак-Кала и у оз. Дау-Кары [74]. Но ни с южной границы ханства, ни с западной никаких оборонительных крепостей не было, несмотря на то что в 50—60-х годах XIX в. Бухара и Хива часто воевали между собой из-за Мерва и Мервского оазиса [75].

В Хивинском ханстве, как и в других среднеазиатских ханствах, феодальные усобицы следовали одна за другой, а с 1855 по 1857 г. хивинские туркмены во главе с иомудами вели упорную борьбу с хивинским ханом и его правительством. Восстание хивинских туркмен явилось ответом на усиление налогового гнета и произвола, выразившегося, в частности, в далеко не достаточном отпуске хивинскими властями оросительной воды на туркменские земли.

В восстании приняла участие «масса рядовых туркмен, в частности их беднейшие слои», а также «зажиточная часть туркмен и родовая знать» [76]. Восстание закончилось поражением туркмен.

Безусловно, внешние войны и феодальная усобица внутри ханства привели к экономическому упадку и резкому ослаблению военной силы страны. В результате указанных причин, а также наличия патриархально-феодальных отношений, существовавших в стране, хивинские сарбазы накануне похода царских войск не представляли собой серьезной боеспособной силы. Они состояли из регулярных частей; из нукеров, которые формировались в случае войны из узбеков, казахов и каракалпаков, а следовательно, были ополченцами; из туркменских всадников, которых выставляли во время войны в полном вооружении и снаряжении [77] по одному с обрабатываемой земельной площади в 30—50 танапов. Такие земли назывались атлычными (от слова at — конь; atliq — конный, верховой) и были освобождены от государственных налогов, т. е. хивинский хан отдавал эти земли в пользование туркменам за военную службу. Самую ударную и значительную военную силу составляли нукеры из иомудов.

Однако к моменту вторжения царских войск в пределы Хивинского ханства в составе ханских сарбазов не было иомудов, так как «хан не заплатил им своевременно денег» [78], т. е. жалованья за нукерскую службу. Это свидетельствует о том, что за нукерскую службу хан кроме земли выдавал и определенное жалованье.

---

[74] «Туркестанский сборник», т. 75, СПб., 1873, стр. 237.

[75] Мирза Абдулазим Соми, Шахский подарок, рукопись ин-та востоковедения АН УзССР, инв. № 2091, лл. 188—189, 196—199.

[76] Ю. Э. Брегель, Хорезмские туркмены в XIX в., стр. 201—202.

[77] Там же, стр. 101.

[78] «Туркестанский сборник», т. 85, стр. 33.

Хивинские войска были вооружены плохо: одноствольными, и двуствольными ружьями, револьверами и саблями [79].

По свидетельству дореволюционных русских авторов, в обороне ханства участвовало очень мало правительственных войск. Отряды Мад Мурада, Мад Нияза, Садыка Кенесарина и еще шестерых командиров хивинских войск были немногочисленны; самый большой хивинский отряд насчитывал лишь полторы-две тысячи сарбазов [80].

Разгромив хивинские войска у оз. Сардаба-куль в ночь с 10 на 11 мая, туркестанский отряд царских войск уже 18 мая беспрепятственно начал переправляться на левый берег древнего Оксуса [81]. Поражаясь неспособности хивинцев к обороне, Мак Гахан писал: «Целый день производилась переправа войск без малейшей помехи со стороны неприятеля, здесь явно проявилась совершенная неспособность хивинцев к обороне» [82]. Бездарные правители Хивинского ханства не сумели организовать сопротивления не только на восточной границе ханства, но даже на севере, хотя там и были сооружены две крепости. Здесь все города были взяты войсками Веревкина без боя [83]. Рассказывают, что кунградский бек обратился к Веревкину с весьма странным требованием: «Пусть-де русские повременят три дня, пока привезут губернатору (беку. — *Т. Т.*) пушку для защиты города. Если же русские будут слепо настаивать на своем, пока он еще не приготовился, то он, губернатор, просто откажется сражаться... и в результате он бежал из Кунграда, не дав по ним (по царским войскам. — *Т. Т.*) ни одного выстрела» [84].

Сопротивление хивинцев резко ослаблялось внутренней борьбой в правящих кругах ханства. Дело в том, что сановники состояли из двух групп — сторонников и противников России. С приближением царских войск к Амударье борьба между ними приобрела ожесточенный характер. По свидетельству Мак Гахана, во главе сторонников России стоял дядя хана престарелый Сейид Эмир ал-Умер [85]. Он настаивал «на необходимости жить в добрых соседских отношениях с Россией» [86]. Накануне подхода царских войск к Хал-ате Эмир ал-Умера поддержал диванбеги Мад Нияз.

Душой второй группы, по словам того же Мак Гахана, был главный советник хана диванбеги-мехтер Мад Мурад [87]. Его под-

---

[79] Рукопись Ленинградской гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив хивинских ханов XIX в., тетрадь № 50, лл. 2—3; тетрадь № 51, лл. 1—2. Данные относятся к 1872 г.

[80] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6950, т. II, стр. 69—84.

[81] Там же.

[82] J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus..., стр. 182.

[83] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6935, л. 98.

[84] «Туркестанский сборник», т. 88, стр. 156.

[85] J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus..., стр. 289.

[86] «Туркестанские ведомости», № 29, 24.VII.1873 (ст. «Занятие Хивы»).

[87] J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus..., стр. 289.

держивали те элементы хивинского общества, которые стояли за независимость страны и за оказание сопротивления царским войскам. Большинство туркменского населения ханства было на его стороне. Хан Мухаммед Рахим поддерживал Мад Мурада.

Внутренняя борьба, разлад и разногласия среди сановников мешали обороне; везде господствовали нерешительность, неурядица и суматоха; царские войска не встретили сколько-нибудь серьезного сопротивления. Так, 23 мая передовые отряды туркестанских войск почти без единого выстрела заняли город Хазарасп, так как дядя хана Эмир ал-Умер, которому принадлежал этот город, не стал его оборонять и уехал в Хиву [88].

Или возьмем другой пример. Когда генерал Веревкин со своими войсками достиг окрестности г. Кята, к нему явились депутации от городов Кята, Янги-Яба и Гурлена «с изъявлением полной покорности...» [89].

Лишь 26 и 27 мая в окрестностях столицы хивинские нукеры оказали упорное сопротивление войскам Веревкина. В ответ на это Веревкин 28 мая подверг г. Хиву ожесточенной атаке [90]. Тогда перепуганный хан стал отправлять письмо за письмом Веревкину и Кауфману, а вечером 28 мая он в сопровождении Мад Мурада и нескольких десятков туркмен выехал из Хивы и направился на поклон к Веревкину. В это время часть населения г. Хивы объявила его младшего брата Мухаммед Рахима Атаджана-тюрю ханом, а регентом Эмир ал-Умера. Законного же хана, после его возвращения, народ не впустил в город. Тогда хан вместе с Мад Мурадом и 200 туркменами бежал к «иомудам сначала в Бедерхан, а затем в Измухшир» [91].

29 мая в 2 часа дня соединенные царские войска под звуки даргинского марша вошли в Хазараспские ворота, у которых во главе «огромной толпы народа стоял с непокрытой головою старик Эмир ал-Умер, а вблизи его вывезенные из города и цитадели хивинские орудия» [92].

Взятием г. Хивы закончился первый период хивинского похода, т. е. борьба с хивинским правительством. Второй период в корне отличался от первого; в это время борьба велась против туркменского населения ханства объединенными усилиями царских войск и отныне вассального хивинского правительства во главе с возвратившимся к власти Сейид-Мухаммед-Рахимом. Хан и его правительство в угоду царским властям изменили вчерашним своим союзникам — туркменам. 1 июня Атаджан-тюря вместе с дядей-регентом по поручению Кауфмана написали письмо законному хану Сейид-Мухаммед-Рахиму, в котором просили его вернуться в Хиву и принять временно утраченную власть.

[88] Там же, стр. 195—201.
[89] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6935, л. 98.
[90] Там же, д. 6950, т. II, лл. 122—123.
[91] «Туркестанский сборник», т. 75, стр. 239.
[92] Ф. И. Лобысевич, Описание хивинского похода 1873 г., стр. 329

По получении этого письма, «уверенный, что русские не казнят его и не сошлют в Сибирь, хан решил явиться с повинною головою» [93] в лагерь царских войск, сопровождаемый младшим братом Мурад-тюрею, диванбеги Мад Мурадом и другими приближенными. Он был приветливо принят Кауфманом, хотя хану при свидании с командующим царскими войсками пришлось пережить горькие минуты [94]. Хан проявил полную покорность России, признав себя еще до заключения мирного договора «покорным слугою императора Всероссийского».

6 июня Кауфман подписал распоряжение о признании Мухаммед-Рахима верховным правителем Хивинского ханства и об учреждении Дивана (совет по управлению ханством) на время пребывания царских войск в пределах ханства.

От российского правительства в Диван вошли три офицера и почетный ташкентский житель Алтын-бей. От ханского правительства вошли хан, диванбеги Мад Нияз, инак Иртазали и сановник Абдулла-бей [95].

Председательствовал в Диване хан.

На рассмотрении Дивана стояли три неотложных вопроса: снабжение русских войск продовольствием, освобождение рабов (персиян, гератцев) и туркменские дела. Первые два вопроса были разрешены успешно: войска были достаточно обеспечены продовольствием, а 12 июня 1873 г. было издано постановление хана и совета управления ханством об освобождении всех рабов и уничтожении рабства в пределах Хивинского ханства [96].

В манифесте хана об освобождении рабов говорилось следующее: «Я, Сейид-Мухаммед-Рахим-бахадур-хан, в знак глубокого уважения к русскому императору, повелеваю всем моим подданным предоставить немедленно всем рабам моего ханства полную свободу. Отныне рабство в моем ханстве уничтожается на вечные времена. Пусть это человеколюбивое дело послужит залогом вечной дружбы и уважения всего славного моего народа к великому народу русскому» [97]. Согласно этому манифесту, были освобождены рабы-персияне и гератцы, русские же пленные еще в марте 1873 г. были отправлены в Казалинск, а оттуда в Россию. Некоторые ханские сановники имели по нескольку тысяч рабов. Мад Мурад, например, дал свободу почти 4 тыс. бывших своих рабов [98].

Кроме сановников трудом рабов пользовались светские и духовные феодалы, а также чиновники низовой ханской администрации. Эти лица также были вынуждены дать свободу быв-

[93] «Туркестанские ведомости», № 34, 28.VIII.1873 («Корреспонденция из Хивы»).
[94] J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus..., стр. 275—276.
[95] «Туркестанские ведомости», № 30, 31.VI.1873.
[96] «Туркестанский сборник», т. 82, стр. 245.
[97] М. А. Терентьев, Россия и Англия в Средней Азии, СПб., 1875, стр. 113—114.
[98] J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus..., стр. 311.

шим своим рабам. Освобождение рабов имело большое прогрессивное значение.

Туркменский вопрос был более серьезным и требовал предусмотрительности и осторожности. До вторжения царизма в ханство власть хана была номинальной, ибо фактически почти полными хозяевами страны были туркменские феодалы. Давая исторический очерк отношений ханского правительства к туркменским феодалам, один из преемников Кауфмана, туркестантский генерал-губернатор барон Вревский, в 1895 г. доносил Николаю II: «...не хан властвовал и распоряжался в среде туркмен-полукочевников, а они (туркменские феодалы. — *Т. Т.*) держали его постоянно в своих руках» [99].

Ту же мысль высказывал и Мак Гахан, который, находясь в 1873 г. в Хивинском ханстве, внимательно изучал социально-экономическое и политическое положение этой страны. Он писал: «...хивинский хан никогда не был в состоянии управлять туркменами, живущими в его пределах. На деле это происходило наоборот, сами туркмены (туркменские феодалы. — *Т. Т.*) очень решительно управляли действиями хана... Проживая на хивинской территории, они отказывались от всякого участия в общих повинностях и не только не думали платить какие-нибудь подати, но еще сами собирали поборы» [100].

Оставлять туркмен в таком привилегированном положении для царских властей было невыгодно, ибо это мешало процессу превращения Хивы в вассальное ханство. Поэтому, желая положить конец своеволию туркменских феодалов, Кауфман еще 3 июля 1873 г. заявил туркменским старшинам, что он не позволит им ни грабежей, ни беспорядков и что в случае нарушения этого пощады им тогда не будет. Правда, ввиду поражения хивинцев туркменские феодалы внешне высказывали покорность, однако на самом деле решительно не желали лишаться былых привилегий, а потому тайно готовились к борьбе с царскими войсками. Однако Кауфман пристально следил за ними. Его политику по отношению к туркменам в полной мере одобряла часть узбекских феодалов во главе с Эмир-ал-Умером, поддерживавших дружественные отношения с Россией и предлагавших Кауфману наказать туркмен. Получив такую поддержку, Кауфман 7 июня 1873 г. отправил в кочевья туркмен-иомудов значительный отряд царских войск под командованием генерала Головачева.

В борьбе с царскими войсками туркмены проявили большое мужество, отвагу и способность к беспредельному самопожертвованию. Вынужденные бороться не на жизнь, а на смерть, они с саблями и косами шли в атаку против врага, вооруженного

[99] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 791, л. 13.
[100] J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus..., стр. 350 и дальше.

передовой военной техникой [101]. Конные и пешие туркмены, как львы, бросались в атаку, вооруженные почти исключительно холодным оружием. Силу их глубокой ненависти испытал отряд Головачева около местечка Чандырь и на пути в Ильялы. Туркмены в этих боях «босые, в одних рубахах, с засученными рукавами, закрывая левой рукой глаза, с гиком и воплями» [102] бросались на царские войска. Поэтому Кауфман вынужден был уйти из Хивы с войском на помощь Головачеву. Царские войска под командованием Головачева и Кауфмана огнем и мечом вынудили туркмен к подчинению.

Говоря о жестокостях царских войск в борьбе с туркменами-иомудами, Н. А. Халфин писал: «Зверское истребление туркмен и разграбление их кочевий, по мнению царских властей, должно было оказать моральное воздействие на хивинское население, подорвав в нем какое-либо стремление к сопротивлению, но фактически это был акт неоправданной жестокости, не находящей никакого объяснения» [103].

Итак, туркмены, потерпев поражение, подчинились неизбежной участи всего населения ханства. Покорение царскими войсками Хивинского ханства завершилось. «Непримиримый враг русских» диванбеги Мад Мурад вместе с есаулбаши Рахматуллой были арестованы и сосланы в г. Калугу.

12 августа 1873 г. между Хивой и Россией в Гандимиане был заключен мирный договор, состоявший из 18 пунктов. Сейид-Мухаммед-Рахим-хан признавал себя «покорным слугою императора Всероссийского», отказывался от «всяких непосредственных и дружеских сношений с соседними владениями и ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров» и обязывался «без ведома и разрешения представителей высшей царской власти в Средней Азии не предпринимать никаких военных действий против них» [104]. Правобережные земли р. Амударьи отходили к России, и из них в 1874 г. был образован Амударьинский отдел в составе Туркестанского генерал-губернаторства.

Согласно «Положению об управлении Туркестанским краем» от 1886 г., начальник Амударьинского отдела по гражданскому управлению пользовался правами уездного начальника. Он контролировал деятельность хана и его правительства; дипломатические и иные связи с Россией Хива осуществляла только через этого начальника. Согласно предписанию царского правительства, начальник Амударьинского отдела также нес ответственность за внутриполитическое положение в Хивинском ханстве.

[101] Там же, стр. 355—372 и сл.
[102] «Историко-политическое обозрение за 1872—1873 гг.», т. I, СПб., 1873, стр. 88.
[103] Н. А. Халфин, Присоединение Средней Азии к России, стр. 307.
[104] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 490, лл. 8—10; J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus..., стр. 416—420.

Возвращаясь к договору, следует отметить, что русские подданные в пределах ханства имели «право устраивать свои пристани» и фактории для склада и хранения своих товаров.

В ст. 8—11 и 13 договора было оговорено монопольное положение подданных Российской империи в торговых делах; русские купцы могли вести свободную торговлю, не уплачивая 5% зякета — пошлин за провоз товаров через Хиву; им разрешалось иметь торговых представителей во всех городах ханства.

Русские предприниматели получили возможность приобретать в ханстве недвижимое имущество; согласно 15-й ст. договора, «жалобы и претензии хивинцев на русских подданных, в том случае если последние находятся внутри пределов ханства», должны были передаваться «ближайшему русскому начальнику на рассмотрение и удовлетворение»[105]. В договор был включен и ханский закон об освобождении рабов и запрещении в стране рабства.

Согласно 18-й ст. на хивинское правительство была наложена контрибуция в размере 2 млн. 200 тыс. руб., которая должна была уплачиваться с рассрочкой и с уплатой пени из расчета 5% в год, с тем чтобы в первые два года в русскую казну вносилось по 200 тыс. руб., в следующие два года — по 125 тыс. руб.[106], в 1877—1878 гг. — по 150 тыс. руб., затем два года — по 175 тыс. руб., в 1881 г. — 200 тыс. руб. и, наконец, до окончательной расплаты — не менее 200 тыс. руб. в год[107].

Таким образом, Хивинское ханство как в экономическом, так и в политическом отношении было поставлено в зависимое от России положение. В начале 90-х годов прошлого столетия в одной из бесед с начальником Амударьинского отдела Разгоновым Сейид-Мухаммед-Рахим сказал следующее: «Оба мы слуги белого царя. Вам он поручил управление народом правого берега, я по его же воле управляю народом левого берега»[108]. Из этих слов хана делается вполне ясно, что он совершенно правильно оценивал свое положение, понимая, что договор 1873 г. превратил его в вассала Российской империи, которая установила таким образом свой протекторат над Хивинским ханством.

[105] J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus..., стр. 416—420.
[106] Там же.
[107] Там же, стр. 419.
[108] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 758, л. 13.

Глава II

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ХИВЫ В КОНЦЕ XIX в.

Борьба туркмен с хивинским правительством и вмешательство царских властей во внутренние дела ханства

В результате карательной экспедиции Головачева в июле 1873 г. сила иомудов была сломлена, большая часть их имущества захвачена. Об этом в преамбуле Гандимианского договора говорится так: «Лишение значительной части имущества, большая потеря в людях и в особенности нравственное поражение, ими (иомудами.— *Т. Т.*) ныне испытанное, упрочивают власть хана над ними и обеспечивают спокойствие всей страны на будущее время»[1].

Однако составители договора глубоко ошиблись. Правда, потерпев поражение, туркмены были вынуждены уплатить штраф, но, несмотря на воззвание Кауфмана, к своим кочевьям (туркмены были рассеяны по степи) они не возвращались, скитались по пустыне вблизи границ оазиса в продолжение нескольких недель, до тех пор пока Кауфман не перешел Амударью на обратном пути в Ташкент.

С уходом царских войск туркменские феодалы развернули враждебные действия против казахов, каракалпаков, узбеков и освобожденных от рабства персов. Особую жестокость туркменские феодалы проявляли по отношению к бывшим своим рабам — персам, так как последние десятками и сотнями перебегали на сторону русских войск, видя в их лице своих освободителей. И действительно, несмотря на захватнические планы царизма по отношению к Хиве, завоевание Россией Хивинского ханства положило конец позорному рабству. Поэтому нет ничего удивительного, что рабы — персы и гератцы с радостью встретили русских[2].

С не меньшей радостью их встречали и кочевавшие в северной части ханства казахи, которые до 1873 г. подвергались беспощадной эксплуатации родовой верхушкой туркмен. Начальник Амударьинского отдела Иванов в рапорте на имя туркестанского генерал-губернатора от 29 июля 1874 г. писал, что казахи встретили «довольно радушно прибытие русских войск в хивинский оазис» и служили «проводниками отрядам... Такими дей-

[1] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 490, л. 7.
[2] J. A. Mac Gahan, Campaigning on the Oxus..., стр. 355.

ствиями казахи навлекли... на себя ненависть... враждебных нам элементов ханства»[3].

5 сентября 1873 г., в самый день ухода из Петроалександровского укрепления последнего эшелона туркестанских войск, около г. Куня-Ургенча туркмены окружили 1700 освобожденных от рабства персов и гератцев[4]. Бывшие рабы три дня отбивались, и многие из них были убиты и ранены; остальных туркмены загнали в безводную степь и там голодом и жаждою принудили сдаться[5].

Кроме враждебных действий против персов и казахов туркмены, возглавляемые своими феодалами, группами в 30—40 человек нападали на оседлое узбекское население ханства.

К осени 1873 г. положение в ханстве крайне обострилось; разбои, грабежи увеличились. Хивинский хан был бессилен что-либо предпринять против туркменских феодалов. По предложению Кауфмана во второй половине октября 1873 г. Иванов совершил поход в дельту Амударьи на урочище Даукаре. При этом цель и направление движения держались в тайне.

Туркменское население левобережья притихло, опасаясь появления Иванова в пределах ханства. Но Иванов не перешел на левый берег, а лишь выбрал место на правом берегу Амударьи под укрепление. С уходом его из дельты Амударьи туркменские феодалы Хивы вновь оживились. Опять началась борьба с узбеками и казахами. Бессильный Мухаммед-Рахим без конца просил у Иванова помощи для усмирения туркмен.

Руководствуясь инструкцией туркестанского генерал-губернатора Кауфмана от 12 сентября 1873 г.[6], Иванов 12 января 1874 г. с отрядом царских войск перешел на левый берег. Переход был мотивирован тем, что «туркмены обижают русское население правого берега и начинают перестрелку с русскими войсками», а поэтому для наказания «главных зачинщиков смут я перехожу, — писал он хану, — с войсками на левый берег, причем русские войска не будут обижать ни узбеков, ни других ваших подданных, кроме туркмен»[7].

У переправы Иванов разбил отряд туркменских феодалов и двинулся на кочевья туркмен-иомудов колена кульчар, у которых старшиной был Качи-Мурад. Кочевья кульчар были уничтожены, а они ушли в степь.

Однако Иванов не стал их преследовать, считая, что «на первый раз для них достаточно уничтожения их кочевья»[8]. К этому моменту от туркмен-чоудор прибыли представители с изъявлением покорности.

Мухаммед-Рахим-хан отправил Иванову письмо, в котором сообщал, что и прочие «роды туркмен проявляют раскаяние и обещают исполнить все требования». После получения этих сведений начальник Отдела, пройдя через землю туркмен-чоудор, прибыл в г. Кипчак, где «простоял несколько дней, потом переправился на русскую сторону»[9]. Поход Иванова, следовательно, произошел без особенно заметных столкновений с туркменами. Однако появление царского отряда на левобережье вынудило туркменских феодалов временно прекратить грабежи и убийства местных жителей, а также начать вносить контрибуцию.

Для возмещения произведенных в этом походе расходов Иванов с разрешения туркестанского генерал-губернатора наложил дополнительный сбор в размере 7 тыс. руб. ввиду того, что «туркмены сами своими действиями вызвали его приход, пусть же несут кару, которую заслужили»[10], — писал Иванов хану. Но стоило Иванову перейти на правый берег, как туркменские феодалы опять возобновили свои враждебные действия против оседлого и кочевого населения ханства. Об этом свидетельствует письмо Иванова хану от 29 января 1874 г., в котором он писал, что туркмены бесчинствуют не только в ханстве, но и переходят на правобережье, а потому он собирается опять перейти на левый берег Амударьи. Далее в этом же письме Иванов замечал хану: «Вы постоянно пишете о том, что не имеете силы справиться с туркменами; я с силою теперь здесь, и Вы должны пользоваться случаем привести к порядку Ваших подданных»[11].

По совету Иванова хан «во всех главных родах хивинских туркмен» поставил своих чиновников, которые наблюдали за порядком, за сбором контрибуции и пр. Весной 1874 г. туркменские беспорядки немного стихли, но летом развернулись враждебные действия между туркменами теке и иомудами. Теке вторглись в пределы ханства и даже осадили города Питняк и Хазарасп[12]. Поэтому начальник Амударьинского отдела принял активное участие в их усмирении. Кроме междоусобной борьбы туркменские феодалы ханства летом того же, 1874 г. напали на казахов, кочевавших в северной части ханства. Не имея сил защищаться, казахи вынуждены были уйти частью в Уральскую область, частью в Мангышлакский уезд Закаспийской области[13]. Некоторые из них стали просить разрешения на жительство в Амударьинском отделе. В связи с этим по просьбе хана

[3] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 29, д. 103, л. 7.
[4] «Туркестанский сборник», т. 72, стр. 41; газ. «Русский мир», № 292, 1873.
[5] Там же.
[6] «Ваше высокоблагородие,— писал генерал-губернатор Кауфман,— имейте распорядиться, чтобы войска на пути своем предавали бы все и вся огню и мечу (подчеркнуто нами.— *Т. Т.*). Наказание должно быть примерное, жестокое, дабы дать почувствовать им всю тяжесть кары за неисполнение наших требований и произвести впечатление на остальные роды туркмен» (ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 264, л. 4).
[7] ЦГИА УзССР, ф. 125, оп. 1, д. 1, л. 30.
[8] Там же, л. 27.
[9] Там же, л. 30.
[10] Там же, л. 27.
[11] Там же, л. 17.
[12] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 29, д. 93, лл. 26, 29.
[13] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 29, д. 103, л. 9.

Иванов в сентябре 1874 г. обратился с письмом к туркменскому населению, в котором он, напомнив туркменским феодалам о своем зимнем походе в их кочевья, предупреждал, что «денег, наложенных на вас в контрибуцию, вы не платите, своего законного хана Сейид-Мухаммед-Рахима не слушаете, зяката и дахьяка с его земель ему не представляете, позволяете вашим дурным людям ездить на грабежи караванов, ссоритесь с теке, разоряете узбеков и прочее население ханства Хивинского». Письмо его заканчивалось следующим образом: «Одумайтесь! Уберите своих воров и разбойников, слушайтесь хана и платите деньги!» [14].

Вместе с тем, видя продолжающиеся беспорядки в ханстве, Иванов обратился со специальным рапортом к генерал-губернатору, в котором он предлагал присоединить все Хивинское ханство к империи и тем самым навести порядок в этой стране. Спустя полтора месяца начальник Отдела вторично предложил присоединить ханство к империи ввиду того, что «с каждым годом, с каждым днем ханство беднеет, оседлое население разоряется туркменами, культурная страна обращается в пустыню, торговля падает». Высказавшись за присоединение ханства к империи, Иванов утверждал, что «рано или поздно обстоятельства заставят присоединить ханство к нашим владениям и, чем раньше совершится этот факт, тем в лучшем виде будут эти наши владения» [15].

Согласившись с этим предложением начальника Отдела, Кауфман решил «возбудить этот вопрос и представить его на благоусмотрение и разрешение верховного правительства». Однако Министерство иностранных дел и военный министр не согласились с этим. Кстати заметим, что, возбуждая вопрос о присоединении Хивы, Кауфман предлагал предварительно созвать Особое совещание для обсуждения вопроса «О прекращении самостоятельного существования Хивинского ханства». Но военный министр писал туркестанскому генерал-губернатору, отклоняя предложение последнего о присоединении Хивы к России, что министр иностранных дел Горчонов, «независимо от общих политических соображений, имеет в виду высочайшую волю о непременном сохранении самостоятельности Хивы, хотя бы при помощи русской военной силы для обуздания туркмен» [16]. Князь Горчаков считал, что карательные походы против туркмен в конце концов приведут их к повиновению, что со времени покорения Хивы прошел всего один год, поэтому он полагал, что «ныне еще крайне преждевременно приходить к заключению, что Хивинское ханство не может вовсе существовать при новых условиях». Сообщая об этом, военный министр 10 ноября 1874 г. писал Кауфману: «Я разделяю мнение министра иностранных дел» [17].

Таким образом, попытки Иванова и Кауфмана ликвидировать самостоятельность Хивы окончились неудачей. Царские министры были против присоединения Хивы к России, но разрешили Кауфману совершать карательные экспедиции против туркмен для поддержания власти хивинского хана. Еще до получения из Петербурга предписания Кауфман 29 октября 1874 г. предложил Иванову перейти на левый берег Амударьи [18]. Почти одновременно с этим предписанием Кауфмана Иванов получил письмо от Мухаммед-Рахима, который просил начальника Отдела провести карательную экспедицию в туркменских кочевьях и привести их к покорности хану.

Вследствие упомянутого выше предписания Кауфмана и просьб хана начальник Амударьинского отдела 17 января 1875 г. с отрядом царских войск, переходя на хивинскую территорию, обратился к туркменским старшинам с прокламацией, в которой заявлялось: «Несмотря на все милости, которые делались туркменам, несмотря на все их обещания исправиться и жить спокойно, слушать своего хана, отпускать рабов и уплатить деньги, наложенные генерал-губернатором, возвратить все награбленное у мирных жителей, прекратить посылки разбойничьих шаек куда бы то ни было — туркмены не успокоились. Вследствие этого его высокопревосходительство туркестанский генерал-губернатор дал мне приказание прийти с отрядом в кочевья туркмен и наказать виновных». Прокламация заканчивалась угрозой: «Никаким обещаниям, никаким словам верить не буду, требую покорности и исполнения всех приказов» [19].

С приходом Иванова туркменские феодалы опять оказали ему покорность. Мухаммед-Рахим-хан прислал Иванову несколько писем с просьбой встретиться с ним. Встреча состоялась в Кош-купыре. В ходе беседы с Мухаммед-Рахимом Иванов сказал, что «русский отряд не всегда может приходить к нему (к хану. — *Т. Т.*) для водворения порядка между туркменами, что ему (хану. — *Т. Т.*) пора самому поставить дело с туркменами прочно и что теперь лучшее время для этого, так как хан может воспользоваться тем впечатлением, которое произвел отряд своим движением». Далее Иванов посоветовал, чтобы хан немедленно послал во все роды туркмен своих сановников и рекомендовал «перестать считать туркмен привилегированным сословием, а поставить их на один уровень с прочим населением ханства» [20], а также «обложить их какою бы то ни было податью в ханскую казну» [21].

---

[14] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 29, д. 93, л. 48.
[15] Там же, л. 51.
[16] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 264, лл. 10, 13.
[17] Там же, л. 13.
[18] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6875, л. 49.
[19] Там же, л. 66.
[20] Там же.
[21] Там же, л. 67.

По просьбе хана Иванов двинулся к себе в Амударьинский отдел. Сообщая о своем походе в туркменские кочевья, начальник Отдела предлагал генерал-губернатору «держать туркмен в постоянном страхе и спокойным движением по их кочевьям и им, и остальному населению доказать все бессилие туркмен против нас и невозможность не подчиниться хану, раз мы оказываем последнему помощь» [22].

Поход начальника Отдела в туркменские кочевья вынудил местных феодалов на время занять мирную позицию. Желая воспользоваться тем впечатлением, которое было произведено на них экспедицией Иванова, Мухаммед-Рахим 22 февраля 1875 г. в сопровождении кушбеги и всех родственников, за исключением одного из братьев, оставленного в г. Хиве, выехал к туркменским кочевьям, имея при себе 1500 конных нукеров и 200 стрелков, вооруженных двумя орудиями. Он побывал в Хазавате, Измухшире, Ильялы, Куня-Ургенче, Ходжейли и других туркменских землях. Руководствуясь советом Иванова, хан обложил туркмен поземельным налогом (салгыт), от уплаты которого они были до этого освобождены. Салгыт налагался не на каждый двор, а на род. Так, хазаватские иомуды в течение года должны были уплатить хану 10 тыс. тилля, туркмены-имрали — 6 тыс., карадашлы — 3840 тилля и т. д.

Размер салгыта был определен ханом «по соглашению со старшинами и сообразно количеству имевшейся у туркмен в пользовании земли и согласно выставлявшихся ими прежде (до покорения Хивы Россией. — *Т. Т.*) нукеров» [23]. Кроме того, взамен «рабочих по чистке арыков (казучи) туркмены за каждого рабочего, который понадобился, обязались платить по 2 тилли». Эта сумма была наложена на три года, в последующее время хан мог «наложить подать иначе» [24].

Однако борьба туркменских феодалов с ханским правительством, а следовательно, и с узбекскими феодалами племени кунград, которые по существу правили страной, не прекращалась. Усилились также взаимные набеги иомудов и текинцев. Иванов воспользовался беспорядками в ханстве для того, чтобы обратиться к туркестанскому генерал-губернатору с предложением немедленно присоединить ханство к империи [25]. Но Кауфман отнесся к этому предложению резко отрицательно. Он считал, что положение русских на Амударье «настолько удовлетворительно по отношению к целям государственным, политическим и экономическим, что оно едва ли может быть улучшено присоединением к составу империи остальной части хивинской территории» [26].

[22] Там же, л. 72.
[23] Там же, л. 98.
[24] Там же, л. 88.
[25] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 329, л. 18.
[26] Там же, л. 23.

Между тем внутриполитическое положение в ханстве продолжало обостряться: феодалы ханства во главе с феодалами рода иомуд усилили борьбу против хивинского правительства. Возглавляемые кетхудой Балям-аталыком, они обвинили кушбеги Худояра в том, что он кроме подлежащих сбору «денег взыскивал с них напрасно 30 тыс. тиллей». В августе туркмены родов иомуд, имрали, чоудор и других обратились к Иванову с письмом, в котором они обвиняли ханское правительство в поборах и просили Иванова дать «разрешение укочевать в другое место» [27] или же, если это невозможно, то принять их в русское подданство.

Иомуды просили Иванова направить к ним специального человека, который познакомился бы с их положением. «Если не сделаете этого, — писали они, — то испросите нам от белого царя позволение, и тогда мы все туркмены укочуем отсюда» [28]. 19 октября 1876 г. Балям-аталык с тысячью иомудов отправился к Иванову с жалобой на хана. Примеру иомудов последовали и туркмены-имрали. Последние 20 октября огромной толпой отправились к начальнику Отдела также «с жалобою на притеснения хивинского правительства» [29]. Они, как и Балям-аталык, были приняты начальником Отдела. В письме, отправленном с имралинцами на имя хана, Иванов просил его обратить внимание на заявления туркмен и «постараться проверить и удовлетворить их претензии» [30].

Хан отклонил эти жалобы, признав их ложными, и сообщил начальнику Отдела, что вызванные в Хиву «туркменские старшины дали подписку в том, что они и их население не имеют никаких претензий к кушбеги» [31], что Балям возмущает иомудов с корыстной целью, дабы показать им, что он один борется за интересы населения. К концу октября 1876 г. среди иомудских старшин возникли разногласия. Старшин, давших подписку, иомуды объявили подкупленными ханом. Авторитет Баляма рос с каждым днем. 25 октября он с отрядом около 2 тыс. человек, состоящим из конных и пеших иомудов, прибыл к местечку Ширшали, на западе от Хивы. Отсюда Балям-аталык отправил Мухаммед-Рахиму письмо, требуя возвращения якобы незаконно собранных с них денег, угрожая в противном случае атаковать г. Хиву.

«Просьба иомудских жителей следующая: склонившись на сторону пяти старших иомудских негодяев, — писал в этом письме Балям-аталык, — ты лишился 40 000 кибиток иомудов, которых сделал кафырями (неверными). Я приехал по приказанию

[27] Там же, л. 19.
[28] Там же, л. 20.
[29] Там же, л. 76.
[30] Там же, л. 72.
[31] Там же, л. 76.

Джантюри (т. е. Иванова. — *Т. Т.*). Отдай мою недоимку!»[32]. Из этого письма иомудов видно, что начальник Отдела в их сознании имел гораздо больше веса, нежели хан, и, ссылаясь на Иванова, они хотели добиться возврата незаконно собранных с них денег.

Не зная, что делать с людьми Баляма, а также не имея сил бороться с ними в случае каких-либо осложнений, хан обратился к начальнику Отдела за советом, как надлежит ему поступить с ними. Ответ последовал немедленно.

В письме 27 октября 1876 г. Иванов рекомендовал «обиженных выслушать и удовлетворить, а тех, которые обращаются с дерзостями, как это сделал Балям-аталык, беспощадно наказывать. Справедливым разбором дела, — писал он хану, — вы приобретете любовь народа и докажете, что перед вами как ханом все поданные равны, будь то последний туркмен или старший сановник ханства»[33].

Но хан не принял этого совета. Он отклонил требование Балям-аталыка. Последний продолжал борьбу. Число туркмен, недовольных ханским правительством, с каждым днем росло.

Происходившие в ханстве события вынудили Кауфмана дать приказ начальнику Отдела перейти на левый берег и выяснить на месте действительные причины туркменских волнений. Иванов с отрядом перешел на левый берег Амударьи, взяв курс на туркменские кочевья.

Хан прибыл в Хазават для свидания с Ивановым и благодарил последнего за помощь. Туркмены испугались прибытия царских войск. Они притихли, и никаких столкновений не было.

Вернувшись в Отдел, Иванов сообщил Кауфману, что хана «не слушают и не боятся не только туркмены, но и остальное население ханства», и снова высказал мысль о необходимости присоединения ханства к империи. Но это предложение было отклонено. Ни Кауфман, ни военный министр не были согласны на ликвидацию самостоятельности Хивы.

Зимний поход 1877 г. был последним. Этим закончилось вооруженное вмешательство царских войск во внутренние дела Хивинского ханства. Но это не положило конца спорам и борьбе между ханским правительством и туркменами. Последние не выполняли распоряжений хана. Так, в сентябре 1877 г. для сбора податей Мухаммед-Рахим отправил в кочевья иомудов своего кушбеги, но последний ничего с них собрать не смог. Тогда хан направил письмо иомудам, требуя от них немедленного ухода с ханских земель, на что, конечно, иомуды не согласились. Тогда хан решил с помощью царских войск разгромить иомудские кочевья. Но, не получив поддержки от начальника Отдела, отказался от этого похода.

[32] Там же, л. 82.
[33] Там же, л. 80.

Непрекращавшееся неповиновение туркменского населения хану и беспорядки, происходившие в ханстве, заставили царские власти Туркестана обратиться в Петербург с ходатайством о возвращении на родину арестованных в 1873 г. и отправленных в Калугу хивинских сановников: диванбеги Мад Мурада и есаулбаши Рахматуллу. 12 сентября 1879 г. генерал-губернатор Кауфман писал военному министру: «В настоящее время узбекское население на левом берегу Амударьи, по собранным сведениям, настолько миролюбиво относится к русским, что если бы возвратить в Хивинское ханство сказанных лиц (Мад Мурада и Рахматуллу. — *Т. Т.*), то они, как уже ознакомившиеся с силою Российской империи, видя невозможность для Хивинского ханства борьбы с Россией, могли бы с пользою для нас заменить теперешних ханских советников, не приносящих пользы ни Хиве, ни нам»[34]. По возбужденному Кауфманом вопросу военный министр Д. Милютин вошел со специальным всеподданнейшим докладом к Александру III, прося о возвращении арестованных, на что получил согласие. В начале 1880 г. Мад Мурад и Рахматулла возвратились на родину.

Таким образом, в 1873—1878 гг. центральное место в русско-хивинских отношениях занял туркменский вопрос. Борьба между туркменскими и узбекскими феодалами велась главным образом за власть, за господство в ханстве, чтобы грабить трудящихся туркмен, узбеков, каракалпаков и казахов. В эту борьбу туркменские феодалы втягивали и трудящихся туркмен, умело используя в своих узкоклассовых интересах их недовольство ханским правительством и узбекскими феодалами. Туркменские феодалы использовали трудящихся соплеменников в борьбе с казахскими и каракалпакскими феодалами, организовывая их нападения на казахское и каракалпакское население. В ходе борьбы в 1873—1878 гг. между узбекскими и туркменскими феодалами царское правительство выступало в поддержку хивинского хана (т. е. узбекских феодалов), в котором оно видело своего раболепного вассала.

Роль хивинского хана в ходе завоевания Россией туркмен Ахала и Мерва

В 1879 г. началось движение царских войск в сторону Ахала. Здесь, в Ахалтекинском оазисе, издавна обитало одно из воинственных туркменских племен — текинцы. В соседнем Мервском оазисе самыми воинственными и многочисленными были туркменские колена тохтамыш и отамыш, состоявшие из четырех родов: бахши, векиль, бек и сичмаз. До покорения Хивы царизмом эти туркменские племена иногда находились в номинальной

[34] ЦГВИА СССР, ф. 400. Азиатская часть Главного штаба, оп. 259/909, 1879 г., связка 889, д. 49, л. 1.

зависимости от хивинского хана, а нередко отказывались признавать даже его номинальную власть.

В 1879 г. царский отряд во главе с генералом Лазаревым попытался захватить у текинцев Геок-Тепе, но потерпел неудачу[35]. После смерти Лазарева на его место был назначен генерал Скобелев. В 1880 г. он выступил в поход против ахалтекинцев. Тогда последние отправили в Хиву посольство, которое привезло хану и Мад Мураду тождественные письма за печатями Махтум-Кули-хана (сына Нурверди-хана), Мухаммед-Кули-хана, Ораз-Мухаммед-хана и др. Они писали, что «со времен наших дедов и прадедов народ здешний принадлежал вам, и мы теперь принадлежим вам. Теперь настало такое время, что русский отряд пришел и стоит в Бами, а мы находимся в Геок-Тепе и с русскими состоим во вражде». Они просили совета, как надлежит им поступить при наступлении царских войск[36]. Содержание этого письма хан сообщил начальнику Амударьинского отдела, а последний предложил дать им следующий ответ: «...безусловно покориться на милость белого царя, не доводя его до гнева сопротивлением войскам генерала Скобелева»[37].

Необходимо подчеркнуть, что посольство, кроме переданных хану и Мад Мураду писем, словесно просило у хана помощи для борьбы с царскими войсками. Но Мухаммед-Рахим отказал ему в этом, ссылаясь на то, что «русские находятся от него слишком близко»[38]. Тогда текинские старшины обратились за помощью к хивинским иомудам. Последние ответили, что и «рады были бы помочь, но боятся, что когда они пойдут к ним, то хан сейчас же уведомит русских, которые разрушат их жилища»[39]. Таким образом, попытка ахалтекинских старшин к организации союза для оказания сопротивления царизму не увенчалась успехом, но, несмотря на это, они сочли для себя унизительным принять совет хана и в самой категорической форме отвергли его.

Влиятельные ахалтекинские старшины Тыкма-сердар, Махмуд-Кули-хан и Курбан-Мурад-ишан, решив вопрос о вооруженном сопротивлении Скобелеву, обратились за помощью к мервским туркменам. Последние отправили в Ахал 4 тыс. человек под командованием Каджар-Топас-хана. Объединенные силы туркмен Ахала и Мерва при обороне крепости Геок-Тепе оказали войскам генерала Скобелева упорное и мужественное сопротивление, но тем не менее 12 января 1881 г. крепость пала. Туркмены при всей их храбрости и способности на самопожертвование потерпели поражение от более организованных царских войск, вооруженных новейшей военной техникой того времени.

[35] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6863, л. 2.
[36] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 489, лл. 1, 3.
[37] Н. И. Гродеков, Война в Туркмении, т. III, СПб., 1883, стр. 145.
[38] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 489, л. 4.
[39] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 509, л. 67.

После падения Геок-Тепе ахалтекинцы рассеялись в песках. «Выдающийся защитник Геок-Тепе, популярный вождь ахалтекинских племен Тыкма-сердар» также удалился в пустыню, боясь попасть в плен. По поручению туркестанского генерал-губернатора хивинский хан обратился ко «всем старым и малым жителям, старшинам и аксакалам Ахалтекинского оазиса»[40]. Он писал: «Если вы будете русскими подданными, то вам не только не будет никакого вреда, а, напротив, будет большая польза, поэтому советую всем жителям сесть на свои места и по-прежнему заниматься своим хозяйством»[41]. Глава ахалтекинцев, Тыкма-сердар, 27 марта 1881 г. явился к Скобелеву в Асхабад с повинной головой, а летом того же года вместе с двумя влиятельными старшинами поехал в Петербург, где был произведен в майоры кавказской армии[42].

Рассмотрим роль хивинского хана в процессе подчинения Россией Мерва. После покорения ахалтекинских туркмен царское правительство устремило свое внимание на восточные оазисы Закаспийского края. Но убийство Александра II на некоторое время задержало продвижение войск к Мерву. Александр III дал приказание Скобелеву «не переходить границу оазиса и воздержаться от всякого враждебного движения против Мерва». Поэтому о вооруженном покорении Мерва не могло быть и речи. В связи с этим царские власти решили попытаться мирным способом воздействовать на мервских туркмен через бухарского эмира или хивинского хана. Главный штаб запросил туркестанского генерал-губернатора о том, кто из среднеазиатских владетелей имеет на туркмен больше влияния — бухарский эмир или хивинский хан. Из Ташкента последовал ответ: «Вообще из слов эмира бухарского можно заключить, что едва ли он имеет какое-либо влияние на мервских туркмен»[43]. И далее: «...если искать между соседними владетелями лицо, которого бы они уважали и слушались, то таким может быть отчасти только хан хивинский, имеющий с ними в течение долгого времени самые деятельные сношения»[44].

Пока велась эта переписка, правящие круги Англии, встревоженные покорением Россией ахалтекинских туркмен, отправили в Мерв своих агентов, чтобы вести агитацию против царской России среди населения этого оазиса. В качестве английского агента в начале 1881 г. в Мерв приехал корреспондент лондонской газеты «Daily News» О'Донован. По свидетельству одного английского автора, О'Донован был отправлен в Мерв английской разведкой для ведения среди туркмен антирусской агитации, с тем чтобы по возможности осложнить присоединение

[40] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 509, л. 8.
[41] См.: «Туркестанские ведомости», 30.VI.1881.
[42] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 509, л. 43.
[43] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6934, л. 135.
[44] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 509, л. 14.

Мервского оазиса к России[45]. Однако этот агент не смог выполнить возложенную на него задачу.

По приезде в Мерв О'Донован выдал «себя за лицо, уполномоченное английским правительством, обещая мервцам, от имени этого правительства, поддержку деньгами, оружием и даже войсками против русских», а поэтому вначале он имел среди мервцев «некоторый успех и ему, отчасти, там поверили». Но позднее, когда мервцы убедились, что О'Донован чрезмерно предается употреблению спиртных напитков, и когда он, нуждаясь в деньгах, взял у них в долг, его влияние среди населения Мервского оазиса свелось почти на нет[46]. Пребывание в Мерве О'Донована обеспокоило царское правительство, беспокойство особенно усилилось после того, когда в Петербурге стало известно, что этот англичанин, уезжая в июле 1882 г. из Мерва, «повез с собою прошение многих мервских старшин об оказании им со стороны Англии содействия против замыслов России»[47].

Ввиду таких тревожных слухов из Петербурга было отправлено предписание генерал-губернатору о том, чтобы он немедленно обратился к хивинскому хану с просьбой отправить письмо мервским туркменам. Генерал-губернатор в свою очередь обратился к хану и просил его уговорить туркмен подчиниться русским властям. Хан отправил к мервцам посольство во главе с ходжейлинским беком Муртаза-беем. Последний привез в Мерв письмо, а также богатые подарки, в том числе 16 верблюдов, навьюченных халатами[48]. Но отправка этого посольства не понравилась генерал-губернатору. Последний предложил начальнику Отдела довести до сведения хана, чтобы в дальнейшем хан держал связь с туркменами только письменно. По-видимому, царские власти боялись усиления влияния хивинского хана на мервских туркмен, поэтому запрещали ему иметь с ними непосредственную связь путем отправки посольства.

Письмо хана было принято мервским населением положительно. В ответном письме мервцы сообщали Мухаммед-Рахиму, что приезд Муртаза-бея совпал с пребыванием у них английских, русских и персидских агентов, говоривших «народу разное известие»; что «все ишаны, ходжи, сеиды, муллы и почетные люди объявили народу ваше послание и все единогласно решили исполнять ваши приказания». И далее они писали: «Поэтому русского пленного Кидяева, которого несколько раз просил выдать бухарский эмир, но ему не выдали, — посылаем к вам с Муртазабеем. Кроме того, от родов отамыш и тохтамыш посылаем к вам 24 старшины»[49]. Эти старшины, побывав в Хиве и встретившись с ханом, затем направились в Амударьинский

[45] Ch. Marvin, Reconnaitring Central Asia..., стр. 295—343.
[46] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 260/910, 1881, связка 570, д. 35, л. 19.
[47] Там же, л. 18.
[48] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6938, л. 71.
[49] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 509, лл. 83, 40.

отдел, где обратились к его начальнику с просьбой разрешить хивинскому хану отправить к мервским туркменам чиновника. Эта просьба была удовлетворена, о чем начальник Отдела лично писал туркестанскому генерал-губернатору: «Мне казалось бы, что ханский человек в Мерве, если и не прекратит всех грабежей, то будет уже тем полезен для нас, что мы будем точно и подробно знать все происходящее в Мерве»[50].

По возбужденному мервцами вопросу туркестанский генерал-губернатор обратился к министру иностранных дел Гирсу. Последний по договоренности с военным министром и командующим кавказской армией согласился на отправку хивинским ханом к мервским туркменам сановника с тем лишь условием, «чтобы всякая перемена в назначении такого начальника делалась не иначе как с ведома и согласия русского правительства, которое во всяком случае не принимает на себя ответственности за действия его (ханского чиновника.— *Т. Т.*) и обязательства поддерживать его»[51].

Несмотря на такое предписание из Петербурга, туркестанские власти по неизвестным причинам оттягивали отправку ханом своего человека. Тогда население Мерва обратилось с вторичным письмом к Мухаммед-Рахим-хану. Оно писало: «Вы царь мусульман и мы в это трудное время, прибегая под ваше покровительство, принимаем все ваши царские повеления. Просим сделать милость дать нам мервцам справедливого, любящего веру и народ начальника, который заставил бы выполнять правила мусульманской религии и шариата и в больших делах был бы защитником народа»[52].

Это письмо показывает, что среди мервцев Мухаммед-Рахим пользовался определенным авторитетом, быть может, более всего потому, что он был свой, «правоверный» государь. Только после этой повторной просьбы мервских туркмен начальник Отдела дал согласие на отправку хивинским ханом в Мерв своего сановника. В качестве представителя Хивы туда был отправлен Юсуп-бек, давно служивший при хане и испытанный им человек. Мервские туркмены были очень довольны его приездом и стали утверждать, что «им теперь нет никакого дела до асхабадских властей и что вся ответственность за их действия падает с этого времени на хивинского хана»[53].

Юсуп-бек начал собирать с туркмен всевозможные подати, заявляя, что «делает это с разрешения русского правительства». Мервцы отказались вносить эти подати. Когда об этом стало известно туркестанскому генерал-губернатору, он предупредил хана, что царь, давая разрешение на назначение хивинского сановника в Мерв, хотел только достичь «среди них порядка и

[50] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 29, д. 521, л. 45.
[51] Там же, л. 83.
[52] Там же, л. 89.
[53] Там же, л. 107.

спокойствия» и никто не давал права Юсуп-беку действовать там «именем императорского правительства и взимать какие-либо налоги с народа... Императорское правительство никоим образом не может брать на себя ответственность за действия вашего сановника и сей последний никак не может рассчитывать на нашу поддержку» [54]. Поэтому он требовал от хана прекратить сбор податей, ибо «взимание таковых может лишь усилить беспорядки в Мерве, а следовательно, дать результат, противоположный тому, какой желательно было бы нам достигнуть через посылку к мервским туркменам начальника из сановников вашего высокостепенства» [55].

6 октября 1882 г. умер 75-летний Юсуп-бек. Его смерть оказалась поводом к тому, чтобы лишить хивинского хана влияния на туркмен и в равной степени усилить влияние царского правительства на мервские дела через администрацию Закаспийской области. Туркестанский генерал-губернатор Черняев получил из Министерства иностранных дел распоряжение, в котором говорилось, что «ввиду изменившихся обстоятельств, министр иностранных дел по соглашению с военным признал необходимым устранить совершенно влияние хивинского хана на мервских туркмен, дабы, таким образом, усилить наше собственное, непосредственно через начальника Закаспийского отдела» [56]. 15 ноября Черняев сообщил Мухаммед-Рахиму, что хивинский сановник, находясь «в Мерве вне всякого надзора как со стороны императорского правительства, так и со стороны вашего высокостепенства, злоупотреблял своим положением, чем возбуждал недовольство среди большинства мервского населения» [57]. Исходя из этого, Черняев предложил хану не назначать преемника Юсуп-бека.

Однако мервское население уже в ноябре 1882 г. снова отправило хивинскому хану делегацию с «просьбой о назначении к ним вновь начальника, вместо умершего Юсуп-бека». Мухаммед-Рахим (возможно, не без ведома начальника Отдела), в ноябре отправил в Мерв нового начальника, бывшего бека г. Амбара Абдуррахман-бея. По-видимому, хан не получил своевременно письма Черняева.

Весть о самовольном назначении ханом Абдуррахман-бея в Мерв произвела неприятное впечатление как в кругу туркестанских властей, так и в Петербурге. Началась нескончаемая переписка между туркестанским генерал-губернатором и министрами. Туркестанский генерал-губернатор обвинял начальника Отдела, что он не удержал хана от отправки в Мерв Абдуррахман-бея. Если до приезда последнего подавляющее большинство населения Мерва было благоприятно расположено к русским,

[54] Там же, л. 100.
[55] Там же, л. 101.
[56] Там же, л. 138.
[57] Там же, л. 111.

то с его приездом оно разделилось на две группы: «бóльшая на стороне Рахман-бея (Абдуррахман-бея.— *Т. Т.*) и Каракули-хана, к русским не расположенного, и меньшая — на русской стороне» [58].

Здесь необходимо заметить, что один из влиятельных мервских старшин, Кара-Кули-хан, всегда был сторонником Хивы, а Махтум-Кули-хан, бывший участник защиты Геок-Тепе, позже перешедший на службу к начальнику Закаспийской области, был сторонником присоединения Мерва к России. Сложившаяся обстановка вызывала недовольство царских министров и генералов. Ввиду того что после приезда Абдуррахман-бея население Мерва разделилось на две группы, начальник Амударьинского отдела потребовал от хивинского хана отозвать его оттуда, что и было сделано. Однако бóльшая часть родовой верхушки мервских туркмен не согласилась с этим и отправила в Петро-Александровск депутацию в 60 человек. Она прибыла туда в то время (в апреле 1883 г.), когда там находился туркестанский генерал-губернатор Черняев.

Представители мервского населения обратились к нему с просьбой, чтобы он разрешил хивинскому хану отправить к ним нового чиновника. Черняев, убежденный, что «изъявляемая мервцами покорность серьезная и что прибывшие депутаты суть представители большей части мервского населения», разрешил «хивинскому хану послать для управления Мервом хивинца Бабаджан-бека, предоставив этому последнему право сбора подати для содержания джигитов» [59]. Однако Бабаджан-бек, приехав в Мерв, упорно стал распространять среди населения этого оазиса неверный слух, что будто бы русский царь отдает Мерв и Ахал в распоряжение хивинского хана, а следовательно царским властям Туркестана, и что поэтому в Асхабад приедут Мухаммед-Рахим-хан и Черняев [60].

Этот слух встревожил начальника Закаспийской области. Поэтому летом 1883 г. он отправил в Мерв несколько человек с поручением склонить население этого оазиса на добровольное вхождение в состав Закаспийской области. Особенно усиленную агитацию в пользу асхабадского начальства вел упомянутый Махтум-Кули-хан. Таким образом, вокруг мервского вопроса завязалась борьба между царскими властями Туркестана и Кавказа.

К лету 1883 г. мервский вопрос приобрел особо острый характер. Ввиду «несогласия в действиях по отношению к долине Мургаба между туркестанским и закаспийским начальствами» [61], министерства — военное и иностранных дел — с разрешения ца-

[58] Там же, л. 165.
[59] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6946, л. 129.
[60] А. А. Семенов, Очерки из истории присоединения вольной Туркмении, стр. 90.
[61] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6946, л. 130.

ря летом 1883 г. созвали совместное Особое совещание для обсуждения вопроса о Мерве. На нем присутствовали: степной генерал-губернатор Колпаковский, туркестанский генерал-губернатор Черняев, начальник Закаспийской области Комаров и начальник главного штаба Обручев. На совещании были рассмотрены следующие вопросы: а) о мервских туркменах; б) о присоединении Амударьинского отдела к Закаспийской области и подчинении ей хана хивинского; в) каким образом поступить с новым ставленником хивинского хана в Мерве Бабаджан-беком [62].

По первому пункту было решено предоставить «сношение с Мервом и упрочение нашего там влияния исключительно начальнику Закаспийской области», так как «одновременное влияние на мервские дела из Асхабада и из Хивы может только ослабить наше (русское.— *Т. Т.*) значение среди туркмен Мерва» [63]. По второму пункту — о необходимости присоединения Амударьинского отдела к Закаспийской области — особенно ратовал Комаров, но, несмотря на это, было решено «оставить в настоящее время Закаспийскую область в ее прежних границах». По третьему пункту было решено отозвать Бабаджан-бека из Мерва. Царские власти окончательно решили устранить влияние Мухаммед-Рахима на Мерв. На данном этапе хивинский хан был уже не нужен царизму.

В связи с такой переменой в политике царизма асхабадское начальство при помощи опытных и влиятельных мервских старшин повело усиленную агитацию среди населения этого оазиса за присоединение его к России. По инициативе вдовы покойного Нурверди-хана Гюль Джамал 1 января 1884 г. собрался генгеш (совещание) туркменских родо-племенных старшин для обсуждения вопроса о добровольном присоединении Мерва к России.

Следовательно, генгеш не был собранием представителей трудящихся туркмен, а лишь собранием родо-племенной верхушки, которая и приняла решение о добровольном присоединении Мерва к России. 24 января 1884 г. начальник Амударьинского отдела известил хивинского хана, что «министр иностранных дел по соглашению с военным министром пришел к заключению, что пребывание в Мерве хивинского ставленника нежелательно. Сообщая о сем, согласно приказанию туркестанского генерал-губернатора, я имею честь покорнейше просить ваше высокостепенство сделать распоряжение о немедленном вызове из Мерва Бабаджан-бека» [64]. С этого момента заканчивается посредническая миссия хивинского хана в мервских делах. Он сыграл свою роль в деле присоединения к России туркмен Ахала и в особенности Мерва; почва для этого была подготовлена агентами хана. 31 января 1884 г. начальник Закаспийской области

[62] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 29, д. 636, лл. 6, 8, 11.
[63] Там же, лл. 6, 9—11.
[64] ЦГИА УзССР, ф. 125, оп. 1, д. 19, л. 187.

генерал А. В. Комаров принял прибывшую в Асхабад делегацию из 24 мервских старшин. Через некоторое время Мерв был занят царскими войсками.

Русско-хивинские отношения в связи с таможенной и денежной реформами в ханстве

В русско-хивинских отношениях 90-х годов XIX в. важное значение занимали вопросы, связанные с таможенной и денежной реформами. Говоря о внешней торговле Хивинского ханства, следует отметить, что до 1895 г. в эту страну ввозились не только русские товары или товары соседних азиатских стран [65], но и западноевропейские промышленные изделия, что, конечно, коренным образом противоречило интересам русской буржуазии. Последняя стремилась к тому, чтобы на хивинском рынке реализовались исключительно ее промышленные изделия. Для достижения этой цели необходимо было включить Хиву, как и Бухару, в русскую таможенную линию в Средней Азии и тем самым не допускать проникновения на среднеазиатские рынки английских, французских и других товаров. 15 июня 1891 г. в Петербурге состоялось созванное по инициативе Министерства финансов Особое совещание, на котором присутствовали также представители министерств военного и иностранных дел [66]. На этом совещании было принято решение о включении Хивы и Бухары в русскую таможенную линию в Средней Азии [67].

После 15 июня 1891 г. начались русско-хивинские дипломатические переговоры об условиях включения ханства в русскую таможенную систему в Средней Азии, закончившиеся 24 июля 1894 г. По этому поводу Мухаммед-Рахим-хан обратился к хивинскому населению с манифестом.

Хивинское ханство, как и Бухарский эмират, включалось в новую таможенную линию с 1 января 1895 г. Согласно правилам включения Хивы в русскую таможенную систему, утвержденным царем, иностранные товары подлежали ввозу только через таможенные пункты, где хозяева их уплачивали пошлину [68]. При взыскании пошлины на товары накладывалось клеймо, без чего они считались контрабандными и подлежали конфискации. Ввоз товаров помимо таможенного пункта запрещался. Согласно правилам, разрешался ввоз товаров также без уплаты пошлины на таможенных постах. Хозяин такого товара должен был внести только залог, но в хивинской таможне он

[65] G. Dobson, Russia's Railway Advance into Central Asia, London, 1890, стр. 390—395.
[66] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 47, л. 41.
[67] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, 1891, д. 73, ч. I, л. 4.
[68] Там же, ч. III, лл. 66, 70, 71, 80.

обязан был уплатить пошлину соответственно количеству товара [69].

В 1895 г. у афганской и персидской границ были размещены таможенные посты пограничной стражи особой Амударьинской бригады, начальник которой был снабжен секретной инструкцией политического характера, утвержденной министром иностранных дел и Николаем II. В ней отмечалось, что начальники таможенных постов, расположенных на территории Закаспийской области и Бухарского эмирата, должны воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела как местной администрации, так и местных жителей. Насилие над местным населением, гонение против его религии и грабеж его строго запрещались [70].

Таким образом, инструкция обязывала командира особой Амударьинской бригады и подчиненных ему начальников таможенных постов придерживаться по отношению к местным жителям дружеской политики, не обижать их словом или действием, хотя на местах она практически часто нарушалась. Как было сказано, включая Хиву в русскую таможенную систему, царское правительство превращало ее рынки во внутренний рынок русской буржуазии.

Ввоз в Хивинское ханство иностранных товаров был значительно сокращен. Эти товары делились на две категории: а) товары, которые не конкурировали с изделиями русской промышленности; к ним относились чай, индиго, кисея, сахарные изделия, фрукты, пряности, драгоценные и полудрагоценные камни, жемчуг, индийская обувь; б) товары, ввоз которых нанес бы ущерб русской промышленности; к ним относились все товары европейского промышленного производства [71].

Тарифы также касались и ввозной пошлины. С пуда индиго, например, она определялась в 6 руб.; с фунта кисеи — 2 руб.; с пуда черного чая — 25 руб. и т. д. С персидских и афганских товаров, ввозимых в Хивинское ханство, пошлина была установлена в размере 5% стоимости товара. Но через год царское правительство приняло новое решение, согласно которому некоторые товары подлежали беспошлинному ввозу в Хивинское ханство и Закаспийскую область. Беспошлинно могли быть ввезены: хлеб в зерне, все сорта и виды свежих овощей, фрукты и ягоды свежие, кормовые травы всех сортов, молоко пресное и кислое, творог свежий и сушеный, сыр, масло коровье, домашние птицы, яйца, дичь, рогатый скот, овцы, козы, лошади, ослы, верблюды, лесные материалы, древесный уголь и дрова [72]. Другие же афганские и персидские товары подлежали обложению пошлиной в указанном размере.

[69] Там же, ч. II, л. 23.
[70] Там же, ч. III, л. 98.
[71] Там же, ч. II, л. 179.
[72] Там же, ч. III, л. 107, 141.

Распоряжением царского правительства в последующем был запрещен ввоз в Российскую империю, Хивинское ханство и Бухарский эмират игральных карт, оружия, пороха, пистолетов, снарядов, а также иностранной и русской разменной монеты. Из Российской империи, Хивинского ханства и Бухарского эмирата запрещалось вывозить оружие, порох, пистоны и всякое другое военное снаряжение, а также древесный уголь.

Говоря об установлении нового тарифа, следует особо остановиться на зеленом чае, который хивинцы, как и другие жители Средней Азии, употребляли в большом количестве. В Среднюю Азию, в том числе и в Хивинское ханство, ввозилось несколько сортов зеленого чая, а поэтому, согласно указанному выше тарифу, на них устанавливалась различная таможенная пошлина: от 14 руб. 40 коп. с пуда высших сортов до 6 руб. с пуда низших, что очень удорожало стоимость чая и делало его малодоступным продуктом для населения. Для обсуждения этого вопроса в 1900 г. было созвано Особое совещание, на котором была установлена пошлина 12 руб. с пуда зеленого чая независимо от сорта.

В заключение следует сказать, что включение Хивы в русскую таможенную систему нанесло большой материальный ущерб народным массам страны. Архивные источники свидетельствуют о том, что после 1895 г. на хивинском рынке, например, цены на индиго, кисею и чай, которые ввозились только из-за границы, в несколько раз повысились [73].

Таможенная реформа, превратив хивинский рынок во внутренний русский рынок, нанесла большой ущерб и доходам хивинского правительства. Этот ущерб составил свыше одного миллиона рублей в год. Включение Хивы в русскую таможенную систему усилило колониальный гнет над местными трудящимися русской буржуазией. Отныне хивинцы необходимые для себя вещи должны были покупать по дорогой цене. Используя экономическую и политическую зависимость ханства, царское правительство превратило его в рынок сбыта почти исключительно русских промышленных товаров и в источник сырья для российской буржуазии.

Вторым мероприятием царизма явилась денежная реформа, проведенная также по настоянию русской буржуазии. В Хивинском ханстве бумажных денег не было; хивинская монета как до 70-х годов XIX в., так и в период царского протектората выделывалась из золота, серебра и меди. Золотые деньги назывались тилля, по номинальной стоимости равнявшиеся: малая — 1 руб. 80 коп., большая — 3 руб. 60 коп.; серебряные деньги назывались теньга и равнялись 14—20 коп., а медные — назывались пул. Основной денежной единицей в Хивинском ханстве была теньга; до 1893 г. ее чеканили свыше одного миллиона

[73] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 170, лл. 14—18.

штук в год. Чеканка теньги, или, как финансисты говорят, монетная регалия, составляла доходную статью для хивинского хана. Курс хивинской теньги часто колебался: весной в связи с покупкой русскими заготовительными обществами и фирмами каракуля и выдачей задатка (бунака) дехканам под будущий хлопок курс ее поднимался. В летнее же время курс теньги резко падал, а осенью в связи с покупкой русскими обществами, фирмами и купцами хлопка, люцерны и других видов сырья курс ее опять поднимался [74]. Курс теньги, таким образом, зависел от времени года, а также от ценности серебра на мировом рынке, так как хивинская теньга чеканилась из серебра, ввозимого из-за границы. В 1870—1900 гг. вследствие резкого увеличения добычи серебра ценность последнего во всем мире упала более чем в два раза. Такое же понижение произошло с хивинской теньгой: в 60—70-х годах XIX в. кружок теньги равнялся 20 коп., а к лету 1893 г. — 14 коп. Также следует отметить, что на стоимость теньги в известной мере влияли русские деньги, которые начали проникать в ханство в 70-х годах XIX в. Правда, до 90-х годов проникновение их было незначительно, ибо тогда торговлю в ханстве вели почти только русские подданные из местных национальностей. Купцов русского происхождения, торговавших в ханстве, тогда было очень мало. Крупные русские купцы и представители фирм и банков начали проникать в ханство только после постройки Закаспийской железной дороги, в в том числе и филиал русско-китайского банка, который был открыт после 80-х годов XIX в.

Но несмотря на незначительный размер торговли местных русских подданных купцов, русские денежные знаки, бывшие в обращении в Туркестанском крае, попадали и в Хивинское ханство. Однако население, привыкшее к хивинской теньге, не хотело принимать русские деньги, а если принимало, то по очень пониженному курсу. Поэтому еще в 1878 г. начальник Амударьинского отдела уведомил хана, что «обращение наших кредитных билетов становится все затруднительней и курс их народ по своему произволу понижает, как хочет, все ниже и ниже» [75], и просил хана обратиться к населению со специальным посланием о приеме русских денег. Хивинцы пользовались русскими денежными знаками при купле и продаже, причем в зависимости от времени года и надобности обменивали теньги на русские деньги и наоборот.

В связи с этим появились специальные люди, занимавшиеся обменом указанных денежных единиц, которые назывались «саррафами» (ростовщиками). Саррафы имели значительные капиталы, обменивая деньги, существенно влияли на торговую жизнь ханства, искусственно поднимая цены на хивинское

[74] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 210, л. 32.
[75] ЦГИА УзССР, ф. 125, оп. 1, д. 12, л. 114.

сырье, что отражалось и на курсовой стоимости теньги или русского кредитного рубля.

Такие колебания мешали торговым операциям русских купцов и буржуазии в ханстве, а поэтому в 1890—1891 гг. они несколько раз обращались к царскому правительству с предложением изъять из обращения теньгу, заменив ее русскими денежными знаками. По инициативе Министерства финансов эта просьба русских купцов была обсуждена в Петербурге в 1892—1893 гг., и было решено, что хивинский хан может чеканить теньгу только с разрешения царского правительства, а чеканку золотых и медных монет — по своему усмотрению. С этого времени царское правительство взяло курс на постепенное объединение местной денежной системы с русской, о чем красноречиво говорит секретный «всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора за 1895—1897 гг.», где мы читаем: «В настоящее время главной заботой по отношению к Бухарскому и Хивинскому ханствам является разрешение вопроса об объединении туземной денежной системы с русской, что представляется мерою крайне необходимою для облегчения все увеличивающихся торговых сношений наших с этими ханствами». При этом генерал-губернатор предлагал действовать осторожно и таким путем постепенно вытеснить местную монету русской, не прибегая к насильственным мерам.

Почему нужна была такая осторожность? Не потому ли, что царизм считался с интересами хивинцев и бухарцев? Конечно, нет. Туркестанские власти, на которых царизм возлагал задачу контроля над вассальными ханствами, опасались возмущений народа. «Всякое насильственное действие в этом смысле (при введении в ханствах русской монеты. — *Т. Т.*) может привести этот темный народ к замешательству и даже к волнению, вызывать которые не представляется никакой надобности» [76]. Благодаря указанным выше мероприятиям царских властей количество русских денежных знаков, находившихся в обращении, к 1902 г. было в два раза больше, чем хивинских. В этом году начальник Отдела сообщал генерал-губернатору, что в ханстве «русских денежных знаков не меньше 4 млн. руб., а теньги не больше как на 2 млн. руб.» [77].

Еще 16 апреля 1900 г. Николай II утвердил Положение комитета финансов о бухарской и хивинской теньге, где сказано: «...допустить прием хивинской монеты в Петро-Александровское казначейство по 14 коп. за кружок, предложив вместе с тем хану хивинскому объявить населению, что русские денежные

[76] ЛО ЦГИА, Отчеты турк. ген-губерн. о состоянии Туркестанского края за годы 1885, 1889—1895, 1897, 1899 и 1909. Всеподданнейший доклад Турк. ген.-губерн. за 1895—1897 гг., поданный на имя Николая II от 19 февраля 1898 г., л. 53.
[77] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 98, л. 24.

знаки должны обращаться в ханстве наравне с теньгой и будут приниматься в уплату ханских сборов по расчету 14 коп. за кружок» [78]. Значит, с апреля 1900 г. хивинские и русские денежные знаки стали обмениваться из расчета по 14 коп. за кружок. Но уже 1 октября 1903 г. последовал царский указ об обмене упомянутых денежных единиц по 15 коп. за кружок [79], хотя и после этого хивинское население время от времени категорически отказывалось принимать русские денежные знаки.

В связи с этим 13 ноября 1907 г. начальник Амударьинского отдела предложил хану «безотлагательно объявить населению ханства, чтобы кредитные билеты, как русские государственные деньги, принимались повсюду беспрепятственно» [80]. И хивинский хан в ущерб интересам своей страны и народа вынужден был безропотно исполнить требование царских властей и обратиться к населению с призывом о приеме русских денег. К 1908 г. хивинской теньги не стало хватать даже для мелкой торговли в пределах ханства. Поэтому Мухаммед-Рахим обратился к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой «разрешить ему чеканить свою монету», указывая при этом на то, что чеканка ее с именем владетеля страны является одним из признаков верховной власти на Востоке. «К тому же в настоящее время,— писал далее хан,— мало стало теньги в нашей хивинской стране и не хватает для торговых оборотов населения... умоляем, чтобы вы дали нам разрешение чеканить во всякое время на хивинском монетном дворе подходящую для оборотов нашей страны теньгу» [81].

Примерно через месяц после получения этого письма канцелярия генерал-губернатора представила генерал-губернатору обширный доклад по вопросу о хивинской монете. Там говорилось, что благодаря разрешению чеканить монеты хан «наживает более чем рубль на рубль, что равносильно получению крупной субсидии от русского правительства; увеличение же обращения в Хивинском ханстве русской монеты вытеснит местную теньгу, и ханство (если не последует нового выпуска теньги) будет невольно объединено в монетном отношении с Российской империей» [82]. Однако, несмотря на такое предложение, генерал-губернатор вполне положительно отнесся к просьбе Мухаммед-Рахима.

В письме министру финансов в 1909 г. генерал-губернатор мотивировал свое согласие на чеканку ханом монеты тем, что на Востоке чеканка монеты является «одним из главнейших внешних атрибутов правителей» и что «престарелый владетель Хивы, удостоившийся 12 августа за 30-летнее благополучное управление ханством под властью России ордена Владимира I степени, был бы бесконечно обрадован этим, как новым знаком царской милости» [83].

Несмотря на это ходатайство, министр отказал в просьбе хана. Таким образом, ханство теряло последний признак своей самостоятельности.

---

[78] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 97, л. 28.
[79] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 98, л. 57.
[80] ЦГИА УзССР, ф. 125, оп. 1, д. 227, л. 8.
[81] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 98, л. 71.
[82] Там же, л. 64.
[83] ЦГИА УзССР, ф. I С/2, оп. 1, д. 329, л. 78.

Глава III

ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО В НАЧАЛЕ XX в. И ПОЗИЦИЯ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Вопрос о присоединении ханства к Российской империи и различное отношение к нему представителей царизма

Еще в 70-х годах XIX в., как было выше сказано, начальник Амударьинского отдела Иванов несколько раз ставил перед туркестанским генерал-губернатором вопрос о ликвидации фиктивной независимости Хивинского ханства. Однако эти предложения отклонялись Министерством иностранных дел России, которое считало для русской буржуазии более выгодным сохранение создавшегося положения в Хиве. Но царская военщина Туркестана никак не хотела мириться с вассальным положением Хивы; она добивалась присоединения ее к России. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт. В 1892 г. подполковник Стеткевич в своей «Записке о современном положении Хивинского ханства в экономическом и политическом отношениях», адресованной туркестанскому генерал-губернатору, без обиняков поставил вопрос о необходимости включения Хивы в состав Российской империи. Он писал: «Если бы присоединили Хиву к России, то особенного сопротивления и антирусского движения не было бы, ибо мусульманский фанатизм сравнительно слаб во всех классах хивинского населения, враждебности к русским совершенно не заметно». Это мнение Стеткевича полностью было поддержано новым начальником Амударьинского отдела Разгоновым, который считал, что «если оставлять надолго ханство незанятым, то казалось бы все-таки необходимым в интересах будущего держаться определенной системы при проведении мероприятий, идущих к улучшению положения народа и вообще положения дел в ханстве, подготовляя его, таким образом, к неизбежному присоединению к России»[1]. Однако генерал-губернатор Вревский категорически отверг эти предложения, как невыгодные.

Дело в том, что царские власти в Петербурге, в том числе и военный министр, смотрели на Хивинское ханство как на губернию Российской империи, а на хана как на губернатора. Но туркестанские военные власти не отказывались от мысли присоединения Хивы. Так, 2 декабря 1904 г. состоялся совет туркестанского генерал-губернатора, на котором было принято решение:

[1] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 758, л. 17.

возбудить перед центральным правительством вопрос о присоединении Хивы и Бухары к России[2].

Но Министерство иностранных дел и на этот раз высказалось против, что помимо всего прочего объяснялось, по-видимому, еще военными неудачами царских войск на Дальнем Востоке. Разумеется, при такой обстановке царское правительство не могло поддержать захватнические планы «господ ташкентцев». Но последние не унимались. Не без подстрекательства русской буржуазии генерал-губернатор и его сподвижники снова стали добиваться ликвидации фиктивной независимости Хивинского ханства. В этой связи в 1909 г. хивинский вопрос был обсужден в Ташкенте на двух совещаниях, созванных 2 и 3 февраля генерал-губернатором Мищенко и 10—11 августа новым генерал-губернатором Самсоновым.

На августовском, например, совещании присутствовали военные губернаторы Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей Туркестанского края, политический агент в Бухаре, начальник главного штаба округа, управляющий канцелярией генерал-губернатора и дипломатический чиновник при генерал-губернаторе. Совещание признало необходимым учредить должность русского представителя в Хивинском ханстве «на правах помощника начальника Амударьинского отдела».

Сообщая 14 сентября 1909 г. об указанном решении начальнику Главного штаба Военного министерства, туркестанский генерал-губернатор Самсонов писал: «Такой мерой (учреждением названной должности. — *Т. Т.*) вполне ясно намечался бы характер деятельности нашего представителя, предназначенного лишь содействовать общему управлению края, а отнюдь не играть роль дипломатического представителя при независимом владетеле... Мне представляется, что подобный план не может встретить возражений, так как при этих условиях вполне правильно освещается положение хана, к которому назначается руководитель, вполне подчиненный действующей в крае власти. Представитель наш, — продолжал Самсонов, — надзирая за русскими подданными, пребывающими на территории ханства, конечно, мог бы сообщать вполне точные сведения и об общем положении и, таким образом, вполне заменил бы те малонадежные источники, из которых в настоящее время черпаются известия»[3].

Из приведенных цитат ясно, что участники августовского совещания при туркестанском генерал-губернаторе высказывались за усиление контроля над хивинским ханом и его правительством.

В ответ на указанные решения августовского совещания в Ташкенте Министерство иностранных дел 19 января 1910 г.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 256, л. 49.
[3] ЛО ЦГИА, ф. 1276, оп. 6, 1910 г., д. 136, л. 60.

подготовило специальный документ, где говорилось: «В вопросе о Хивинском ханстве, положение которого, кстати сказать, в значительной степени отличается от положения Бухары, Министерство иностранных дел вполне присоединяется к принятому в Ташкенте решению (т. е. об учреждении должности русского представителя в Хивинском ханстве. — *Т. Т.*) и считает лишь нужным высказать, что со своей стороны оно полагало бы в отношении этого среднеазиатского ханства возможно долее сохранить статус-кво...»[4], т. е. на определенный отрезок времени воздержаться от его захвата. Решение ташкентских совещаний и официальное отношение к ним Министерства иностранных дел придавали хивинскому вопросу большое политическое значение и требовали его безотлагательного разрешения. Поэтому 28 января 1910 г. при Совете министров состоялось Особое совещание под председательством П. А. Столыпина. Это совещание обсудило решение ташкентских совещаний и документ Министерства иностранных дел. В результате оживленной дискуссии Самсонова никто не поддержал.

С большой речью на совещании выступил председатель Совета министров Столыпин, который в принципе согласился с мнением о необходимости присоединения Хивы к России. Однако он заявил, что в данное время возбуждение этого вопроса преждевременно, что до присоединения необходимо провести в обоих ханствах реформы и тем самым подготовить их к включению в состав империи. В противном случае, заявил Столыпин, реформы должно будет провести в них царское правительство, что потребовало бы значительных расходов. В общем Столыпин призывал участников совещания избавить Россию от «неминуемых больших жертв» и предлагал отложить на неопределенное время присоединение ханств к России[5]. Материалы Особого совещания свидетельствуют о том, что в принципе и генерал-губернатор, и министры со Столыпиным во главе стояли за ликвидацию фиктивной независимости Хивинского ханства и расхождение между ними по этому вопросу было лишь во времени. Туркестанский генерал-губернатор требовал чуть ли не немедленного захвата, а царские министры, в том числе и Столыпин, стояли за выжидательную тактику. По существу и туркестанские власти, и центральное царское правительство по вопросу присоединения среднеазиатских ханств, как и по многим другим вопросам, проводили одну и ту же колониальную политику.

Возвращаясь к Особому совещанию, следует сказать, что оно в принципе одобрило рассмотренный выше доклад Министерства иностранных дел. «Господа ташкентцы» потерпели поражение, хотя они и не считали себя побежденными. Стремясь не допустить одобрения царем решений Особого совещания, Самсонов, возвратившись из Петербурга, написал Николаю II письмо под названием «Особое мнение на журнал Особого совещания министров». Суть его сводилась к тому, что Хива, как и Бухара, неизбежно будут включены в состав Российской империи. Самсонов писал: «Действительно, улучшение положения дел как в Хиве, так и в Бухаре может быть достигнуто только присоединением ханств к России, а все остальное является лишь паллиативами, которые не создадут прочного порядка, а потому не прекратят вполне недовольства населения и едва ли даже смягчат резкое его проявление»[6]. Генерал-губернатор, таким образом, видел разрешение хивинского вопроса лишь во включении ханства в состав Российской империи. В «Особом мнении...» Самсонов всемерно стремился опорочить в глазах царя деятельность Министерства иностранных дел. Критикуя его деятельность, Самсонов невольно разоблачал колониальную политику царизма в Хивинском ханстве. Он писал, что царское правительство, покровительствуя хивинскому хану, защищает его власть в ханстве и способствует грабежу населения этой страны феодалами и мусульманским духовенством. В ответ на «Особое мнение...» Самсонова в Петербурге был подготовлен и передан на рассмотрение царя документ под названием «Пояснение Министерства иностранных дел к особому мнению Самсонова», в котором доказывалась необходимость сохранения на некоторое время фиктивной независимости Хивы[7].

Рассмотренный выше документ Министерства иностранных дел, «Пояснение к особому мнению Самсонова», а также решения Особого совещания министров были одобрены Николаем II в конце декабря 1910 г. Царь отрицательно отнесся к решению ташкентских совещаний и особому мнению Самсонова, и в отношении Хивы и Бухары был взят курс на временное сохранение их фиктивной независимости.

Возвращаясь к ташкентским совещаниям 1909 г., следует сказать, что они также рассмотрели вопрос о так называемых подарках. Дело в том, что еще в 70-х годах XIX в. был установлен обычай «поднесения бухарским и хивинским владетелями подарков лицам русской администрации». Совещание приняло единогласное постановление о запрещении принимать русским офицерам и чиновникам подарки от владетелей Хивы и Бухары и их сановников, так как этот обычай облегчал подкуп того или иного царского чиновника, влиял на независимость суждений и действий и порочил его в глазах общественного мнения.

---

[4] Там же, л. 71.

[5] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 262/912—915, 1909 г, связка 293, д 90/77, лл. 65—68.

[6] ЛО ЦГИА, ф. 281, оп. 133, д. 614, л. 14.

[7] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 262/912—915, 1910 г., связка 293, д. 90/77, лл. 70—77.

Положение народных масс в ханстве и влияние первой русской революции на развитие освободительного движения в Хиве

Говоря об общественно-политическом строе в колониях и полуколониях, в том числе в Хиве и Бухаре, В. И. Ленин в докладе комиссии по национальному и колониальному вопросам на II Конгрессе Коминтерна (26 июля 1920 г.) отмечал, что «важнейшей характерной чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения...» [8]. Далее он подчеркивал, что крестьяне, составляющие большинство населения этих стран, эксплуатируются «не только торговым капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе» [9].

В Хивинском ханстве трудящиеся дехкане подвергались тяжкому гнету как со стороны феодалов, феодального государства и мусульманского духовенства, так и со стороны царского правительства и русской буржуазии.

В период протектората, как и в прошлом, в Хивинском ханстве существовали два вида феодальной ренты: оброк и барщина. По некоторым данным, хивинские дехкане платили государству, светским и духовным феодалам 70 различных налогов и сборов [10].

Из основных налогов назовем некоторые, наиболее обременительные [11]: 1) дахъяк, уплачивавшийся натурой от $^1/_{10}$ до $^1/_5$ части урожая; 2) салгыт и салгыт-кесим — поземельная денежная подать; 3) атлычная подать, которая уплачивалась туркменами в размере 21 руб. 60 коп. за атлык (атлык — 30 танапов земли); 4) кибиточная подать, уплачивавшаяся каракалпаками и казахами взамен поземельного налога в размере 21 теньги (4 руб. 20 коп.) с кибитки; 5) чуб-пули — налог за пользование пастбищами; 6) далляли — взимался при каждой продаже товара оптовым купцом розничному торговцу в размере «одной хивинской теньги с 20 хивинских тиллей, т. е. по одному рублю со 180 руб. стоимости товара»; 7) аминана — в размере «одного рубля со 180 руб. при покупке оптовым купцом у производителя»; 8) пули-тахта-джой — налог «за место или лавку на базаре»; 9) весовой сбор, взимавшийся с продуктов, «продаваемых на вес за обязательное пользование базарными весами»; 10) торговый налог в размере $2^1/_2\%$ с оборотного капитала; 11) зякет, который взимался с вывозимых хивинских и ввозимых русских товаров в размере $2^1/_2\%$ со стоимости; 12—14) чапар-пули — плата за извещение о сборе подати; 15) дарбазан-пули — плата привратнику города за ввоз груза; 16) милтик салиги — сбор с населения на покупку оружия; 17) алут — единовременный сбор; 18) карук-бану — плата леснику или надзирателю пастбищ; 19) мушрафона — плата чиновнику по сбору поземельного налога; 20) чигир-пули — налог в пользу местной администрации за пользование водоподъемными колесами; 21) лабаки-пули — сбор за рытье арыка; 22) бокия-пули — особый сбор на ирригационные нужды, за исключением содержания ирригационной администрации; 23) мирабона — сбор в пользу мираба; 24) фарсах-пули — подорожный налог; 25) асия-пули — налог с водяной мельницы, которая приводилась в движение водой из казенных арыков; 26) абджувоз-пули — налог с толчей, толкущих рис; 27) хас-пули — сбор за продажу хвороста; 28) оджас-пули — налог за огород; 29) кимэ-пули — сбор за переправу; 30) харбуз-пули — сбор за выращивание арбузов и дынь; 31) аляф-пули — сбор с клеверных полей; 32) кафсан-пули — сбор с урожая дехкан в пользу бека, амлякдара, миршаба, мирзы и других чиновников; 33) васика-пули — сбор за документ, который оформлялся на покупку имущества.

Приведенный перечень налогов далеко не полный. Трудящиеся массы Хивинского ханства платили еще несколько десятков налогов, которые считались основными. Тягостными были и второстепенные налоги, как-то: никохона — налог по случаю вступления в брак; талокона — налог за расторжение брака; шодиёна — налог по случаю рождения ребенка; араба-алу — мобилизация арб на государственные нужды; улаг-тушу — мобилизация лошадей и верблюдов; куналга — остановка чиновника на ночлег у крестьян; суйсун — угощение во время куналга чиновника и сопровождающих его лиц с обязательным закалыванием скота и другие налоги и повинности.

Разумеется, феодальная рента в виде оброка ложилась тяжелым бременем на плечи кишлачной и городской бедноты, являвшейся непосредственным производителем материальных благ общества. Сборы производились по любому поводу, даже по случаю поездки хивинского хана в Россию. Если к сказанному добавить, что ханские чиновники совершали много злоупотреблений при сборе податей, то картина нищенского положения народных масс ханства станет еще мрачней. Нередкими были случаи, когда дехканин, не сумев уплатить поземельного или иного налога, был вынужден продавать в залог своих детей.

Рента-барщина выражалась в бесплатной работе дехкан в пользу бека, амлякдара, миршаба, казии и других административно-судейских чиновников во время посева, прополки и уборки урожая.

Жатва и молотьба хлеба на полях чиновников и духовенства отнимали много времени у дехкан. Обычно в самое страдное время уборки урожая, когда дехканам надо было срочно уби-

[8] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 244.

[9] Там же.

[10] «Территория и население Бухары и Хорезма»,— «Сб. Среднеазиатского экономического совета», кн. II, Ташкент, 1926, стр. 77.

[11] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, лл. 105—118; оп. 29, д. 1156, л. 59; ф. II С, оп. 3, д. 774, л. 11.

рать свои посевы, они вынуждены были работать на эксплуататоров. Дехкане также пасли их скот; дехкан мобилизовывали на ремонт или прокладку вьючных, грунтовых дорог, а также на строительство зданий для сановников, чиновников и духовенства. В целом рента-барщина отнимала у дехкан почти три четверти рабочего времени. Таким образом, кишлачная беднота Хивинского ханства, составлявшая подавляющее большинство населения страны, находилась под жесточайшим феодальным гнетом. Она подвергалась эксплуатации феодального государства, его светских и духовных феодалов.

В очень тяжелых условиях находились и хивинские рабочие, трудившиеся на предприятиях, принадлежавших как местным богачам, так и русской буржуазии. Зарплата рабочих была чрезвычайно низкой: ее не хватало даже для покупки батмана (12—16 пудов) пшеницы, муки или ячменя. Рабочий день был продолжительным, жилищные условия — очень плохими. Хивинские рабочие были неграмотными. Социальный гнет усугублялся национальным притеснением со стороны царизма и русской буржуазии.

По мере перехода России в стадию империализма колониальное угнетение трудящихся Хивы все более усиливалось. Правящие круги России превратили Хивинское ханство в источник сырья и рынок сбыта русских промышленных изделий. Причем хивинское сырье приобреталось по дешевой цене, а русские промышленные изделия реализовывались в ханстве втридорога. Трудящиеся Хивы находились под двойным гнетом местных и российских эксплуататоров. Феодальный и колониальный гнет вызывал частые возмущения народных масс. Так, в 1898 г. начались споры туркмен колена колли-иомуд с ранее упоминавшимся Мад Мурадом, который от имени хивинского хана правил ими. Непосредственной причиной к борьбе между ними послужил недостаток корма для скота, вызвавший сильный падеж; кроме этого, в 1898 г. был неурожай из-за недостатка воды для орошения полей [12].

Между тем чиновники Мад Мурада потребовали от колли-иомудов уплаты всех причитавшихся с них налогов, но народ категорически отказался. Тогда 3 ноября 1899 г. Мад Мурад с тысячью нукеров двинулся к колли-иомудам. Узнав об этом и опасаясь кровавых событий, начальник Амударьинского отдела Галкин отправил хивинскому хану письмо, в котором советовал Мухаммед-Рахиму не допускать столкновения отряда Мад Мурада с колли-иомудами, ибо оно при тогдашних обстоятельствах «произвело бы весьма тягостное впечатление как на туркестанского генерал-губернатора, так особенно в Петербурге». Поэтому он советовал хану восстановить порядок и законность «по возможности без употребления таких мер, которые могут вызвать кровопролитие» [13].

[12] ЦГИА УзССР, ф. 125. Канцелярия хивинского хана, оп. 1, д. 52, л. 6.

В свою очередь Галкин сообщил о начавшихся распрях генерал-губернатору, а последний доложил об этом военному министру.

Во избежание кровопролития генерал-губернатор приказал начальнику отдела уведомить хана о необходимости уменьшения отправленных против туркмен нукеров до минимума. По категорическому требованию Галкина хан был вынужден оставить при Мад Мураде только 300 нукеров и «избегать всяких стычек».

Мад Мурад не мог собрать подати. Колли-иомуды отказались также от платежа податей и в 1900 г., мотивируя свой отказ не только неурожаем, но и тем, что якобы люди Мад Мурада незаконно убили их старшину (кетхуда) Ак-Сапак-Сахар-хана и его сына.

Сахар-хан был родным братом Сары-сердара, у которого приютился хан после бегства из Хивы в 1873 г. Сахар-хан и Сары-сердар пользовались большой популярностью среди иомудского населения ханства.

Иомуды роптали, что Сахар-хан был убит по настоянию Мад Мурада с целью избавиться от него, ибо он «открыто вступал в препирательство с Мад Мурадом по туркменским делам и не выказывал ему безусловного повиновения» [14]. Это убийство вызвало ненависть туркмен к Мад Мураду. От него отреклись даже те старшины, которые в продолжение долгого времени были его приверженцами.

Мухаммед-Рахим, не зная, что делать с непокорными колли-иомудами, обратился к начальнику Отдела за советом. Последний предложил хану либо позвать в Хиву почетных туркменских кетхуд и поручить кому-либо, только не Мад Мураду, расследовать это дело, либо же отправить к колли-иомудам наследника хивинского престола Асфендиар-тюрю для разбора их жалоб. Письмо Галкина заканчивалось предупреждением: «Во всяком случае, я считаю долгом сообщить Вашему сиятельству, что возникшие беспорядки необходимо разрешить наиболее мирным образом и без употребления русской военной силы» [15].

К моменту получения ханом этого письма Мад Мурад возвратился из туркменских земель. Колли-иомуды не только отказались внести подати, но и прогнали его вместе с нукерами. На случай применения Мад Мурадом силы в местечке Салахбент собралось около 4 тыс. иомудов, готовых оказать вооруженное сопротивление бывшему всемогущему диванбеги.

В конце 1900 г. положение хивинского хана было весьма тяжелым. Не только колли, но и остальные колена иомудов реши-

[13] Там же, л. 2.
[14] ЦГИА УзССР, ф. I С/2, оп. 1, д. 101, л. 27.
[15] Там же.

тельно пренебрегли приказом хивинских властей и стали вооружаться для борьбы с ханским правительством.

Желая получить точные сведения о положении дел в ханстве, начальник Отдела откомандировал в Хиву своих разведчиков. Генерал-губернатор приказал ему никоим образом не допустить кровопролития. В телеграмме говорилось, чтобы «недоразумение с туркменами около Салахбента ханским правительством было урегулировано только мирным путем, без применения силы» [16]. Поэтому хан отказался от этого.

По совету Галкина весной 1901 г. Мухаммед-Рахим отправил к колли-иомудам своего родного брата Тюря-Мурад-тюрю. Последний по приезде в Куня-Ургенч вызвал к себе туркменских кетхуд, которые явились к нему в сопровождении огромной толпы. Ханский посланец подарил туркменским старшинам «массу подарков» и тем самым расположил их к себе.

Представители колли-иомудов заявили, что они более не могут «переносить совершенные над ними насилия и угнетения со стороны Мад Мурада диванбеги и его людей и поэтому просят избавить их от его управления и дать им другого начальника» [17]. Выслушав все эти жалобы на Мад Мурада, Тюря-Мурад-тюря обещал доложить обо всем этом хану, что и было им сделано по приезде в Хиву.

Хан, идя навстречу просьбам туркмен, отстранил Мад Мурада от управления туркменами и на его место поставил кушбеги Худояра. Также были отстранены сыновья Мад Мурада — Шейх-Назарбей и Амангельды, первый из которых был куня-ургенчским, а второй — ильялинским беками.

Устранение от власти всемогущего временщика и его сыновей было всецело поддержано царскими властями Туркестана. Исполнявший обязанности начальника Отдела Эггерт по случаю снятия Мад Мурада поехал в Хиву на свидание с ханом. В ходе беседы с Мухаммед-Рахимом Эггерт вполне определенно дал понять хану, что царские власти поддерживают столь решительное действие владетеля Хивинского ханства [18].

Хотя Мад Мурад был отстранен, но антиправительственная борьба туркмен не прекращалась. В начале XX в. она заметно усилилась; к этому времени несколько оживилось брожение и среди других народностей ханства.

В оживлении антифеодального движения трудящихся ханства руководящую роль играли русские политические ссыльные, проживавшие в Новом Ургенче и в некоторых других городах страны. Среди них были и социал-демократы. По далеко не полным данным, в Туркестанском крае, Хивинском ханстве и Бухарском эмирате в 1903 г. было 59 политических ссыльных. В 1903—1905 гг. под надзором полиции состояло 377 ссыльных.

[16] ЦГИА УзССР, ф. I С/2, оп. 1, д. 81, л. 3.
[17] ЦГИА УзССР, ф. I С/2, оп. 1, д. 101, л. 3.
[18] ЦГИА УзССР, ф. I С/2, оп. 1, д. 101, лл. 5—6.

В 1902—1903 гг. в Ташкенте и других городах Туркестанского края возникли первые подпольные социал-демократические кружки [19]. Через год возник первый социал-демократический кружок и в Новом Ургенче; в его состав входили Кисляков, Каблуков, Сафронов и др.

Социал-демократы Нового Ургенча и Амударьинского отдела были тесно связаны с Чарджоуской социал-демократической группой, образовавшейся в 1905 г. и стоявшей в основном на большевистских позициях.

Первая русская революция оказала заметное влияние на подъем революционного движения в Хивинском ханстве. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года,— писал В. И. Ленин, — окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию» [20].

Под влиянием русской революции усилилось и антиправительственное движение хивинских туркмен.

Весной 1905 г. туркмены мелких родов: ушак, урускуши, колли и др. объединились для совместной борьбы против хивинского правительства.

Эти туркмены стали требовать от ханского правительства «столько воды, сколько им нужно». Более того, в некоторых туркменских родах стали заявлять о том, что «пора бы свести счеты с ханством» [21].

Борьба туркмен против ханского правительства протекала прежде всего под лозунгом борьбы за воду. В этой связи некоторые роды туркмен-иомудов решили двинуться с семьями на головной канал Лаузан и пропустить на свои поля достаточное количество воды, причем, если ханское правительство окажет им противодействие, то было решено достичь своей цели с помощью оружия. Узнав об этом, начальник Амударьинского отдела Сусанин поручил своим разведчикам-туркменам с правого берега Амударьи пойти к иомудам и передать им, что царские власти Туркестана не одобряют их решения и что они «должны подчиняться законному хивинскому правительству» [22].

Это предупреждение, по-видимому, подействовало на иомудов, и они, вместо того чтобы двигаться с семьями к верховью Лаузана, отправили туда только 200 человек. Отправленные туркмены убедились, что трудно ожидать, чтобы при самом большом подъеме по Лаузану пошла вода в изобилии, а поэтому вернулись обратно. Опасаясь серьезных осложнений в ханстве,

[19] «Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Сборник статей и воспоминаний», Ташкент, 1955, стр. 31.
[20] В. И. Ленин, Пробуждение Азии,— Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 146.
[21] ЦГИА УзССР, ф. I С/2, оп. 2, д. 235, л. 14.
[22] Там же, л. 15.

Сусанин немедленно поехал в Хиву для личных переговоров с ханом и его сановниками о происходящих событиях.

Из разговора с ханом Сусанин вынес заключение, что Мухаммед-Рахим очень мало осведомлен о положении дел в ханстве, что «сановники и даже наследник не все хану докладывают». Вопреки утверждениям наследника и сановников, хан отрицал наличие у туркмен 30 тыс. берданок и наивно говорил, что «у них не более 3000 берданок и что следовало бы давно русским их отобрать, тогда бы все было спокойно». При этом хан уверил Сусанина в том, что он постарается уладить спор мирным путем, не доводя дело до «оружия, и что так будет поступать, пока не окончится война России с Японией» [23].

Когда же Сусанин спросил хана, что он думает предпринять для орошения туркменских земель и тем самым покончить с постоянным недовольством народа, Мухаммед-Рахим ответил, что «он примет все зависящие от него меры... и постарается оросить громадные земли, находящиеся в низовьях Шамурата» [24]. Об этом обещании хана Сусанин сообщил иомудским старшинам, потребовав при этом немедленного прекращения волнений.

В мае хан отправил наследника Асфендиар-тюрю для производства ирригационных работ по обводнению земель в низовьях Шамурата. По просьбе наследника все кетхуды, за исключением кетхудов иомудских колен — колли, урускуши, ушак и других мелких подразделений, прибыли на место оросительных работ. Кетхуды же указанных мелких иомудских подразделений прогнали представителей Асфендиар-тюри, заявив, что они «никакой хивинской воды не хотят и к наследнику хана не поедут». Отказавшись переселиться в низовья Шамурата и «терпя нужду в воде», в конце 1906 г. колли-иомуды большой партией передвинулись на север к Усть-Урту [25]. Этим самым они явно выразили свою ненависть к хивинскому правительству и «ничтожному хану», как они называли Мухаммед-Рахима.

Оставшиеся в пределах ханства колли-иомуды, организовавшись в несколько групп, начали нападать на оседлое население страны. Но хан с помощью своих нукеров разбил их и тем самым установил порядок в ханстве.

Продолжительная борьба между хивинским правительством и колли-иомудами, к которым весной 1905 г. присоединились и другие иомудские подразделения, в 1906 г. закончилась. По существу борьба закончилась победой колли-иомудов, ибо они шесть лет подряд отказывались платить подати и, не уплатив ни копейки, удалились из пределов ханства.

Также произошли волнения казахов-кочевников в Кунградском бекстве и в самом Кунграде. В феврале 1905 г. в этот город собрались несколько тысяч дехкан бекства и потребовали от

[23] Там же, лл. 16—17.
[24] Там же, л. 17.
[25] Там же, л. 22.

бека Байгуренова прекращения административно-полицейского произвола. Русский очевидец сообщал в Петро-Александровск, что из толпы дехкан слышались даже выкрики «ур» — бей богачей, и прежде всего Байгуренова. Для подавления дехканского движения из Хивы были отправлены ханские нукеры, которые учинили жестокую расправу над участниками волнений.

Осенью 1905 г. сильное дехканское выступление имело место и в Куня-Ургенчском бекстве, где были разгромлены хозяйства нескольких казахских и узбекских феодалов.

1906 год прошел под знаком острой борьбы дехкан в Ходжейли, Кунграде, Хазараспе, Ханках, Ташаузе, Ильялы, Газавате и в некоторых других местах.

Восставшие дехкане требовали наделения их землей, уменьшения поземельного налога, отмены некоторых натуральных повинностей, в частности отмены мобилизации дехкан для работы на чиновников, феодалов, баев и духовных лиц. По некоторым данным, дехкане в отдельных местах «захватывали земли феодалов и баев, выступали за ликвидацию института откупщиков податей и т. д.» [26].

Таким образом, классовая борьба в Хивинском ханстве приняла весьма острый характер. Это была борьба безземельных и малоземельных дехкан против жесточайшего феодального гнета и колониального порабощения, за землю и воду, за человеческие условия жизни.

Под влиянием революционных событий в России и Туркестане в Хивинском ханстве широкий размах приняла экономическая борьба рабочих и служащих, выступивших с требованием сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы и улучшения условий труда. В забастовку включились рабочие хлопкоочистительных заводов, а также других промышленных предприятий Нового Ургенча. Русская революция оказала сильное влияние также на рабочих рыбных промыслов Муйнака, Урги и т. д. Под ее воздействием в Хивинском ханстве произошли серьезные выступления трудящихся кишлака и города, носившие ярко выраженный антифеодальный характер. Вместе с тем эти выступления косвенно были направлены и против колониального гнета, поскольку царское правительство неизменно поддерживало хана и хивинских феодалов.

Вопрос о реформах. Проведение отдельных прогрессивных мероприятий в ханстве

Вопрос о необходимости реформ в Хивинском ханстве официально впервые был поднят в 1908 г. В 1909 г. этот вопрос был рассмотрен на ташкентских совещаниях, в Министерстве иност-

[26] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 262/912—915, д. 60, лл. 34—36.

ранных дел, а в 1910 г. — в Особом совещании министров. На последнем совещании было решено провести в Хиве некоторые реформы для того, чтобы подготовить ханство к присоединению к России.

С осени 1910 г., как уже было сказано, царизм, временно отложив вопрос о присоединении, взял курс на проведение в стране реформ. Этот вопрос принял особо острый характер после смерти (16 августа 1910 г.) Мухаммед-Рахим-хана.

На престол вступил Асфендиар-тюря. Однако признание его правителем ханства по указанию царских министров должно было быть обусловлено требованием «императорского правительства осуществить программу необходимых реформ в ханстве» [27].

Исходя из этого, царская администрация Туркестанского края, а также отдельные царские офицеры и русские предприниматели выдвинули перед новым хивинским ханом Асфендиаром довольно серьезную программу реформ, которую он должен был провести в стране. Кроме того, туркестанский генерал-губернатор Самсонов в начале сентября 1910 г. созвал совещание для обсуждения этого вопроса, на котором была разработана следующая программа реформ:

а) совершенно изъять из обращения местную хивинскую монету (теньги и пул), заменив ее русской денежной единицей;

б) обязать хивинского хана не вводить никаких новых налогов и не повышать существующих без разрешения царских властей Туркестана и Петербурга;

в) предложить хивинскому хану открыть почтово-телеграфные конторы в главных торговых пунктах страны: в Хиве, Ташаузе, Мангыте и Ходжейли, а также соединить эти города телеграфными линиями с Новым Ургенчем;

г) предложить хивинскому хану открыть почтовые отделения в Хиве, Ташаузе и Мангыте;

д) рекомендовать хану ввести по всему ханству одинаковые весы, ибо до 1910 г. каждое отдельное бекство имело свои особые весы;

е) настоять, чтобы при хане находился русский ирригационный техник, на обязанности которого лежало бы: просмотр предварительных предположений о всех ирригационных работах в стране; проектирование новых ирригационных систем и улучшение старых; непосредственное наблюдение за исполнением этих работ;

ж) рекомендовать Асфендиар-хану покончить с системой кормления сановников и чиновников, установив им «определенное и достаточное содержание... сократить их число, определив его по действительной надобности особыми штатами»;

з) обязать хана произвести инструментальное измерение всех обрабатываемых земель страны и обложить поземельным налогом всех землевладельцев независимо от занимаемого ими положения;

и) предложить Асфендиар-хану улучшить пути сообщения в ханстве;

к) рекомендовать новому хану организовать в стране медицинскую и агрономическую помощь населению, а также создать кредитные учреждения;

л) посоветовать Асфендиар-хану открыть школы русско-туземного типа, ввести оспопрививание, надзор за эпидемическими заболеваниями и ветеринарный надзор;

м) предложить новому хану «отменить совершенно варварский обычай заковывать за шею в ошейники не только осужденных преступников, но и просто арестованных полицейским арестом по подозрению лиц»;

н) рекомендовать правителю ханства прекратить раздачу государственных земель большими площадями разным лицам и притом с «освобождением от налогов, а также теперь же прекратить наряд рабочих в виде натуральной повинности в имениях хивинских чиновников на земледельческие и ирригационные работы».

На совещании также было решено учредить в Новом Ургенче должности мирового судьи с обязанностями судебного следователя и нотариуса и передать в ведение русских судебных органов решение всех дел русскоподданных с хивинцами [28].

Такова была программа реформ в Хивинском ханстве, предложенная царскими властями Туркестана и одобренная царским правительством [29].

Основные пункты этой программы были приняты Асфендиаром, что получило отражение в его манифесте. В последнем было обещано «быть всегда справедливым судьей, упразднить издревле существующие тяжелые и обременительные для нашего народа порядки и принять меры к тому, чтобы в народе воцарилось благоденствие, благополучие и справедливость, процветало бы сельское хозяйство и торговля» [30].

Однако в период правления Асфендиара (1910—1918) угнетение трудящихся масс светскими и духовными феодалами, а также феодальным государством приняло более жестокий характер. «Хива чрез правление Сейид Асфендиара доведена не только до нищеты, но и предоставлена полнейшему произволу со стороны различных ханских чиновников» [31].

Хотя в манифесте и говорилось об отмене издревле существовавшего обычая об отправке дехкан на 12 дней на казенные работы и о замене этой натуральной повинности налогом в поль-

[27] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, л. 45.

[28] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, лл. 99—100, 104, 106—118, 121, 131—134, 137—141.

[29] Там же, лл. 176—177.

[30] Там же, л. 152.

[31] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 2, д. 564, л. 14.

зу казны в размере «двух с половиной теньга», но и это осталось лишь на бумаге. Трудящихся дехкан и после 1910 г. продолжали отправлять на различные казенные работы сроком на 12 дней.

Пустым звуком оказались и некоторые другие пункты манифеста. Так, в нем говорилось, что «все наши должностные лица помимо казенных работ для собственных нужд, как-то: при проведении арыков на своих земельных имуществах, при постройке домов и в других случаях совершенно не должны обращаться к населению за какой-либо помощью»[32]. В действительности же после 1910 г. мобилизация трудящихся для работы на феодалов, сановников и чиновников стала производиться более планомерно и систематически. Демагогическим было и заявление Асфендиара о том, что казии и другие должностные лица за «разрешение всяких дел... не должны требовать от просителей каких-либо вознаграждений, так как они за верную службу имеют быть щедро вознаграждаемы нами»[33]. Между тем источники свидетельствуют, что административно-полицейские чиновники и после 1910 г. продолжали требовать с народных масс вознаграждение, а следовательно, обещание хана не имело реальной силы.

В манифесте хана принципиально важное место занимало заявление о необходимости «произвести измерение всех обрабатываемых земель ханства и изменить податное обложение, подвергнув обложению все без исключения земли, как частновладельческие, так и жалованные, и тем уравнять налоговое бремя для богатых и бедных». Этим пунктом манифеста наносился удар по светским и духовным феодалам, которые владели «громадными площадями земли и почти ничего не платили в казну, а землями пользовались, отдавая их для обработки дольщикам (издольщикам. — *Т. Т.*)».

Стремясь обложить поземельным налогом земли феодалов, Асфендиар-хан настроил против себя сановников, которые в прошлом служили Мухаммед-Рахим-хану[34]. Недовольные манифестом сановники весьма ловко использовали следующее обстоятельство: после издания манифеста хан вместе со своим тестем везир-акбаром (т. е. премьер-министром) Ислам-Ходжей выехал для лечения на Кавказ. Тем временем недовольные сановники, которые выражали интересы светских и духовных феодалов, устроили несколько тайных совещаний, на которых решили восстановить население и против манифеста, и против возвещенных в нем нововведений. Более того, девять ханских сановников якобы от имени населения выразили протест против манифеста. В числе подписавших протест были и сыновья бывшего диванбеги Мад Мурада: Шейх-Назар-бей, который от имени хивинского хана заведовал всеми туркменскими делами, а

[32] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, л. 152.
[33] Там же.
[34] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 289, л. 178.

также исполнял обязанности есаулбаши, Хусейн-бек, исполнявший обязанности диванбеги, и Амангельды, который состоял в совете сановников хана.

Выступление сановников против ханского манифеста по времени совпало с волнениями в некоторых местах ханства узбекского и туркменского населения против центрального правительства[35]. Это обстоятельство придало протесту сановников «значение государственного преступления и посягательства на ограничение власти самого хана»[36]. Как производилось самое следствие по этому делу, неизвестно, но в результате разбора упомянутого документа особенно сильно пострадали сыновья Мад Мурада, у которых «по приказанию хана отобраны были жалованные им и доставшиеся по наследству от отца земли, описано было (а затем конфисковано. — *Т. Т.*) и движимое имущество во всех их домах»[37].

Шейх-Назар-бей, Хусейн-бек и Амангельды были арестованы в их собственных домах, к воротам были поставлены караульщики, содержание которых было отнесено на счет арестованных.

Продолжительное нахождение под арестом сыновей Мад Мурада вызвало брожение среди тех феодальных кругов страны, интересы которых они выражали. Получив сведения об этих брожениях, туркестанский генерал-губернатор Самсонов в июле 1912 г. снарядил в Хиву специальное посольство во главе с военным губернатором Сырдарьинской области Галкиным. Последний сообщил хивинскому хану, что туркестанский генерал-губернатор во имя спокойствия в ханстве считает необходимым освободить из-под домашнего ареста сыновей Мад Мурада. Не желая ухудшать отношения с генерал-губернатором, Асфендиар-хан был вынужден дать свободу мадмурадовцам и назначить их: Шейх-Назар-бея — есаулбашой, Хусейн-бека — диванбеги и Амангельды — в совет сановников хана[38].

Хотя сыновья Мад Мурада были назначены на ответственные должности, тем не менее они, считая виновным в их аресте прежде всего Ислам-Ходжу, после освобождения развернули борьбу против везир-акбара. В январе 1913 г. об этой борьбе начальник Амударьинского отдела доносил генерал-губернатору следующее: «После помилования сановников (сыновей Мад Мурада. — *Т. Т.*) при хивинском дворе началась скрытая, глухая борьба сановников, направленная уже не только к ослаблению власти Ислам-Ходжи и его влияния на хана, а, по-видимому, к совершенному дискредитированию в глазах хана его первого сановника, которого бывшие в опале сановники стремятся обвинить даже в похищении в момент смерти покойного хана Рахим

[35] Там же, лл. 178, 207.
[36] Там же, л. 179.
[37] Там же.
[38] Там же, л. 220.

Боходура полутора миллиона руб. ханских денег, хранившихся во дворце арка в пяти сундуках»[39]. В ходе борьбы 9 августа 1913 г. неизвестными лицами был убит Ислам-Ходжа. В его убийстве прежде всего следовало бы подозревать сыновей Мад Мурада, как его ярых врагов.

Однако дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе в своем докладе на имя министра иностранных дел сообщал, что в убийстве были замешаны сыновья самого Ислам-Ходжи и Асфендиар-хан. Накануне этого убийства между ханом и Ислам-Ходжей были несколько раз скандалы. Во время одного из них Асфендиар-хан сказал своему тестю: «Не будь я ханом хивинским, если не уничтожу тебя»[40]. Судя по этим сообщениям, можно предполагать, что убийцы, по-видимому, были подосланы ханом.

Попытка хана обложить все без исключения земли страны поземельным налогом и тем самым уравнять налоговое бремя «богатых и бедных» не увенчалась успехом. Естественно, что феодалы были против обложения их земель и организовали протест против ханского манифеста. Особенно упорными оказались туркменские феодалы — кетхуды. Начальник Амударьинского отдела сообщал генерал-губернатору: «Руководители туркмен собирают своих приверженцев на совещания, склоняя их к отказу платить хану подати и не допускать предстоящего в будущем, 1913 г. танапного измерения земель с целью равномерного их обложения»[41]. Таким образом, это и некоторые другие обещания Асфендиар-хана, провозглашенные в манифесте, также остались на бумаге. В стране не были учреждены ни кредитные заведения, ни агрономическая помощь дехканам и т. д.

Вместе с тем необходимо отметить, что под давлением русского, туркестанского и хивинского общественного мнения новый хан был вынужден провести некоторые мероприятия, которые в конечном итоге имели положительное для страны и для ее народных масс значение. Например, русские предприниматели за счет средств хивинской казны построили в ханстве несколько телеграфных линий, а в некоторых городах — почтово-телеграфные конторы. Это сыграло большую роль в развитии русско-хивинской торговли. Построенные мосты и грунтовые дороги способствовали экономическим связям между отдельными районами ханства и тем самым образованию внутреннего рынка страны.

Большое значение для народных масс Хивы имело открытие аптек, больниц и амбулаторных пунктов, построенных в некоторых городах. Как известно, в прошлом в Хивинском ханстве научной медицины не было. Лечением населения занимались муллы, ишаны, знахари, табибы, гадальщики (фальбины) и

[39] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 305, л. 6.
[40] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 343, лл. 4—6.
[41] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 289, л. 154.

парикмахеры (сартараши). Аптек, больниц и амбулаторных пунктов также не было. Население ханства страдало от различных болезней, причем многие из-за отсутствия медицинской помощи умирали. В Хиве и Новом Ургенче были открыты больницы с амбулаторией. В хивинской больнице, например, имелось 50 кроватей для мужчин и 25 — для женщин. В этой больнице работали врач-мужчина, врач-женщина, фельдшер и фельдшерица[42].

Безусловно, указанные выше мероприятия хивинского правительства, проведенные по настоянию передовых общественных сил России, Туркестана и Хивы, имели положительное значение для патриархально-феодальной страны.

Исключительно большое значение для трудящихся ханства имело установление государственного жалованья сановникам и чиновникам. Дело в том, что до 1910 г. буквально все административно-полицейские чиновники Хивинского ханства в силу патриархально-феодального устройства страны не получали от хана никакого определенного жалованья, а жили на взимаемые ими с населения поборы[43]. Сборщики податей за полученные ими деньги или урожай в натуре не давали никаких квитанций. Это было на руку хакимам, аксакалам, чиновникам по сбору податей, т. е. всем лицам, которые жили системой «кормления». Пользуясь отсутствием всякой документации при сборе податей, они совершали неслыханные злоупотребления. Очевидцы отмечали, что «жители бедны от поборов сановников, которые ими управляют, которые нередко произвольно, как хотят, так их и облагают. Беки и их подчиненные, не получающие от хана содержания и обложенные ханом довольно большими взносами, собирая подать с народа, в то же время стараются обогатить и себя, накладывая на население размер налога по своему усмотрению, часто непосильный народу, чем и не дают последнему оправиться»[44]. Поэтому установление жалованья чиновникам, несомненно, имело существенное социальное значение, внося в государственный аппарат элементы порядка и законности.

Сообщая туркестанскому генерал-губернатору об установлении жалованья чиновникам и сановникам ханства, начальник Амударьинского отдела писал: «В текущем году по мусульманскому исчислению хан хивинский приказал выдать из казны единовременные пособия всем лицам поименованных категорий приблизительно почти в размере, в каком предложено присвоить им постоянное содержание, и вместе с тем уже отменил некоторые (налоги. — *Т. Т.*) с населения, составлявшие доходы казны и разных должностных лиц... Уже отменены: десятипроцентное поступление в ханскую казну с кунов при разрешении дел об

[42] ЦГИА УзССР, ф 1, оп. 27, д. 1735, л. 6.
[43] В. Лобачевский, Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа, Хивинский район, стр. 37.
[44] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, л. 91.

убийствах, единовременные вознаграждения есаулов и махрамов за счет виновных при дознаниях об убийствах в размере десяти хивинских тилле и... десятипроцентные отчисления в пользу хакимов при разрешении дел о воровствах и грабежах... уже сделано распоряжение казиям о том, чтобы при совершении всякого рода актов и договоров и при разрешении исковых дел они взимали не более 5 теньга с тысячи договорной или исковой суммы и чтобы выморочные имущества поступали не в ханскую казну, как было доныне, а на общенародные и благотворительные дела» [45].

Таким образом, установление жалованья сановникам и чиновникам в какой-то мере способствовало улучшению социально-экономического положения народных масс.

* * *

На очень низком уровне стояло в Хиве народное образование. В этой связи вкратце расскажем о мактабах и мадрасах (медресе). В Хивинском ханстве к 1911 г. насчитывалось около 1500 мактабов, которые, как правило, помещались при мечетях и содержались на средства частных лиц и религиозных общин. В хивинских школах обучение детей начиналось с зазубривания букв арабской азбуки, а затем они читали по слогам избранные места из корана. Все учение в мактабах, таким образом, сводилось к зазубриванию, без понимания содержания заучиваемого.

Не лучше обстояло дело и с обучением в высших мусульманских духовных училищах — мадрасах. Последних в 1909 г. насчитывалось 61 с общим числом учащихся (муллабачей) 2200 человек [46].

Мадрасе, как правило, являлись рассадниками средневековой реакционной идеологии, прививали своим слушателям антинаучное, религиозное мировоззрение, воспитывали в них рабскую покорность перед имущими мира сего.

В отличие от этих конфессиональных училищ русско-туземная школа, открытая в г. Хиве в начале 80-х годов XIX в. прогрессивным общественным деятелем и поэтом Камилом Хоразми (Палванниязом Мухаммедом), имела несомненные преимущества. В ней дети изучали русский язык, историю, географию, «Книгу для чтения», содержащую отдельные сведения из жизни природы, людей, животных, птиц и т. д. Хотя эта школа не могла подготовить в достаточном количестве кадров для формировавшейся хивинской буржуазии, необходимых для ведения торговли с Россией, тем не менее она являлась определенным рассадником передовой русской культуры в патриархально-феодальном ханстве.

[45] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 31, д. 1104, ч. I, л. 2.
[46] P. Kouznietsov, La lutte des civilisations et des langues dans L'Asie Centrale, стр. 173.

Заслуживает быть отмеченным здесь и то, что во второй половине XIX в. хорезмский оазис привлекал внимание и русских ученых. В 1873 г. Русское географическое общество организовало научную экспедицию в пределы Хивинского ханства, в составе которой от названного общества участвовали И. Стебницкий, Бекчурин и др.; от общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — Л. С. Берг, А. Л. Кун, М. Богданов, Н. А. Северцев и др. В экспедиции также участвовали топографы Каулбарс, Жимаковский и др. Во время этой экспедиции известный востоковед А. Л. Кун собрал много восточных рукописей, в том числе сочинения хивинского историка Шермухаммеда Мираба (псевдоним Мунис), а также архив хивинских ханов XIX в.

Стремясь в какой-то мере способствовать развитию сельского хозяйства в ханстве, в низовьях Амударьи продолжительное время изучали почву почвоведы М. Г. Попов, П. А. Цегефан, В. В. Никитин, а в районах Хазараспа, Ходжейли, Кунграда, Ильялы и Порсу обследовали месторождения нефти Д. Н. Топуридзе, А. Д. Архангельский и др. [47].

В развитие ирригационного дела в ханстве определенный вклад внесли инженеры С. В. Галенко, П. Л. Харитонов, Гельман и др., которые составили проект орошения пустующих земель в районе Дарьялыка.

Вплоть до наших дней большую научную ценность представляют труды русских ориенталистов по истории Хивинского ханства, в особенности труды выдающегося востоковеда акад. В. В. Бартольда, А. Л. Куна, Н. Веселовского, В. И. Даля, Н. С. Лыкова, О. Шкапского, Лобачевского, Гиршфельда и др.

Исключительно большое научное значение имеют капитальный труд преподавателя Московского университета Л. С. Берга «Аральское море» и многотомные труды «Арало-каспийской экспедиции».

В развитии народного просвещения определенное значение имело открытие в 1874 г. литографии хивинским мастером Атаджаном Абдаловым. Последний напечатал знаменитую «Хамсу» А. Навои, диваны Муниса, произведения просветителя Камиля Хоразми, переводы персидских и арабских поэтов.

Также следует отметить, что некоторое благотворное воздействие на хивинцев оказывали и русские артисты, посещавшие ханство. По мере усиления русского влияния в ханстве появились цирки, киноустановки, а также граммофоны и патефоны [48].

Представители правящих кругов Хивы и богатые хивинцы часто бывали в России и знакомились с достопримечательностями русских городов. Под влиянием русского зодчества они стали сооружать дворцы, жилые дома и другие здания. Так, в

[47] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 241, лл. 2—3, 13.
[48] «Туркестанский курьер», 1914, № 59.

1912 г. было закончено строительство ханского дворца Нурбалая [49].

В. И. Ленин, говоря о влиянии великорусской культуры на украинских рабочих, писал: «Если большинство украинских рабочих находится под влиянием великорусской культуры, то мы знаем твердо, что наряду с идеями великорусской поповской и буржуазной культуры действуют тут и идеи великорусской демократии и социал-демократии» [50].

Несомненно, эти идеи оказывали также влияние и на передовых людей Средней Азии, в том числе и Хивы. Именно под воздействием великорусской демократии формировались прогрессивные взгляды хивинских просветителей, в частности Палванниязя Мухаммеда Мирза-баши (Камил Хоразми — 1825—1899 гг.), Бердимурада Каргабай-улы (псевдоним Бердак — 1827—1900 гг.), Аваза Утара-оглы (1884—1919 гг.), Атаджана Абдалова (1855—1927 гг.), Мухаммеда Расулбая (Мирза-баши, 1870—1916 гг.).

Их прогрессивные взгляды формировались также под влиянием мрачной хивинской действительности с ее нищетой, забитостью и полным бесправием трудящихся масс.

В Хивинском ханстве, как и в любом другом антагонистическом классовом обществе, существовали две национальные культуры: культура господствующих классов и культура трудящихся масс. По этому вопросу В. И. Ленин писал: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие* же *две* культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.» [51].

Культура господствующих классов Хивы служила целям сохранения и консервации патриархально-феодальных порядков, существовавших в ханстве; она стремилась оправдать в глазах общественного мнения рабское положение хивинских дехкан, рабочих и ремесленников, а равно господствующее положение светских и духовных феодалов. Она насаждала в стране суеверие, невежество и ханжество. Идеология и культура господствующих классов, таким образом, служили эксплуататорским целям светских и духовных феодалов во главе с ханом.

Идеология и культура трудящихся масс Хивы, как и других стран, выражали их надежды, чаяния, стремление к социальному освобождению и ставили своей целью свержение ханской власти. Эта идеология и культура заключали в себе демократические и социалистические элементы. В. И. Ленин писал, что

[49] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 289, л. 187.

[50] В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу,— Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 129.

[51] Там же.

«в каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую» [52].

Камил Хоразми, Бердимурад Каргабай-улы, Аваз Утар-оглы и другие хивинские просветители выражали интересы трудящихся ханства и представляли их идеологию и культуру.

Камил Хоразми, как и другие хивинские просветители, познакомился с идеями русской демократической культуры в результате внимательного изучения отдельных произведений классиков русской литературы: Пушкина, Лермонтова, Белинского, Чернышевского и др., некоторые творения которых стали переводиться на хивинский узбекский язык еще с 80-х годов XIX в.

Якуб Мухаммед, например, перевел на хивинский узбекский язык отдельные произведения Пушкина, Белинского и Чернышевского.

Камил Хоразми познакомился с демократическими вольнолюбивыми произведениями и культурой русского общества во время поездки в Россию в 1883 г. Будучи там, он ознакомился с достопримечательностями Петербурга и Москвы. В Петербурге он увидел большой Петровский дворец; в Гатчине — Гатчинский дворец и роскошный цирк; в Царском Селе — изумительные дворцы и парки, в Кронштадте — военный порт. На человека, приехавшего из патриархально-феодальной страны, достопримечательности Петербурга, несомненно, производили сильное впечатление.

По пути в Петербург и в самом Петербурге Камил воочию убедился в экономическом и культурном прогрессе России и, сравнивая виденное с хивинской действительностью, в чрезвычайной отсталости своей многострадальной страны. Он понял, что причина отсталости его страны заключается в грабительской политике хана, его сановников и чиновников, а также духовенства, которые своими поборами и насилием разоряли и угнетали городское и кишлачное население.

Камил Хоразми получил образование в мактабе, а затем в мадрасе Хорезма. После окончания мадрасе Камил некоторое время занимался торговлей, но вскоре оставляет торговлю и поступает на службу к ханскому правительству.

Поэтому свое служебное положение Камил использовал в интересах народных масс, приняв активное участие в организации русско-туземной школы, амбулаторного пункта в г. Хиве, ремонта старых и строительстве новых ирригационных каналов и т. д.

Камил был «сильнейшим среди современных ему поэтов» [53]

[52] Там же, стр. 120—121.

[53] «Антология узбекской поэзии», М., 1950, стр. 249.

Хивинского ханства; в своем творчестве он выражал интересы городских и кишлачных трудящихся, подвергал критике существовавшие в стране порядки, разоблачал грабительские действия феодалов и мусульманского духовенства. Он писал:

То шейхи кричат лицемерно,
устроив в мечети базар,
иль то раздается собачий,
для уха неистовый, вой?
Соперники ль это явились к
Камилу толпой хитрецов,
лисицы ль дрожат перед
львиной, пред царственной
лапой крутой [54].

Разумеется, Камил не мог быть в почете у реакционных элементов страны, которые постоянно нападали на него, травили и третировали. Но несмотря на это, поэт считал своим долгом продолжать борьбу против реакционных сил у себя на родине, твердо и убежденно высказывался против эмиграции куда-либо, в частности в Бухару.

Об этом свидетельствуют следующие строки его поэмы:

«Без Родины я обойдусь» —
не смей говорить никогда,
Пусть даже негаданно будет удел
твой высок на чужбине.
Таись, уподобясь Анка, в
Ущельях заоблачных гор,
Коль ты не стремишься достичь
Почетных дорог на чужбине.
Путем испытаний тяжелых на Родине
смело иди,
А тропы скитаний всегда не будут нам
впрок на чужбине.
Ищи ты отчизну Камила — Хиву, если сам
ты — «Камил»,
И знай: Бухара — это смерть, могильный
порог на чужбине [55].

Камил был горячим сторонником русской культуры, изучил и очень полюбил русский язык и настойчиво советовал своим соотечественникам изучать его.

Камил Хоразми был не только поэтом, но и «талантливым музыковедом. Он изобрел систему музыкальных нот, известных под названием „хорезмских“...» [56].

Его ученики — Атаджан Абдалов и Мухаммед Расулбай продолжали отстаивать интересы народных масс, борясь против реакционных элементов общества.

[54] Там же, стр. 251.
[55] Там же, стр. 250.
[56] Там же, стр. 249.

Однако в узбекскую литературу они внесли весьма скромную лепту, а поэтому, не останавливаясь на них, вкратце рассмотрим творчество Бердимурада Каргабай-улы (псевдоним Бердак). Он с десяти лет остался круглой сиротой, был пастухом, испытал все тяготы жизни. Каргабай-улы хорошо играл на дутаре и великолепно исполнял каракалпакские народные песни, причем свои стихи перекладывал на музыку. Он был выдающимся поэтом и свое творчество посвятил порабощенному каракалпакскому народу, к которому питал глубокую и искреннюю любовь.

В стихотворении «Для народа» («Халк учун») он, например, прославлял героизм и способность на саможертвование во имя любви к народу, во имя счастья, блага и процветания его.

Также народным духом пронизаны стихотворения Каргабаяулы «Лучшее» («Яхширок»), «Моя жизнь» («Умрим»), «Не было» («Булган эмас»), «Не осталось» («Колмади») [57] и многие другие.

В своем творчестве Каргабай-улы вел борьбу против феодалов, баев и мусульманского духовенства, искренне стремился помочь своему народу избавиться от невежества, бескультурья, темноты и бедности, о чем свидетельствует, например, его стихотворение «Царь-самодур» («Ахмок пошшо») [58].

Таким же, как и Каргабай-улы, выдающимся поэтом и просветителем был Аваз Утар-оглы, родившийся в г. Хиве в семье бедного парикмахера. Весьма начитанный, мудрый человек, Утар постоянно интересовался науками, искусством и литературой.

Еще будучи студентом мадраса, Аваз познакомился с произведениями гениального Навои, Муниса и Агахи. Он начал писать стихи в четырнадцатилетнем возрасте, а в 18 лет был признанным поэтом Хивинского ханства.

Аваз был поистине бесстрашным борцом против жестокого феодального угнетения трудящихся, он беспощадно критиковал хана, феодалов, чиновников и духовенство. Например, в стихотворении «Ханским чиновникам» («Сипохиларга») он писал:

Страшитесь волновать народные сердца
жестокостью своей, которой нет конца.
Для притеснителей придет возмездья час, —
и вы предстанете перед лицом истца.
Свободы светлый день уж недалек, Аваз,
сквозь тучи солнца свет провидит взор певца [59].

Это обличительное стихотворение Утара по существу направлено против деспотического режима ханства и полно верой в светлое будущее своего народа.

[57] Бердак, Танланган асарлар, Тошкент, 1956, стр. 7—28.
[58] Там же, стр. 93—134.
[59] Аваз Утар, Танланган асарлар, Тошкент, 1960, стр. 22.

Или возьмем стихотворение «К высшему духовенству» («Уломаларга»), в котором Утар обвинял его в том, что оно привело народ в состояние нищеты и бескультурья [60].

Заслуживает быть отмеченным также стихотворение поэта «Народ» («Халк»). В нем, написанном с большой любовью к народу, поэт рисовал тяжелые, невыносимые условия жизни городской и кишлачной бедноты Хивинского ханства, подвергая жестокой критике ее угнетателей. У Утара были и другие стихотворения, посвященные народным массам ханства.

В стихотворениях «Школа» («Мактаб») и «Язык» («Тил») поэт прославлял науку и просвещение, призывал своих соотечественников изучать их, доказывая их пользу [61].

Аваз был сторонником новометодных школ. Призывая хивинскую молодежь к изучению наук и языков, поэт говорил:

Знание души народа — знание его языка.
Только обменом речью — связь между
людей крепка.
Знание делает мудрым, учившиеся всему
гордостью века стали, и слава их велика [62].

Аваз стоял на позиции просветительства, был горячим сторонником развития науки, просвещения в своей многострадальной Хиве.

За мужественные выступления против ханского произвола, против светских и духовных феодалов Аваз в 1909 и 1917 гг. подвергался жестокому телесному наказанию и дважды был объявлен сумасшедшим. Но ничто не могло сломить поэта. Он продолжал писать стихи, направленные против хана и ханских приспешников.

По сравнению со своими предшественниками и современниками Камил Хоразми, Бердимурад Каргабай-улы и Аваз Утар-оглы внесли много положительного, нового в развитие общественно-политической мысли хивинского народа. В этом заключается их выдающаяся заслуга перед своим народом и перед народами современных республик — Узбекской ССР и Каракалпакской АССР.

Феодальные усобицы 1912, 1915—1916 гг. в ханстве и роль иностранной агентуры в их организации

Феодалы узбекского племени кунград, правившие Хивинским ханством с 1804 г., постоянно и упорно проводили политику разжигания национальной вражды между узбеками, туркменами, казахами и каракалпаками, населявшими страну, для чего использовали главным образом следующее обстоятельство.

[60] Там же, стр. 24.
[61] Там же, стр. 19—20.
[62] Там же, стр. 19.

Хивинские узбеки имели древнюю земледельческую культуру. Они ранее других народностей ханства осели на землю, заняв головные части оросительных каналов, в то время как туркмены и другие народности ханства осели несколькими веками позднее узбеков и вследствие этого получили лишь хвостовые части оросительных каналов.

Узбекские феодалы злоупотребляли своим господствующим положением, часто лишая посевы туркмен, как и посевы других народностей страны, поливной воды, закрывая оросительные каналы. Проблема распределения воды обострялась, когда между туркменскими феодалами и ханским правительством завязывалась борьба по какому-нибудь важному вопросу. При хане Сейид-Асфендиаре взаимоотношения между узбекскими и туркменскими феодалами резко ухудшились. Асфендиар-хан очень недружелюбно относился к туркменскому населению.

На совещании царских чиновников, состоявшемся в июне 1916 г. под председательством туркестанского генерал-губернатора, бывшие начальники Амударьинского отдела — Галкин и Лыкошин, которые хорошо знали внутриполитическое и экономическое состояние ханства, заявили, что основным виновником беспорядков, происходивших в этой стране, является хивинское правительство, игнорирующее требования туркмен [63]. Даже реформы, провозглашенные в ханском манифесте после вступления Сейид-Асфендиара на престол, последний пытался провести так, чтобы ослабить туркмен, ухудшить их экономическое положение и полностью подчинить их своему господству.

В конце 1911 г. он вызвал к себе, в Хиву, туркменских мюхирдаров и кетхудов и объявил им об увеличении с туркмен денежного налога в два раза и об обложении их натуральным налогом в размере 32 тыс. батманов пшеницы. Кроме того, хан заявил, что отныне каналы, которые орошали туркменские земли, должны чистить сами туркмены, освободив от этой тягостной работы узбекских земледельцев, выполнявших за туркмен эту повинность.

Последнее приказание Асфендиар-хана вызвало бурю протеста у туркмен и усилило их враждебное отношение к хану и его правительству. Туркмены и их старшины-феодалы наотрез отказались выполнить приказания хана, особенно распоряжение об очистке оросительных каналов. Антиханское брожение среди туркмен с каждым месяцем стало нарастать. Будучи бессильным бороться с туркменами, хан обратился к начальнику Амударьинского отдела с просьбой оказать ему поддержку. С аналогичной просьбой он обратился и к туркестанскому генерал-губернатору и, кроме того, попросил последнего оказать ему содействие в высылке в Россию около двух тысяч туркменских старшин — мюхирдаров, поддерживавших борьбу своих подчиненных с хивинским правительством.

[63] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 32, д. 42, л. 2; ф. 2, оп. 2, д. 564, лл. 6—14.

Архивные документы, составленные в 1912—1916 гг. царскими чиновниками Туркестанского края, свидетельствуют о том, что к лету 1912 г. антитуркменские действия хивинского правительства усилились. Они прежде всего проявились в попытке разобщить и поссорить отдельные туркменские племена и роды. К тому же ханская администрация летом 1912 г. умышленно преградила плотиной оросительный канал Науруз-яб, с тем чтобы «вода по нему не шла на туркменские земли» [64].

Такая провокационная политика привела к кровопролитному столкновению из-за воды (летом 1912 г.) между казахами адаевского рода и туркменами-земледельцами, занимавшимися сельским хозяйством вдоль названного канала.

Документы канцелярии хивинского хана, а также и другие архивные материалы свидетельствуют о том, что хивинское правительство, стремясь подчинить себе туркмен, часто преграждало плотиной каналы, орошавшие их земли.

Эта недальновидная политика правящих кругов Хивы обострила отношения туркмен с ханским правительством, а также с узбекскими феодалами, в конечном итоге отрицательно сказывалась на экономическом положении страны.

Антиправительственные выступления некоторых туркменских родов в 70-х годах XIX в. и с 1899 по 1906 г. включительно также были вызваны главным образом провокационной политикой правящих кругов Хивинского ханства, причем недовольством трудящихся туркмен в таких случаях ловко пользовались туркменские феодалы, боровшиеся с узбекскими феодалами за власть и господство в стране.

Если бы правители Хивы не проводили такой провокационной политики, то трудящиеся туркмены вряд ли поддерживали бы своих феодалов в их борьбе с узбекскими феодалами за господствующее положение в стране.

Документы свидетельствуют, что к феодальной усобице в 1912 г. готовились как туркменские, так и узбекские феодалы. События развернулись при следующих обстоятельствах.

Один туркмен по имени Дурды Непес ограбил узбекских торговцев; тогда в защиту последних с отрядом около 250 всадников выступил ляшкар-баши (командующий нукерами) Ильялинского бекства Сахат Бала. От преследования последнего Дурды Непес скрылся у феодала Мамед Кока из рода окуз — одного из крупных родовых подразделений туркменского племени иомуд. Тот факт, что грабитель скрылся у феодала, позволяет утверждать, что Дурды Непес действовал по заданию Мамед Кока, который, в свою очередь, был в сговоре с другими феодалами туркменского рода окуз. Когда Сахат Бала потребовал у Мамед Кока выдачи грабителя, то получил отказ. В связи с отказом выдать Дурды Непеса Сахат Бала приказал своим всадникам

[64] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 32, д. 412, л. 2; ф. 2, оп. 2, д. 564, л. 7.

убить Мамед Кока; после его убийства «началась борьба, — как писал 14 января 1913 г. туркестанский генерал-губернатор Самсонов военному министру, — между туркменами и хивинским правительством» [65].

Сторонники и родственники убитого обратились к своему роду с призывом отомстить ханскому правительсту за убийство Мамед Кока. На этот призыв отозвался один из видных феодалов рода окуз Шамми-Кель, имевший значительное число вооруженных нукеров. Как месть за смерть Мамед Кока Шамми-Кель организовал убийство крупного узбекского ростовщика Беки-Куля, обрезал волосы его женам и забрал все золото.

Этот факт привел в ярость узбекских феодалов, которые потребовали наказания Шамми-Келя и его приближенных, в том числе Мухаммеда Сердара Курбана (Джунаид-хана).

На начавшейся в стране феодальной усобице в какой-то мере сказалась вражда, существовавшая между двумя семьями ханских сановников — упомянутым везир-акбаром Ислам-Ходжей, с одной стороны, и сыновьями Мад Мурада — с другой.

Вражда между этими двумя семьями возникла главным образом на почве борьбы за влияние на хана, за власть и за богатство, хотя состояние Ислам-Ходжи и без того (в 1912 г.) исчислялось по крайней мере в 1,5 млн. руб. Ислам-Ходжа и его сторонники считали, что конфликт, начавшийся между узбекскими и туркменскими феодалами, следует разрешить не путем военного нападения на земли туркмен рода окуз, а в ходе мирных переговоров. По данному вопросу, как и, впрочем, по многим другим, совершенно иную позицию заняли сыновья Мад Мурада во главе с Шейх-Назар-беем, исполнявшим обязанности есаулбаши (главнокомандующего хивинскими правительственными войсками — нукерами). Сыновья Мад Мурада возглавляли сановников, стоявших за вооруженное наказание Шамми-Келя и его сообщников — феодалов туркменского рода окуз.

Воинственная клика одержала верх. В ноябре 1912 г. Шейх-Назар-бей с отрядом в тысячу нукеров при двух орудиях двинулся в поход против Шамми-Келя, осадил его крепость, находившуюся около Ташауза. Осада продолжалась 46 дней и в ходе ее обе стороны понесли заметные потери в людях, но ханские нукеры никакого успеха не имели. Более того, туркмены Шамми-Келя нанесли отряду Шейх-Назар-бея значительный урон [66]. Одновременно с этим туркмены некоторых других родов стали нападать на оседлое узбекское население.

Развернувшиеся в ханстве события обеспокоили туркестанского генерал-губернатора Самсонова, который дал приказ начальнику Амударьинского отдела Лыкошину выехать с отрядом царских войск в ханство для прекращения кровопролития. В на-

[65] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 305 лл. 21—27.
[66] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 305, лл. 27—29.

чале января 1913 г. Лыкошин вступил на хивинскую территорию, причем по распоряжению Асфендиар-хана при русском отряде находился упомянутый сторонник мирного разрешения конфликта с туркменами Ислам-Ходжа. Царские войска совместно с нукерами Шейх-Назар-бея нанесли удар по отряду Шамми-Келя, разгромили его и вынудили феодалов туркменского рода окуз заключить с хивинским правительством соглашение, что и произошло 25 января 1913 г. в Куня-Ургенче. По соглашению ханское правительство обязывалось оставить в неприкосновенности старый порядок водопользования, не допускать в дальнейшем каких-либо нарушений прав туркмен на воду [67].

Из приведенных данных видно, что причиной возникновения кровавых событий явилось не столько убийство Дурды Непесом узбекских купцов, сколько злонамеренное игнорирование ханским правительством интересов туркменского населения страны, лишение его поливной воды. В этом, собственно говоря, заключались экономические корни происшедшего кровопролития. Что же касается туркмен рода окуз, то они обязывались уплатить ханскому правительству и узбекскому населению контрибуцию в размере 130 тыс. руб. для возмещения причиненных ими убытков. После заключения соглашения руководители рода окуз «явились добровольно в Хиву и были там задержаны до уплаты наложенной ханом пени» [68].

В числе задержанных были Шамми-Кель и Джунаид-хан. Туркмены уплатили 37 576 руб., но от уплаты 92 581 руб. упорно отказывались, говоря, что они могут быть уплачены лишь после освобождения задержанных руководителей рода окуз. Хотя Самсонов и Лыкошин были против освобождения их, но тем не менее Асфендиар-хан выпустил их на свободу, предварительно получив от них заверение в том, что они соберут оставшиеся контрибуционные взносы и внесут их в ханскую казну [69]. Эти обещания руководителями туркмен рода окуз не были выполнены, и еще в 1914 г. продолжался насильственный сбор оставшихся контрибуционных взносов.

Однако кровопролитные события 1912—1913 гг. испугали царских властей. Генерал-губернатор распорядился привести в боевую готовность и при первой же необходимости двинуть в пределы Хивинского ханства значительные отряды царских войск.

После 25 января 1913 г. до осени 1914 г. феодальной усобицы в ханстве не было, но начавшаяся летом 1914 г. первая мировая война не могла не оказать определенного воздействия и на население Средней Азии, в том числе Хивинского ханства. После начала войны ведущие державы двух империалистических блоков развернули упорную дипломатическую борьбу за привлечение на свою сторону нейтральных стран. В этой борьбе Турция, и в частности мусульманское духовенство этой страны, выступили в поддержку Германии. Турецкий шейх-уль-Ислам (глава духовенства), например, в мечети Фатих в Стамбуле в начале же войны огласил свои фетвы (призывы) к мусульманам всего мира, предлагая им объединиться для борьбы со странами Антанты [70].

Исключительно большое возбуждение у мусульман Средней Азии, в том числе Хивинского ханства и Бухарского эмирата, вызвали прокламации, выпущенные правителями Турции под названием «Священная война обязательна». Они были выпущены после вступления Турции в войну против стран Антанты — России, Англии и Франции. Прокламации были тайно ввезены в Хивинское ханство, Бухарский эмират и Туркестанский край турецкими и немецкими агентами и розданы местному мусульманскому духовенству. Последнее затем их распространяло среди верующих мусульман. Основной целью прокламаций было стремление поднять мусульманские народы, находившиеся под господством России, Англии и Франции, на вооруженную борьбу против них [71]. Этот призыв находил отклик у мусульманского духовенства Средней Азии.

Бухарские ишаны Шаяхсы и Ибадулла, например, в 1915—1917 гг. несколько раз обращались к жителям Хивы и Туркестана с воззваниями, в которых они заявляли, что Германия вначале сокрушит Францию, а затем Россию и тем самым, мол, она освободит Среднюю Азию от русского господства. Поэтому они призывали мусульман Хивинского ханства и Туркестана помогать немцам и туркам, объявив «священную» войну против русских [72]. Не отставало от них и хивинское духовенство, которое в годы первой мировой войны стало играть активную роль в общественной жизни туркменского населения ханства.

В новой феодальной усобице, развернувшейся в 1915 г. в Хивинском ханстве, немаловажную роль играли немецкие и турецкие агенты.

Немецкие и турецкие разведывательные органы считали, что Асфендиар-хан, будучи ставленником России на хивинском престоле, раболепно выполняет волю царского правительства и русской буржуазии. Поэтому немецкие и турецкие агенты подстрекали туркменских феодалов к борьбе против хивинского хана и его правительства. В своих действиях они использовали следующие факты.

После трагического убийства 9 августа 1913 г. неизвестными лицами Ислама-Ходжи сторонники так называемой «твердой»

[67] Г. И. Карпов, Д. М. Бацер, Хивинские туркмены и конец кунградской династии, Ашхабад, 1930, стр. 52.
[68] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 2, д. 546, л. 313.
[69] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 2, д. 499, лл. 2—4, 8.
[70] Мустафа Кемаль, Путь новой Турции, т. IV, М., 1934, стр. 350—351.
[71] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 705, лл. 68—71.
[72] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 177, лл. 2, 24—26.

политики по отношению к туркменам, возглавляемые есаулбаши Шейх-Назар-беем, усилились. Провокационные действия ханской администрации, стремившейся различными путями спровоцировать выступление туркмен, участились.

Заключенное 25 января 1913 г. соглашение уже весной следующего года стало часто нарушаться.

Ханские чиновники вновь стали прекрывать плотинами оросительные каналы, не пропуская поливную воду на туркменские земли Хазаватского и Ильялинского бекств, вследствие чего «летом 1914 г. все посевы туркмен гибли от маловодья» [73].

Кроме того, через некоторое время после начала первой мировой войны Асфендиар-хан ввел новые налоги и приказал собирать их с населения, в том числе и с туркмен, в виде помощи фронту. Туркмены, сильно пострадавшие от неурожая 1914 г., не могли уплатить новые налоги, а между тем ханские чиновники прибегали к насильственным методам при сборе их, что также обостряло отношения между правительством и туркменами.

У туркмен рода окуз кроме сказанного большое недовольство вызывал продолжавшийся насильственный сбор контрибуционных взносов за их «беспорядки и бунт» в 1912 г.

К концу 1914 г. взаимоотношения между туркменами и ханским правительством, таким образом, опять обострились. Глубоким недовольством трудящихся туркмен, вызванным провокационной политикой ханского правительства, вновь ловко воспользовались туркменские феодалы в своих узкоклассовых интересах борьбы за власть. Туркменских феодалов подстрекали к вооруженной борьбе с ханским правительством немецкие и турецкие агенты, стремившиеся осложнить внутриполитическое положение в ханстве.

При этом иностранные агенты исходили из того, что феодальная усобица приведет к ослаблению позиции царского правительства и русской буржуазии в ханстве. Более того, по свидетельству архивных материалов, уже с осени 1914 г. немцы через Персию стали снабжать оружием хивинских туркмен, подготавливая их к вооруженной борьбе. По мере обострения обстановки в ханстве активную роль стали играть туркменские духовные лица во главе с Ишан-ханом, что следует поставить в прямую связь с турецкой и немецкой агитацией среди туркмен Хивы и влиянием младотурецкой прокламации «Священная война обязательна».

О том, что в Хивинском ханстве иностранные агенты вели подстрекательские действия, кроме приведенных свидетельствуют следующие факты.

Туркестанский генерал-губернатор Мартсон 12 апреля 1915 г. сообщил военному министру о том, что в начавшейся в Хивинском ханстве борьбе существенную роль играли немецкие и турецкие агенты, подстрекавшие туркмен к вооруженному выступлению против Асфендиар-хана. Мартсон также отмечал, что немцы различными путями снабжают хивинских туркмен оружием. Начальник Азиатской части Военного министерства генерал-лейтенант Манакин в своем отношении в мобилизационный отдел Главного управления генерального штаба 16 апреля 1915 г. также писал, что «имеются указания на немецкую агитацию среди хивинских туркмен и снабжение их оружием через Персию» [74].

О подстрекательских действиях немецких агентов, призывавших туркменских феодалов к борьбе против Асфендиар-хана, также говорится в отношении Главного штаба Военного министерства на имя военного министра от 25 апреля 1915 г. Для убедительности приведем еще один пример. Начальник Азиатской части Главного штаба 13 мая 1915 г. в своем отношении к военному министру, говоря о феодальной усобице в Хивинском ханстве, отмечал, что туркменских феодалов к борьбе с Асфендиар-ханом подстрекали и подстрекают немецкие и турецкие агенты.

Феодальная усобица 1915 г. развернулась при следующих обстоятельствах. В связи с неурожаем 1914 г. туркмены отказались платить ханскому правительству подати. Тогда с разрешения начальника Амударьинского отдела полковника Колосовского хан в январе 1915 г. организовал карательную экспедицию в туркменские районы ханства. Правда, эта экспедиция не имела заметного успеха, но тем не менее она вынудила туркмен частично внести подати в ханскую казну, а с другой стороны, мобилизовать силы для борьбы с ханским правительством. И действительно, в марте волнения туркмен возобновились [75]. Туркмены под водительством своих феодалов напали на оседлые узбекские районы, ограбили несколько торговых караванов. В ходе этих событий выдвинулся один из мюхирдаров туркменского племени иомуд Шамурад Бахши, которому всяческую поддержку оказывал главарь туркменского духовенства упомянутый Ишан-хан. Бахши был вызван Асфендиар-ханом в Хиву, арестован и заточен в тюрьму до уплаты 611 тыс. тилля (свыше 1 млн. руб.) как штраф для вознаграждения пострадавших от туркменских грабежей жителей ханства [76]. В ответ на арест Бахши туркмены-иомуды 17 марта 1915 г. напали на Хазават, взяли город, захватили в плен бека. Получив сведения о событиях в ханстве, генерал-губернатор приказал начальнику Амударьинского отдела потребовать от хана освобождения Бахши и уменьшения штрафа, но Сейид-Асфендиар упорствовал и настаивал на своем. Тем временем иомуды «дождливой ночью 22 марта неожиданно напали на г. Хиву (в) числе несколько сот пе-

[73] Г. И. Карпов, Д. М. Бацер, Хивинские туркмены и конец кунградской династии, стр. 53.

[74] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, д. 36, ч. I, л. 4.

[75] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, д. 36, ч. I, лл. 2, 18, 42.

[76] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 352, лл. 90—91.

ших, конных, угнали скот, убили, ранили несколько ханских нукеров»[77]. Тогда Мартсон приказал Колосовскому срочно отправиться в Хиву, добиться освобождения Бахши, а туркменам предложить «не трогать города, удалиться в свои кочевья».

23 марта Колосовский с сотней казаков, вооруженных пулеметами, прибыл в Хиву, освободил Бахши, а хан «беспрекословно подчинился всем требованиям»[78] царских властей.

Говоря о мартовских усобицах в ханстве, Колосовский телеграфировал Мартсону, что туркмены вооружены немецким оружием и «имеют прекрасную одиночную подготовку»[79]. Итак, участие германской разведки в вооружении туркменских феодалов, а следовательно, в организации усобицы 1915 г. не подлежит никакому сомнению.

Однако затихшее восстание туркмен вскоре вновь вспыхнуло, и к 12 апреля туркменами уже было захвачено несколько хивинских городов. К этому времени руководство восставшими туркменами-иомудами взял в свои руки Джунаид-хан, которого всячески поддерживал один из влиятельных туркменских ишанов Ишан-хан[80].

Однако иомуды отказались от нападения на г. Хиву, опасаясь находившегося там царского отряда под командованием Колосовского. При решающей роли русского отряда апрельская усобица была подавлена, города очищены от повстанцев и в ханстве восстановлен порядок. Казалось бы, ханское правительство должно было всячески поддержать установившееся затишье, ибо для борьбы с туркменами оно не располагало достаточной военной силой.

Но агрессивные элементы в правящей верхушке Хивы, возглавляемые есаулбаши Шейх-Назар-беем и казначеем (вроде министра финансов) Ашуром Махрамом, не прекращали интриг против туркмен.

По их инициативе 7 июня 1915 г. в местечке Ак-Дербент (в 30 *км* к северо-западу от г. Хивы) ханские нукеры напали на туркменских кетхудов и мюхирдаров, направлявшихся в Хиву для мирных переговоров по совету Колосовского. На это туркмены, предводительствуемые Джунаид-ханом, ответили вооруженным выступлением.

В местечке Ак-Дербент произошло кровавое побоище, в котором «со стороны хана участвовало... около $1^1/_2$ тыс. человек под командой трех сановников, причем часть войска была с одним холодным оружием; туркмен было 500 вооруженных всадников». Ханские нукеры были разгромлены, вернулось «из сражения не более 200 нукеров, остальные были перебиты, загнаны в два

[77] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1036, ч. I, л. 5.
[78] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, д. 36, ч. I, лл. 2—3.
[79] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1036, ч. I, лл. 1—2, 15.
[80] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 32, д. 413, л. 3; оп. 31, д. 1036, ч. II, л. 152.

двора и там сожжены, потоплены в болоте и часть безызвестно разбежалась»[81]. Туркмены торжествовали победу.

События в Хиве приняли угрожающий характер; туркестанский генерал-губернатор с согласия министров — военного и иностранных дел — послал в Хиву помощника военного губернатора Сырдарьинской области Геппенера со значительным отрядом. Ему была дана инструкция, согласно которой он получал широкие полномочия от царского правительства для того, чтобы как можно скорее прекратить феодальную усобицу в Хивинском ханстве.

Он прибыл в Хиву в конце июня, выселил из ханства организаторов провокации против туркмен Шейх-Назар-бея и Ашура Махрама, а 24 июля при активном его посредничестве между ханским правительством и туркменами было заключено соглашение, по которому туркмены и впредь признавали себя верноподданными хана, а хан обещал туркменам справедливость, защиту от притеснений сановников, выражал желание непосредственно знакомиться с нуждами иомудов[82].

И на этот раз спокойствие в ханстве было восстановлено с помощью царских войск. Необходимо, однако, здесь отметить, что в документах, освещающих июньские события, часто встречаются слова: «сильное турецкое влияние» или «турки хотят сделать Джунаида хивинским ханом»[83], что свидетельствует о популяризации иностранной агентурой его личности среди туркмен. Из-за болезни в сентябре 1915 г. генерал Геппенер уехал из Хивы, а начальнику Амударьинского отдела Колосовскому Мартсон предложил находиться в столице ханства.

Многочисленные донесения Колосовского туркестанскому генерал-губернатору свидетельствуют о том, что конец 1915 г. в ханстве прошел спокойно и отношения между ханом и иомудами казались установившимися.

Но уже в январе следующего года опять началась феодальная усобица. Характерной чертой ее было то, что на этот раз расстановка борющихся сил заметно изменилась. В событиях 1912 и 1915 гг. туркменские феодалы боролись за господство в стране с узбекскими феодалами во главе с Асфендиар-ханом. В ходе событий 1916 г. как среди узбекских, так и туркменских феодалов произошел раскол. Часть узбекских феодалов и духовенства во главе с ходжейлинским беком Овез-Ходжа Муртазабии Ходжаевым и его братом Махмуд-Ходжа Муртазабии Ходжаевым отошла от своих соплеменников и выступила в союзе с частью туркменских феодалов и духовенства, возглавляемых Джунаид-ханом и ишаном Ишан-ханом. Точно так же феодалы и духовенство туркменского рода окуз во главе с Шамми-Келем

[81] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, д. 36 ч. I, л. 87.
[82] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1104, ч. III, л. 150.
[83] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1036, ч. II, лл. 152—153.

отошли от Джунаида и вошли в контакт с Асфендиар-ханом [84].

В архивных материалах, касающихся феодальной усобицы 1916 г., отмечается, что поводом к возникновению ее был увод узбекских и каракалпакских девушек в ханский гарем, а также продолжавшийся насильственный сбор пени с туркмен за события 1912 и 1915 гг.

Содержание архивных документов свидетельствует о том, что главными организаторами феодальной усобицы этого года были Джунаид-хан и Ишан-хан, которые для этой цели вошли в контакт с ходжейлинским беком Овез-Ходжой и его братом Махмуд-Ходжой. Правда, по свидетельству тех же архивных материалов, Джунаид вначале находился в тени событий, развязывание и руководство усобицей он поручил своему ходжейлинскому союзнику, хотя с самого начала событий он следил за ними весьма зорко и бдительно.

«Деятельное, но закулисное участие... в развитии этого движения (усобицы 1916 г. — *Т. Т.*) принадлежит, — писал Колосовский генерал-губернатору Мартсону, — иомудскому хану Джунаиду» [85].

Далее он сообщал: «Установлено, что главари движения (Овез-Ходжа, Махмуд-Ходжа и др. — *Т. Т.*) прибыли в Хиву с его (Джунаида. — *Т. Т.*) согласия и под присмотром его людей, а затем отказались исполнить мое распоряжение разойтись, оставив лишь своих доверенных, единственно по незнанию, как отнесется к этому хан Джунаид, для чего немедленно командировали к нему нарочного» [86]. Джунаид-хан был не только одним из главных руководителей феодальной усобицы 1916 г., но и турецким и немецким агентом в Хивинском ханстве.

С самого начала событий весьма активную роль в них играли ишаны. «Почти все ишаны (Ходжейлинского бекства. — *Т. Т.*) выехали вместе с нами» [87], — заявил Овез-Ходжа на допросе 20 января 1916 г., будучи арестованным по приказанию начальника Амударьинского отдела. Царские офицеры, участвовавшие в подавлении феодальной усобицы 1916 г., отмечали, что «во всех действиях туркменских скопищ против хивинцев и русского отряда» [88] руководящую роль играл Ишан-хан.

Такую же оценку Ишан-хану дали царские генералы и офицеры на Особом совещании по хивинским делам, состоявшемся в июне 1916 г. в Ташкенте. Итак, активное участие ишанов и других духовных лиц в событиях 1916 г. является их характерной особенностью. Активность их следует поставить в прямую

[84] Сахат Мурадов, На разгром Джунаида,— «За Советский Туркменистан (1917—1920), Воспоминания участников революции и гражданской войны», Ашхабад, 1963, стр. 405.
[85] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 2, д. 546, л. 45.
[86] Там же.
[87] Там же, л. 62.
[88] Там же, л. 28.

связь с антирусской агитацией немецкой и турецкой агентуры, о подрывных и подстрекательских действиях которой до и в ходе хивинских событий 1916 г. говорится в нескольких архивных документах. В этой связи большое значение имеет тот факт, что еще до начала усобицы «письмом турецкого султана» [89] Джунаид был намечен в качестве правителя Хивинского ханства. И наконец, следует отметить, что иностранная агентура и ишаны стремились направить усобицу прежде всего по антирусскому руслу, что также является характерной чертой событий рассматриваемого года. Усобица началась с того, что 14 января 1916 г. многочисленная толпа жителей г. Ходжейли — узбеки и каракалпаки — во главе со своим беком Овез-Ходжой, его братом Махмуд-Ходжой и ишанами двинулась в Хиву с целью свержения с престола Асфендиар-хана и передачи всей полноты власти Джунаиду. В план организаторов похода также входило физическое устранение Асфендиар-хана [90], если бы он не согласился на добровольное отречение от власти.

По пути в Хиву к толпе присоединилась часть узбеков Кипчакского, Мангытского, Шахабадского и Гурленского бекств. На Хиву двигалось около трех тыс. жителей, вооруженных огнестрельным и холодным оружием. Хивинский хан, начальник Амударьинского отдела Колосовский и генерал Полонский, командовавший царскими войсками, расположенными в г. Хиве, не имели достаточной военной силы для борьбы с такой значительной массой, но тем не менее им удалось 19 января арестовать семерых видных руководителей движения во главе с Овез-Ходжой и Махмуд-Ходжой. Тогда на арену выступил один из главных вдохновителей феодальной усобицы 1916 г. — Джунаид, который, имея около трех тыс. всадников, вооруженных немецким оружием, несколько раз в ультимативном порядке требовал от Асфендиар-хана и Колосовского освобождения арестованных узбекских феодалов, угрожая в противном случае разгромом г. Хивы. Но требования его были отклонены, на что Джунаид ответил захватом городов Гурлена, Шахабада, Кята, Ташауза, Ургенча, Ханки, арестовал их беков, насильственно собрал с местных жителей большие контрибуционные деньги, объявил Сейид-Асфендиара свергнутым с престола [91]. 10 февраля Джунаид со своими всадниками двинулся из Ургенча в Хиву, подступил к столице, а в ночь с 12 на 13 февраля с боем ворвался в Хиву. Джунаид захватил дворец хана, казнил трех ханских сановников, в том числе везир-акбара Матвафу Баккалова, и объявил себя правителем ханства [92].

Говоря об этих событиях, военный губернатор Сырдарьинской области Галкин телеграфировал из Хивы в Ташкент: «Хан

[89] Там же, л. 45.
[90] Там же, лл. 43, 45, 47.
[91] Там же, лл. 30, 44, 48—49, 76, 82, 193, 37.
[92] Там же, ф. 2, оп. 2, д. 546, л. 109.

[по] отношению к Джунаиду держался унизительно. Доставленный силою Джунаиду, поклонился последнему, просил сохранить ему жизнь, выдал Джунаиду трех сановников, выплатил значительную сумму за неприкосновенность женской половины дворца, подчинился распоряжениям Джунаида, объявившего себя хивинским ханом»[93].

Усиление феодальной усобицы вынудило генерал-губернатора с согласия министров — военного и иностранных дел — срочно отправить в Хиву военного губернатора Сырдарьинской области Галкина со значительным отрядом царских войск. Джунаид упорно пытался не допустить Галкина в пределы ханства, организовав массированный обстрел русского отряда, прервал телеграфное сообщение с Ургенчем и Петро-Александровском. Но несмотря на это, 15 февраля 1916 г. царскими войсками Хива была очищена от банд Джунаида. Туркмены, находившиеся в этом городе, отступили в степь, а 15 марта Галкин начал карательную экспедицию против туркмен, которая продолжалась до 1 мая[94].

Царские войска с боем освободили захваченные туркменами города, в Ходжейли были повешены семеро из организаторов усобицы во главе с Овез-Ходжой. Говоря о карательной экспедиции Галкина, историк Гаиб Непесов писал: «В течение двух с половиной месяцев, переходя из одного аула в другой, из района в район, генерал Галкин зверствовал, уничтожал все на своем пути. Он обложил ханства новой военной контрибуцией в размере 3500 тыс. руб. Недаром 1916 год местное население называло «Галкин йилы (годом Галкина)»[95].

Джунаид-хан и Ишан-хан с некоторыми своими сподвижниками 17 апреля перешли на персидскую территорию и укрылись там[96]. Хотя царские войска подавили феодальную усобицу, но брожение хивинского населения продолжалось и после 1 мая 1916 г. Отдельные, правда небольшие, отряды туркмен под водительством своих мюхирдаров продолжали грабить земледельческое население страны. Лишь к осени 1916 г. в ханстве установилось спокойствие, хотя начальник Амударьинского отдела в декабре сообщил в Ташкент, что все еще действует один небольшой отряд туркмен, занимающийся грабежом[97]. В усобицах 1912 и 1915 гг. как туркменские, так и узбекские феодалы во главе с ханом выступили единым фронтом, и обе феодальные клики боролись друг против друга за власть, за грабеж трудящихся. В усобице 1916 г. единый фронт феодалов обеих этнических групп был расколот, и в борющихся кликах имелись как

[93] Там же, л. 114.
[94] Там же, лл. 20—30, 153—154.
[95] Г. Непесов, Из истории Хорезмской революции, Ташкент, 1962, стр. 62.
[96] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 2, д. 546, лл. 219—223.
[97] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 397, л. 2.

узбекские, так и туркменские феодалы. События 1912, 1915—1916 гг. были реакционными, антинародными, ничего общего не имеющими с национально-освободительным движением трудящихся.

В ходе событий не было выдвинуто ни одного лозунга в интересах народных масс. Глубочайшее недовольство трудящихся туркмен, узбеков и каракалпаков существовавшим режимом административно-полицейского произвола и беспощадного феодального гнета было использовано феодалами различных этнических групп в узкоклассовых целях борьбы за власть, за господство в стране. Исходя из сказанного выше, никоим образом нельзя согласиться с мнением Гаиб Непесова и А. Садыкова, которые пытаются изобразить феодальные усобицы 1912 и 1915—1916 гг. как национально-освободительное и прогрессивное движение. Г. Непесов, например, в одной из своих работ называет Шамми-Келя руководителем «повстанческой революционной народной массы». В другом месте той же работы о Шамми-Келе и шаммикельцах утверждается: «Шаммикельцы стремились к тому, чтобы установить в стране такую власть, которая обеспечила бы национальное и социальное равенство, защищала бы интересы трудовой народной массы»[98], т. е. шаммикельцы в данном случае изображаются борцами за свободу народных масс. Приведенные слова Г. Непесова в корне противоречат исторической действительности. Шамми-Кель боролся с узбекскими феодалами во главе с Шейх-Назар-беем исключительно в интересах феодалов туркменского рода оку з.

Также вызывает удивление попытка Г. Непесова изобразить события 1916 г. как национально-освободительное движение народных масс. По его мнению, движение этого года «объективно носило освободительный характер, ибо требовало свержения Асфендиар-хана — ставленника русского царя; оно было объективно прогрессивным явлением»[99]. При этом Г. Непесов игнорирует немецко-турецкие происки в Хивинском ханстве, роль иностранной агентуры в организации усобицы 1916 г., фирман турецкого султана о назначении Джунаида хивинским ханом после убийства Асфендиара и т. д.

Хивинские события 1916 г. Г. Непесов изучает в отрыве от международного положения России, Хивы, совершенно не учитывая происходившую войну и борьбу воюющих держав за ослабление позиций друг друга в колониях и зависимых странах. В силу сказанного выше Г. Непесов дает извращенное толкование и глубоко неправильную оценку событиям 1916 г.

По мнению же А. Садыкова, феодальная усобица 1915 г. якобы была антиханским движением трудящихся туркмен, направленным против феодального гнета и административно-полицей-

[98] Г. Непесов, Победа советского строя в Северном Туркменистане (1917—1936), Ашхабад, 1950, стр. 66, 68.
[99] Г. Непесов, Из истории Хорезмской революции, стр. 63.

ского произвола. В целом события 1915—1916 гг. этот автор оценивает как результат влияния русского революционного движения на трудящиеся массы ханства [100], что следует признать серьезной ошибкой, так как усобицы указанных годов по существу были реакцией феодальных кругов ханства на стремление трудящихся избавиться от жесточайшего гнета и беспросветного рабства.

Более того, события 1916 г., например, являются высшим этапом борьбы за власть двух феодальных клик Хивинского ханства, причем Джунаид на этот раз выступал не только как вождь антиханских элементов, но и как агент Турции и Германии. Если Асфендиар-хан был ставленником Николая II, то Джунаид в событиях 1916 г. выступал как агент германского императора Вильгельма II и турецкого султана. Этот факт имеет чрезвычайно важное значение в оценке движения 1916 г., и по существу он сводит на нет мнение об освободительном характере феодальной усобицы.

События 1912, 1915—1916 гг. были типичной феодальной усобицей, борьбой за власть между двумя феодальными кликами Хивинского ханства.

---

[100] А. Садыков, Россия и Хива во второй половине XIX и в начале XX в., М., 1965, стр. 691—737 (рукопись докт. дисс.).

Глава IV

РУССКО-ХИВИНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Состояние сельского хозяйства в ханстве. Превращение Хивы в сырьевую базу русской промышленности

Как известно, согласно Гандимианскому договору правобережные земли Хивы отошли к России, а, следовательно, ханство территориально было урезано и состояло из 20 бекств: Кунграда, Кипчака, Ташауза, Ханки, Ургенча, Хазараспа, Ильялы, Порсу, Гурлена, Хазавата, Питняка, Кош-Купыра, Чуманая, Клыч-Ниаз-бея, Кята, Шахабада, Ходжейли, Куня-Ургенча, Мангыта и Амбар-Манака. Кроме того, в состав ханства входил округ г. Хивы, которым управлял хан.

Говоря о сельском хозяйстве, прежде всего следует отметить, что в Хивинском ханстве, как и в других среднеазиатских ханствах, земледелие было основано главным образом на орошении. Характеризуя значение искусственного орошения в странах Востока, Маркс писал: «Климатические условия и своеобразие поверхности, особенно наличие огромных пространств пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до наиболее возвышенных областей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и ирригационных сооружений основой восточного земледелия» [1].

В Средней Азии неорошенная земля считалась «мертвой», а в искусственное орошение необходимо было вложить большие средства и усилия. В связи с этим ханство играло руководящую роль в проведении оросительных каналов и строительстве водных сооружений, ежегодно мобилизуя для этой цели дехканские массы. От умения правящих кругов государства мобилизовать население на водную повинность во многом зависело состояние земледелия. Маркс писал, что «в азиатских государствах земледелие приходит в упадок при одном правительстве и снова возрождается при каком-нибудь другом. Здесь урожай так же зависит от хорошего или дурного правительства, как в Европе — от хорошей или дурной погоды» [2].

В ханстве проводились ирригационные работы, но они не были интенсивными, а поэтому в результате их было орошено лишь около 6 тыс. десятин пустующих земель. В силу этого до 1920 г.

---

[1] К. Маркс, Британское владычество в Индии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. IX, стр. 132.

[2] Там же, стр. 133.

поля хивинских земледельцев орошались водами, вытекавшими из указанных выше магистральных оросительных каналов. Из каждого магистрального канала вытекали второстепенные, а из последних — третьестепенные и т. д. арыки. Только из одного канала Палван-яб были выведены 27 мелких арыков, которые, в свою очередь, разветвлялись на третьестепенные, и т. д. Каждый земледелец очищал и ремонтировал арык, орошавший его поле. Для очистки же и ремонта магистрального канала, протекавшего через несколько бекств и орошавшего поля их земледельцев, ежегодно мобилизовывались дехкане, которые поочередно отбывали эту повинность сроком по 12 дней в период с 20 марта до конца апреля. Во многих бекствах страны, в особенности в северных районах, с 10 танапов посевной площади на ирригационные работы мобилизовывался один рабочий. По данным дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе Калмыкове, ежегодно весной для указанной цели мобилизовывались до 11 тыс. человек[3]. Каждый дехканин, мобилизованный на работу, должен был «иметь нужные инструменты, содержать себя на свой счет и, кроме того, вносить особый налог, называемый «афаняк-пули», в размере 50 коп. с каждого рабочего (40 коп. из этого сбора предназначались на вознаграждение присматривающего за работающими, а 10 коп. — на его кормление)»[4].

Каракалпаки и казахи, жившие в ханстве, выставляли одного рабочего «с трех кибиток»[5].

Земледелием в Хивинском ханстве занимались и русские подданные, которые брали в аренду землю у ханского правительства или у хивинских феодалов и обрабатывали ее. Русские подданные водную повинность несли так же, как большинство населения ханства, т. е. выставляли одного рабочего с каждых 10 танапов на 12 дней[6].

В период протектората, как и в прошлом, туркмены были освобождены от ирригационной повинности, так как ханское правительство опасалось вызвать недовольство в связи с мобилизацией их на оросительные работы. Взамен водной повинности туркмены платили ханской казне налог в размере 2 тилля (одна малая хивинская тилля = 1 руб. 80 коп.)[7].

Все должностные лица, а равно ходжи, сейиды, нукеры, не говоря уже о сановниках и родственниках хана, были освобождены как от ирригационных работ, так и от всяких других повинностей и от уплаты податей. Их насчитывалось около 15 тыс.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. I, д. 291, лл. 105—118; ф. II С, оп. 3, д. 758, л. 23.

[4] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 774, л. 12.

[5] В. Гиршфельд, Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, Ташкент, 1902—1903, стр. 49.

[6] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 1, д. 115, л. 10.

[7] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 32, д. 412. Журнал особого совещания по хивинским делам от 9—10 июня 1916 г., л. 2.

человек. Такая цифра для маленького государства, каким являлось Хивинское ханство, безусловно, была очень внушительной. Более того, земледельцы, которые отправлялись для отбывания водной повинности, использовались ханским правительством на различных работах лично для хана, его сановников и чиновников[8].

Ежегодная мобилизация дехкан на оросительные работы порождала много забот у хивинской ирригационной администрации (мирабов, аксакалов), вследствие чего эта кампания всегда приобретала общегосударственное значение. Не случайно поэтому в канцелярии хивинского хана, хранящейся в историческом архиве Узбекистана, имеются многочисленные документы[9] в виде списков по мечетным обществам, в которых приводятся имена отправлявшихся или подлежащих к отправке лиц для чистки и ремонта оросительных каналов. Система водоснабжения земледельцов имела колоссальное значение в экономической жизни ханства.

Переходя к вопросу о землевладении, необходимо отметить, что к России отошли лежавшие на правобережье Амударьи земли, принадлежавшие государству, сановникам, родственникам хана, а также вакуфным учреждениям левобережья. Но все они были компенсированы за счет обработанных земель левобережья, что в конечном счете вело к ухудшению положения дехканства.

В августе 1910 г. туркестанский генерал-губернатор Самсонов созвал совещание для обсуждения вопроса о реформах в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате. На совещании было отмечено, что в Хивинском ханстве примерно треть плодородной и орошенной земли принадлежит хану, его сановникам, чиновникам, светским и духовным феодалам.

Крупнейшим землевладельцем был хивинский хан. Только около своего дворца Тазабаг к ноябрю 1913 г. он имел собственную землю стоимостью 70 тыс. малых тилля, т. е. 126 тыс. руб.[10]. Исходя из данной стоимости ясно, что ханская земля около указанного дворца составляла свыше 4452 десятин. Разумеется, хан имел собственные земли и в других местах страны.

Старший брат хана Сейид-Аскар-тюря имел 96 танапов земли по арыку Шамурат, в местности Ангарык — 50, в Рапанаке — 10, в Наимане — 30, в Ак-Куме — 1939, в Хтай — 400, Кизыл-Чале — 1400, в Иомуде-Агачли — 1900, Акдарбанде — 700, Куня-Ургенче — 400, Карадашли — 1000, итого — 7925 танапов[11].

Хивинский хан жаловал много плодородных земель своим сановникам и чиновникам, освобождая их от податей. Только «в

[8] ЦГИА УзССР, ф. 2, д. 291, л. 117; ЦГИА УзССР, ф. 11 С, оп. 3, д. 774, л. 12.

[9] ЦГИА УзССР, ф. 125, канцелярия хивинского хана, оп. 1, дела 442—470 и многие другие.

[10] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, л. 132; там же, д. 343, л. 5.

[11] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 348, л. 18.

80 годах XIX в. свыше 1800 мюлькдаров получили ярлыки на освобождение от податей», среди которых были и духовные лица — сейиды, ходжи и др. В дальнейшем еще свыше 4 тыс. духовных лиц было освобождено от податей. Земельные пожалования сановникам, чиновникам и духовным лицам продолжались и в начале XX в.

На упомянутом выше совещании, например, участники его потребовали «рекомендовать хану прекратить раздачу ханских земель большими площадями разным лицам и притом с освобождением от налогов»[12]. Само собой разумеется, что пожалование земель сопровождалось обезземеливанием непосредственных производителей — дехкан.

В начале XX в. в связи с развитием в ханстве товарно-денежных отношений купля-продажа земли приобрела массовый характер, вследствие чего и процесс дифференциации хивинского кишлака стал происходить более заметными темпами. В кишлаке вырастали, с одной стороны, кулаки-баи, путем различных махинаций концентрировавшие в своих руках большие земельные площади, а с другой — малоземельные и безземельные (беватанли, в буквальном смысле — безродные) дехкане. Дифференциации хивинского кишлака в заметной степени способствовали также русские предприниматели и спекулянты, покупавшие или арендовавшие у хивинского правительства государственные земли (замини-падшалык).

В декабре 1915 г. туркестанский генерал-губернатор писал министру иностранных дел, что в Хиве русские предприниматели и спекулянты приобретают в аренду или покупают обширные земельные площади[13]. Все это способствовало обнищанию и разорению дехкан.

В Хивинском ханстве особенно хищнически действовали ростовщики, скупая дехканскую землю за бесценок или конфискуя ее на основе судебного решения казия (судьи) за взятые в долг деньги, которые они под большие проценты давали нуждающимся в них сельским производителям.

Культурные земли Хивинского ханства можно разделить на две категории: на «казенные государственные земли (замини-падшалык), находившиеся в потомственной аренде у населения»[14], и на мульковые, т. е. частновладельческие. Условно к последней категории можно отнести и туркменские земли. Земли первой категории находились в северных районах страны, где были расположены бекства: Амбар-Манак, Ташауз, Ильялы, Клыч-Нияз-бей, Мангыт, Куня-Ургенч и Кипчак. В этих бекствах земледельцы в основной своей массе имели наделы по 10 танапов каждый, за эту землю они платили государству дахъяк (налог) 4 малых тилля и 2 теньги (7 руб. 60 коп.); те же, кто

[12] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, л. 133.
[13] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 389, лл. 4—5.
[14] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 791, л. 65.

имел от 1 до 5 танапов, вносили 2 тилля и одну теньгу (3 руб. 80 коп.), а свыше этого — по расчету с каждого танапа[15].

Из земель второй категории вначале рассмотрим «атлычные», принадлежавшие туркменам. До 1873 г., как было сказано, туркмены за пользование казенными землями выставляли на ханскую службу воинов-нукеров. По принятому тогда положению, они с площади посевной земли от 30 до 50 танапов выставляли одного нукера, который снаряжался и содержался главным образом населением, а от ханского правительства получал очень незначительное жалованье. Но после 1873 г. всякая надобность в туркменских нукерах исчезла. Поэтому в 1875 г. по настоянию начальника Амударьинского отдела бывшие атлычные земли туркмен, за которые они не платили никаких податей, Мухаммед-Рахим-хан обложил поземельной податью. За один танап культурной земли, таким образом, они обязаны были платить по 72 коп.

К 1903 г. туркмены имели «всего атлыков 2372». Говоря о числе атлыков по отдельным туркменским родам, о размерах уплачиваемой ими подати, мы пользуемся данными, которые были собраны чиновником генерал-губернатора капитаном Ломакиным во время его пребывания в Хивинском ханстве в 1903 г.[16], куда он был командирован в связи с распрей между ханским правительством и колли-иомудами. По его данным, туркменские земли располагались в следующих районах. Иомудские земли начинались от кишлака Тохта (он же Тохтабазар) и тянулись по арыку Хазават, где иомуды производили массовые запашки. В Хазаватском бекстве они имели 975 атлыков и «вносили ханской казне 12 тиллей (21 руб. 60 коп.) в год с каждого атлыка». По словам капитана Ломакина, иомудское «население было совершенно довольно податною системой, введенной у них, с их же согласия, вслед за покорением Хивы русскими».

Туркмены родов карадашлы и имрали жили в Ильялинском бекстве. Первый род занимал «земли в количестве 250 атлыков на восток от Ильялы к Ташаузу, а второй обитал в северо-западной части бекства, имея в своем распоряжении 400 атлыков земли».

В местечке Ак-тепе, где протекал арык Шамурат, культурные земли принадлежали наследнику Асфендиар-тюре. Около 500 танапов из этих земель наследник отдавал в аренду иомудам, карадашлинцам и имралинцам. Кроме арендуемых иомуды здесь имели собственные земли в размере 150 атлыков. Арендаторы в пользу наследника платили подать «от $^1/_{10}$ части урожая до $^1/_4$, в зависимости от качества земли и частного условия, заключенного ими с управляющим землями наследника».

Между Ак-тепе и Куня-Ургенчем земли считались казенными. Эти земли орошались двумя арыками — «Шамурат и Онку-

[15] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, лл. 105—118.
[16] ЦГИА УзССР, ф. 1, С/2, оп. 1, д. 168, лл. 22—31.

лач, вытекающими из Дарьялыка. Казенные земли этого района хивинцы называли кырккызскими, которые были одним из самых плодороднейших в хивинском оазисе». Земли эти засевались «на карендном (дахъячном) праве исключительно только безземельными и малоземельными туркменами колли и кубадаглы». В связи с недостаточным притоком арычной воды кырккызские земли к 1898 г. стали непригодными для земледелия. В результате начались неурожаи, колли-иомуды разорились и отказались платить государственные подати. Началась распря между ними и ханским правительством, окончившаяся лишь к лету 1905 г.

Колли-иомуды когда-то имели около 400 атлыков земли в Хан-ябе, но вследствие недостатка воды они отказались от своих земель, и к моменту пребывания там Ломакина они имели всего лишь 7 атлыков. Колли-иомуды и кубадаглы вносили в казну «дахъяк или каренду за арендуемые ими казенные земли (падшалык) в размере от $^1/_{10}$ до $^1/_4$ части урожая».

Около Порсу земледелием занимались туркмены рода чоудор, которые, по мнению капитана Ломакина, представляли «из себя народ трудолюбивый... никаких недоразумений ни с соседними туркменами, ни с узбекским населением у них не бывает... Подати уплачивают на общем с другими хивинскими туркменами основании, т. е. по 10 тиллей с атлыка и, кроме того, по 2 тилля с атлыка же на ирригационные надобности». Они имели всего 400 атлыков и «размер подати обременительным для себя не находили».

Выше нами было указано, что кубадагские туркмены арендовали казенные земли и в Кырк-кызах. В основном они жили в Мангытском бекстве, откуда на лето половина кубадагцев уходила в район Кырк-кыза. Ломакин подчеркивал, что перекочевки их «повторяются из года в год: среди кубадагских туркмен Мангытского бекства трудно найти семью, которая не выделяла бы из своей среды на лето одного или двух родственников, которые производили посевы на казенных землях».

При беседе Ломакина с их представителями последние ему объяснили такие переходы тем, что, мол, земли эти прельщают их своей плодородностью и что «даже при существующем условии уплаты за пользование этими землями $^1/_5$ части урожая в фонд казны (каренда-дахъяк) они получают с них в общем больший сбор, чем со своих собственных земель».

Осенью же, по прекращении полевых работ, большинство кубадагцев возвращалось к себе в Мангытское бекство, а на Кырк-кызах оставалось небольшое количество семей. Кубадагцы в Мангытском бекстве имели «130 атлыков и, кроме того, 60 атлыков на Кырк-кызе». Затем они в этом же бекстве брали в аренду земли у родственников хана Баба-тюри, причем «засевающие эти земли кубадагские иомуды получали семена для посева; за пользование же землею и водою уплачивали $^2/_5$ части сбора.

Наконец, они же арендовали вакуфные земли с уплатой одного батмана (батман = 16—18 *кг*) пшеницы с каждого засеянного танапа». Таким образом, туркменские земли располагались «по замкнутой кривой, представляющей из себя подобие эллипса, внутри которого находились поселения других оседлых народностей ханства».

Говоря о туркменских землях, следует отметить, что причисление их нами ко второй категории земель, т. е. к частновладельческим, условно. Они обрабатывали немалое количество и таких земель, которые были казенными, т. е. падшалычными. Однако следует особо отметить, что атлычные земли, составляли «подавляющую часть земель, полученных туркменами в Хивинском ханстве» [17].

Мульковые земли при платеже податей делились на разряды: ярлыкли-мульк и атаи-мульк. Земли ярлыкли-мульк, т. е. казенные земли, на которые ханом выданы документы (ярлыки) на право владения; в этих документах говорилось, что хан продал землю такому-то за такую-то сумму. В действительности деньги за нее не платили. Эти земли находились в тех же бекствах, где были расположены земли первой категории. Земли ярлыкли-мульк облагались определенным равномерным салгытом по 2 тилля за каждые 5 танапов, т. е. по 72 коп. за танап.

Не имеющий ярлыка земледелец мог обратиться к хану с просьбой о его выдаче, но так как получение ярлыка было сопряжено с долгими хлопотами и расходом, то некоторые земледельцы просто записывались в податные списки и, считаясь простыми мулькдарами (мулькдар — владелец мулька), платили подать в том же размере, как и ярлыкли-мулькдары [18].

Атаи-мульки (ада-и мульк) возникли в начале XIX в., после того, как владельцы этих земель, платившие такой же салгыт, какой платился за земли ярлыкли-мульк, обремененные податными тяготами, просили хана уменьшить размер податей. Хан проявил внимание к их просьбам и удовлетворил их (откуда их название ада-и мульк, т. е. удовлетворение земли). После переписи все атаи-мулькдары были разделены на три разряда (высшие, средние, низшие в смысле подати) «не по величине землевладения, а по общему благосостоянию» [19]. Высшей денежной податью облагались «землевладельцы разряда а'ла, платившие в год 6 тилля (10 руб. 80 коп.), следующий за ним разряд — аусат платил 4 тилля (7 руб. 20 коп.), и, наконец, меньшую подать платили землевладельцы разряда адина — 2 тилля (3 руб. 60 коп.)» [20].

Владелец одной из этих категорий земель кроме умеренной подати еще пользовался тем преимуществом, что «принадлеж-

[17] Ю. Э. Брегель, Хорезмские туркмены в XIX в., стр. 111.
[18] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 791, л. 64.
[19] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 774, л. 11.
[20] Там же.

ность к той или иной категории переходила потомственно от отца к сыну». Однако списки атаи-мулькдаров проверялись «через каждые 20 лет», причем была возможность «перевода из одного разряда в другой» и наоборот.

Их перепись была произведена в 1886 и 1906 гг. Проживающие среди атаи-мулькдаров лица, не имеющие земли, «платили подать по своему благосостоянию наравне с атаи-мулькдарами по трем разрядам, но, как безземельные, не несли богарных и абхурных повинностей»[21]. Земли атаи-мульк располагались в восточной части ханства в округах городов Питняк, Хазарасп, Хива, Хазават, Кош-Купыр, Новый Ургенч, Шахабад, Кят, Гурлен, Ходжейли и Кунград[22].

Вакуфные земли, принадлежавшие духовным учреждениям, были самыми плодородными в ханстве. В нем насчитывалось 25 500 духовных лиц (ишанов, ахунов, мулл и пр.), 1272 религиозные организации, объединявшие 2478 духовных лиц и 1395 учеников и державшие в виде вакуфов 471 тыс. танапов земли, в том числе годных к посеву 178 тыс. танапов. Обычно вакуфные земли сдавались в аренду либо русским, либо хивинским подданным. По словам хивинского хана Мухаммед-Рахима, арендатор вакуфных земель за каждый танап обязан был платить $1^1/_2$ хивинского батмана хлеба в пользу вакуфного учреждения. Кроме того, за каждый десятый танап земли он вносил в государственную казну поземельную подать (салгыт) в размере 4 тилля (7 руб. 20 коп.) Таким образом, положение арендатора вакуфной земли, платившего двойную подать, было очень тяжелым.

Приведенный выше податной оклад относится к 90-м годам XIX в. Асфендиар-хан в августе 1910 г. в манифесте, изданном по случаю вступления на престол, торжественно обещал сократить налоги с населения. Он писал: «...с владельцев земель взыскиваются подати по древним устаревшим окладам, каковые оклады несправедливы и крайне обременительны для народа; поэтому мы находим необходимым установить новые правила... и обложить податями справедливо, сообразно количеству владеемой земли»[23].

Однако и этот раздел ханского манифеста, как и другие его пункты, оказался пустым звуком, ибо на деле в 1910 г. налоги были не сокращены, а на все три разряда атаи-мульковых, например, земель они возросли на 2 теньги, или на 40 коп. На падшалычные земли, а также на плательщиков, считавшихся безземельными, наблюдается такое же повышение и в таком же размере, как на атаи-мульк. Атлычные подати туркмен были сохранены по-прежнему. Они вносили 10 тилля на атлык как по-

[21] В. Гиршфельд, Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, стр. 36—37.
[22] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 791, л. 64.
[23] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, лл. 152—153.

земельный налог и 2 тилля за освобождение их от ирригационных повинностей. Земли ханов и других феодалов обрабатывали крестьяне-издольщики. Это были малоземельные и безземельные дехкане. В конце XIX в. в Хивинском бекстве в 47 мечетных обществах, например, безземельные составляли 31% общего числа дехкан, в 154 мечетных обществах Ново-Ургенчского бекства безземельных было 15%[24]. В начале XX в. по мере развития в ханстве товарно-денежных отношений усилился процесс купли-продажи земли, вследствие чего число безземельных дехкан с каждым годом росло. Они были вынуждены идти в кабалу к феодалу, баю и духовным лицам, арендуя у них землю.

Условия аренды были различны. Некоторые дехкане имели свой рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь и в аренду брали лишь землю. Такой арендатор в Хиве назывался «ярымчи»; за аренду земли он отдавал землевладельцу половину урожая. Немало было дехкан, не имевших ни земли, ни скота, ни сельскохозяйственного инвентаря. Часть их обычно работала чайрикерами, отдавая землевладельцу больше половины урожая, а другая часть — батраками, работая за незначительное денежное вознаграждение. Таким образом, условия аренды в Хивинском ханстве были очень тяжелыми.

В сельском хозяйстве Хивинского ханства, кроме труда дехканина-издольщика, применялся и труд мардикеров (поденщиков) из числа безземельных дехкан. Но мардикеров брали главным образом в период уборки урожая, труд их имел ограниченную сферу приложения. Поэтому одной из важнейших форм сельскохозяйственного производства в дореволюционной Хиве была издольная аренда.

К 1917 г. классовые отношения в сельском хозяйстве Хивинского ханства характеризовались преобладанием феодальных отношений и начавшимся процессом проникновения капиталистических элементов.

Своеобразие экономического положения Хивы состояло в том, что при господстве колониального режима, консервировавшего феодализм, капиталистические элементы в кишлаке не могли вытеснить феодальных отношений, а тесно переплетались с ними.

Земледелием занималось не только оседлое, но и отчасти кочевое и полукочевое население. Особенно хорошими земледельцами были узбеки. Хивинцы сеяли пшеницу, кукурузу, просо, рис, маш, лобби, ячмень, кунжут, лен, хлопок, коноплю, марену и др.[25]. Разумеется, все эти культуры повсеместно не засевались: некоторые бекства были специализированы на выращивании зерновых культур, некоторые — технических, а некоторые — той и другой.

[24] «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 151.
[25] О. Шкапский, Как хивинцы ведут полевое хозяйство на своих безводных землях, М., 1900, стр. 30.

В отношении географического распределения засеваемых культур земли ханства можно разделить на две части: северную и южную. На юге, где проживало около 60% населения страны и находилось примерно 90% орошаемой земли, велась правильная интенсивная «полевая культура с применением удобрения; лишь в западном и северо-западном углах ее, в пределах туркменского полукочевого населения, не наблюдалось такой правильности в полевой культуре, и сплошь и рядом здесь велось переложное хозяйство». В противоположность этому в северной части ханства, «хотя хозяйство велось интенсивно, но правильного севооборота не применялось, удобрения полей не существовало». По мере движения на север в основном культивировался ячмень, горох, рис, лен, кунжут, а с 1901 г. там стали «засевать много люцерны на семена»[26] и пшеницы.

Что же касается юга, то здесь в основном сеяли хлопок и хлебные культуры, урожай последних был обильным. В конце XIX в. зерном Хивинского ханства и Амударьинского отдела питались кочевники правобережья Амударьи, несколько волостей казалинских казахов и четыре волости адаевских казахов, которые обычно прикочевывали на зимовки из оренбургских степей на берега Аральского моря и к Кунграду.

Из зерновых культур пшеницу и ячмень выращивали главным образом узбеки, просо — туркмены и каракалпаки, а из технических культур — коноплю — преимущественно туркмены-иомуды[27].

Оседлые жители, в особенности узбекское население, успешно занимались также садоводством и огородничеством. Сады жителям нужны были для посадки строевого леса, как-то: тополя и карамана, почти отсутствовавших в ханстве. Кроме того, в них росли фруктовые деревья, дававшие персики, вишни, сливы, яблоки, груши, абрикосы, урюк, айву, а также возделывался виноград очень высокого качества. Из огородных культур хивинцы выращивали капусту, картофель, дыни нескольких сортов, арбузы, тыквы. Особенно хороши были дыни. «Еще в 1890 годах,— писал Сусанин,— я встречал большие караваны верблюдов, на которых французы отправляли в Оренбург через Уст-Юрт вяленую, разрезанную на куски хивинскую дыню для отправки во Францию, и французы говорили мне, что самый лучший коньяк, который мы в России получаем, приготовляется из этих дынь»[28]. Земледелие, садоводство и огородничество были основным занятием оседлого населения ханства.

Подобно Амударьинскому отделу, северная часть ханства была занята кочевниками. Для их кочевания были отведены казенные земли в Чуманаевском, Кунградском, Куня-Ургенчском

[26] «Туркестанские ведомости», 30.X.1909.

[27] Л. Костенко, Хивинское ханство в сельскохозяйственном отношении,— «Военный сборник», 1874, т. 96, № 4, стр. 381.

[28] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, л. 93.

и Ходжейлинском бекствах. Кочевниками были казахи и каракалпаки и отчасти туркмены.

До 90-х годов кочевники уплачивали подати за обрабатываемые ими земли: дахъяк в размере $^2/_5$ урожая и зякет за имеющийся у них скот в размере $^1/_{40}$ его части, что давало простор для поборов сборщикам зякета. Поэтому кочевники обратились к хану с просьбой о замене этого сбора другим, более определенным, которая и была удовлетворена Мухаммед-Рахимом. Вместо зякета жители северной части ханства были обложены кибиточной податью в размере 4 руб. с кибитки. Общая сумма кибиточной подати начислялась на весь род сроком на три года, а затем хан прибавлял к общей сумме еще 5%, полагая, что за этот промежуток времени на каждые 20 кибиток прибавится еще одна. Стало быть, учет кибитковладельцев, производившийся через каждые три года в Амударьинском отделе, в Хиве не практиковался. Кибиточная подать к 1910 г. была увеличена на 20 коп. (4 руб. 20 коп.).

Основным занятием кочевников было скотоводство. В дельте Амударьи каракалпаки и казахи разводили лошадей и крупный рогатый скот. Туркменские, казахские и каракалпакские лошади (их называли «кунград») славились по всей Средней Азии; в 90-х годах XIX в. на них был большой спрос на базарах Ташкента, Самарканда, Ферганы. Хивинские туркмены в большом количестве разводили также верблюдов и коз[29]. По своему экономическому значению скотоводство занимало второе место после земледелия; часть продукции этих двух отраслей сельского хозяйства шла на экспорт.

Однако как земледелие, так и скотоводство велись на основе патриархально-феодальных производственных отношений и чрезвычайно низкой производственной техники. Отсюда как земледелие, так и скотоводство были малопроизводительными, давали очень незначительную продукцию.

Переходя к рассмотрению вопроса о превращении Хивинского ханства в сырьевую базу русской промышленности, следует сказать, что этот процесс начался вследствие усиленного проникновения в ханство русского капитала после проведения в 80 годах XIX в. Закаспийской железной дороги, которая, по словам В. И. Ленина, открыла для русского «капитала Среднюю Азию»[30]. Хотя эта дорога не коснулась непосредственно Хивинского ханства, но тем не менее она способствовала усилению торговых связей Хивы с Россией, а также созданию Амударьинской флотилии.

В. И. Ленин в своей замечательной работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», определяя сущность империализма, указывал, что одним из его признаков является «вывоз

[29] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, лл. 94, 117.

[30] В. И. Ленин, Уроки кризиса,— Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 82.

капитала, в отличие от вывоза товаров»[31]. Это ленинское положение подтверждается и на примере России, с переходом которой в стадию империализма вывоз русского капитала в Среднюю Азию приобрел важное значение.

К 1914 г. в Хивинском ханстве функционировали агенты следующих российских банков: Русско-азиатского, Сибирского торгового, Московского учетного, Азовско-донского коммерческого[32]. В ханстве вели коммерческую деятельность представители и других русских банков.

Банки субсидировали предпринимателей, торговые и промышленные фирмы занимались скупкой сырья и готовых изделий и весьма активно вмешивались в хлопководство ханства, стремясь как можно больше расширить посевы этой ценной культуры. Банки щедро финансировали местных торговцев. Ново-Ургенчское отделение Русско-азиатского банка, например, субсидировало 120 представителей местной знати (бр. Баккаловых, шейха Назар-бека, Хусейн-бека и многих других)[33]. Банки оказывали решающее влияние на русско-хивинскую торговлю; к 1914 г. они держали в своих руках почти весь ввоз и вывоз товаров.

Кроме банковского капитала в Хивинском ханстве функционировали русские торговые фирмы, а также русские конторы по транспортировке товаров. В 1912 г., например, в Хиве находились агенты 33 крупных и 156 средних торговых фирм и, кроме того, проживали 293 служащих банков, транспортных и текстильных фирм[34]. К числу крупных торговых обществ и товариществ, действовавших в Хивинском ханстве, относились: Среднеазиатское торгово-промышленное товарищество Н. Кудрина и К⁰, Общество торгового дома братьев Крафт, «Кавказ и Меркурий», «Нобель», «Хива», Московское акционерное общество Эмиля Цинделя, Большая Ярославская мануфактура, Общество торгового дома братьев Вадъяевых и многие др.

Торговые общества и товарищества, а также транспортные конторы находились в полном подчинении у банковского капитала. Главным полем деятельности филиалов банков и торговых обществ (товариществ) было хлопководство. Они выдавали бунак (задаток) дехканам для стимулирования расширения посевов и сбора хлопка, скупали хлопок и вывозили его из ханства в Россию.

В эпоху империализма русский капитал занял господствующее положение в хивинской экономике. В этой связи в развитии экономики ханства можно проследить два этапа: первый — с конца 70-х до 90-х годов XIX в., когда в народном хозяйстве

[31] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 386.
[32] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 27, д. 425, лл. 11—12; ф. 29, оп. 1, д. 75, л. 71; д. 316, л. 74.
[33] ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 1, д. 476, лл. 30—62.
[34] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 314, л. 70.

России господствовал промышленный капитал. Вместе с тем этот отрезок времени в метрополии характеризовался буржуазными преобразованиями и ломкой старых крепостнических отношений. Второй этап — с 90-х годов до 1917 г., который характеризовался господством в метрополии финансового капитала.

На первом этапе Хива была в основном рынком сбыта промышленных изделий России, которые, между прочим, из-за отсутствия железнодорожного сообщения тогда ввозились в ханство в ограниченном количестве. Хивинцы сеяли главным образом продовольственные культуры; посевы хлопка народнохозяйственного значения не имели. Специализация сельского хозяйства отсутствовала. Только к концу первого этапа, когда появились элементы товарного хозяйства, начинает складываться единый хивинский рынок. «Внутренний рынок, — писал В. И. Ленин, — появляется, когда появляется товарное хозяйство; он создается развитием этого товарного хозяйства, и степень дробности общественного разделения труда определяет высоту его развития»[35]. К концу первого этапа Хива начинает втягиваться в общетуркменский и общероссийский рынки, а через них в мировой рынок. Таковы характерные особенности первого этапа экономического состояния ханства.

На втором этапе происходит специализация хивинского сельского хозяйства на производстве хлопка, люцерны, шелка и каракуля. В этой специализации решающую роль сыграл русский капитал, который вкладывался в значительном количестве в хивинское сельское хозяйство. Финансирование дехкан русскими торговыми обществами и банками производилось следующим образом. Русские торговые общества, находившиеся в Хиве, финансировались банками. Затем торговые общества и товарищества выдавали эти деньги в виде ссуд из расчета 8—10 ростовщических процентов в год местным (хивинским) комиссионерам (тарозудорам — буквально весовщикам). Без местных комиссионеров русские фирмы хлопок не покупали. Тарозудоры распределяли деньги между более мелкими скупщиками, которые скупали хлопок у дехкан, закабаляя их с помощью ростовщических ссуд и бесчисленных приемов обмана и обвешивания.

Бунак обычно выдавался весной под расписку, заверенную казием, под залог земли и имущества. Он иногда выдавался мануфактурой, чаем, мылом и т. д. Согласно принятому в Хивинском ханстве положению, дехканин должен был отдавать свой хлопок тому комиссионеру, от которого получал задаток. Выдача бунака обычно сопровождалась конкурентной борьбой между отдельными русскими торговыми обществами и товариществами, а также между частными лицами. Дело в том, что каждая фирма (или каждое частное лицо) стремилась как мож-

[35] В. И. Ленин, Развитие капитализма в России,— Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 60.

но больше выдать дехканам-хлопкоробам в задаток денег и тем самым обеспечить себя максимальным количеством хлопка будущего урожая [36].

Переходя к непосредственному рассмотрению процесса развития хлопководства, следует сказать, что в Хивинском ханстве до 90-х годов XIX в. засевался только местный хлопок (гуза) невысокого качества. Между тем царское правительство и русские предприниматели были очень заинтересованы в распространении в Средней Азии, в том числе и в Хивинском ханстве, посевов американского хлопка. Поэтому в 1887 г. семена американского хлопчатника были ввезены в ханство агентами русских предпринимателей и проданы дехканам. Однако посевы американского хлопчатника внедрялись очень медленно. «Американский хлопок, — писал царский чиновник, — не популярен между туземцами потому, что уход за ним труднее, чем за местным, и необходимо иметь постоянных рабочих на время цветения, следовательно, дороже стоит обработка» [37].

Эту же мысль высказывал О. Шкапский. Он писал: «...в Хивинском ханстве, да и у нас в Амударьинском отделе, не разводится американский хлопок, потому что хивинский хлопок хотя немного дешевле хлопка из американских семян, но зато выносливее» [38].

Доходность американского хлопка по сравнению с местным хивинцы вполне себе уяснили только к 1900 г., поэтому уже к 1905 г. половина хивинских хлопковых полей была занята американским хлопчатником.

После 1905 г. американский хлопчатник постепенно стал вытеснять местную гузу, так как русские торговые общества и товарищества, выдавая весной каждого года в задаток деньги, обязывали дехкан сеять хлопок только высокого качества. В начале XX в. посевы хлопка несколько расширились, и накануне первой мировой войны под хлопчатником было 16,3% поливных земель ханства. Центрами хивинского хлопководства становятся: Амбар-Манак (24,3% от всех посевов), Кош-Купыр (21,1%), Ханка (20%), Гурлен (19%), Беш-Арык (17,4%), Новый Ургенч (15,7%) [39].

О расширении посевов хлопчатника свидетельствуют следующие данные: если из Хивы в Россию было вывезено хлопка в 1893 г. 300 тыс. пудов, то в 1909 г. вывоз достиг 600 тыс. пудов, в 1910 г. — 700 тыс. пудов и в 1913 г. — 735 тыс. пудов американского и 100 тыс. пудов местных сортов [40].

---

[36] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 166, л. 16.

[37] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 758, л. 2.

[38] О. Шкапский, Как хивинцы ведут полевое хозяйство на своих безводных землях, стр. 30.

[39] «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 324.

[40] «Туркестанские ведомости», 31.X.1909; ЦГИА УзССР, ф. 630, оп. 6, д. 382, л. 53.

В предвоенные годы хивинские дехкане в основном сеяли американский хлопчатник. Расширение посевов хлопчатника шло за счет сокращения посева зерновых культур. Поэтому если раньше хивинцы вывозили зерно в казахские степи, то после 1905 г. они стали ввозить его из Бухары.

В годы первой империалистической войны потребность русской текстильной промышленности в хлопке возросла, ибо ввоз его из-за границы резко сократился. Русские промышленники стали искать выход из положения в расширении посевов американского хлопчатника в Средней Азии. С этой целью по настоянию царских властей в Хивинском ханстве был проведен ряд мероприятий, в частности из Ферганской долины были ввезены и проданы дехканам семена американского хлопчатника. Благодаря этому 1915—1916 годы оказались самыми урожайными в истории дореволюционного хивинского хлопководства.

Приведенные данные свидетельствуют о некоторой специализации хивинского сельского хозяйства на производстве хлопка и о превращении Хивы в сырьевую базу для русской хлопчатобумажной промышленности. Однако в связи с недостатком продовольствия хивинцы с 1916 г. резко сократили посевы хлопчатника и в той же пропорции расширили посевы зерновых культур.

Под сильным воздействием русского капитала в начале XX в. хивинское сельское хозяйство также специализировалось на производстве шелка. В 1909—1910 гг. средний сбор коконов составил 10 тыс. пудов. В вывозе в Россию хивинский шелк занял заметное место.

Под давлением русского капитала хивинский кишлак также увеличил производство люцерны. Эту культуру выращивали не только хивинские узбеки, но в значительном количестве и туркмены, так как последние даже в начале XX в. очень мало занимались хлопководством, садоводством и огородничеством. О том, какими быстрыми темпами расширялся посев люцерны, свидетельствуют следующие данные. Если в 1899 г. из ханства было экспортировано 28 500 пудов люцерны, то в 1903 г. — 109 600 пудов, в 1905 г.— 625 100 пудов, в 1906 г.— 739 700 пудов. После 1910 г. в производство люцерны в ханстве стали активно вмешиваться Русско-азиатский банк и Торговый дом Ризаева, которые финансировали дехкан, выращивающих эту культуру, и вывозили часть ее в Россию.

Однако значительную часть хивинской люцерны, т. е. около 300 тыс. — 400 тыс. пудов ежегодно, агенты Русско-азиатского банка вывозили в Гамбург, где ее сбывали немецким купцам.

В ходе войны 1914—1918 гг. вывоз люцерны в Гамбург был прекращен. Тогда в Ургенче было образовано торговое общество, представитель которого ездил в Данию для переговоров с представителями гамбургских купцов. Вернувшись оттуда, он вместе со своими компаньонами занялся усиленной закупкой

люцерны в ханстве и отправкой ее в США через Владивосток. В США покупателями некоторой части люцерны были те же гамбургские купцы[41]. Таким образом, хивинская люцерна шла не только на внутренние потребности ханства, но большая часть ее вывозилась в Россию, Германию и США. Только в 1914 г. из ханства было вывезено люцерны на 2 млн. руб.[42].

Говоря о специализации хивинского сельского хозяйства, следует остановиться на каракулевом овцеводстве. Каракулевых и курдючных овец разводили в южной части ханства главным образом туркмены.

* * *

В хивинском сельском хозяйстве в конце XIX — начале XX в. в результате определенной специализации сельского хозяйства увеличивалась его товарность; некоторое развитие получали товарно-денежные отношения.

Однако более успешному развитию хивинского сельского хозяйства сильно мешали остатки средневековья — налоги и патриархальный способ их взимания; система «кормления» чиновников, существовавшая до 1910 г.; нещадная эксплуатация непосредственных производителей — дехкан духовными и светскими феодалами, а также феодальным государством; крайне низкая агротехника обработки земли; эксплуататорская деятельность ростовщиков, которые сковывали развитие производительных сил.

Большой урон сельскому хозяйству ханства и материальному благосостоянию населения наносила также феодальная борьба между ханским правительством и туркменскими феодалами.

Строительство промышленных предприятий колониального типа

В конце XIX — начале XX в. в Хивинском ханстве было достаточно развито городское ремесло. Особенно заметными темпами продолжало развиваться домашнее ремесло. Например, в хозяйствах туркмен, каракалпаков и казахов, живших в бекствах Ильялы, Порсу, Хазават, Мангыт и др., изготовлялись ковры, паласы, кошмы, одежда и обувь. «Ковры делаются во всем ханстве, и особенно много приготовляется в больших туркменских родах иомудов, чоудор, ата-туркмен, и мелкие роды туркмен также все занимаются ковровым производством. Вообще все ковры отличной стрижки и красок и довольно ценны. Промысел этот дает огромные заработки населению...

Очень ценны также особые сорта кошмы (кетемет)... Кошмы эти в большом количестве делают туркмены, немного узбеки и

[41] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 290, л. 57.
[42] Там же.

каракалпаки»[43]. В ханстве имелось также значительное число кунчи (кожевники); кожевенное производство было развито в Хиве, Ходжейли, Новом Ургенче, Ханке, Кунграде, Ильялы.

В сельских местностях распространенными профессиями были темурчи (кузнецы), этукчи (сапожники), буякчи (красильщики), арбакеш-уста, позачи, элакчи и др.

В Хазараспском бекстве, например, в мечетном обществе Кунчибиватан 17 хозяйств, а в мечетном обществе Кавунчи 9 хозяйств занимались разными ремеслами. Ремесленным делом занимались и в других бекствах. Сельские ремесленники выделывали различный домашний инвентарь и вещи, необходимые для хозяйства и семьи (лопаты, кетмени, топоры, обувь и т. д.). Однако они не были объединены в цеховые корпорации и этим отличались от городских ремесленников.

Городское ремесленное производство, в частности гончарное и ювелирное, а также ткачество, были значительно развиты в Хиве, Кунграде, Хазараспе, Новом Ургенче, Ханках и других городах. Ремесленное производство конца XIX — начала XX в., однако, продолжало сохранять традиции средневековья как по характеру производственных отношений, так и по технике производства. Но в то же время в недрах патриархально-феодального хивинского общества под сильным воздействием русского капитала зарождались капиталистические отношения. Крупными русскими торгово-промышленными акционерными обществами и отделениями коммерческих банков в некоторых городах ханства были построены предприятия колониального типа по переработке продуктов сельского хозяйства.

К 1914 г. хлопкоочистительных заводов насчитывалось 63, из которых 50 были мелкими, с керосиновыми двигателями, а 13 крупными, расположенными: в Новом Ургенче — 5[44], Гурлене — 2, Хиве, Мангыте и Ханках — по одному, Ташаузе — 3. Из крупных хлопкоочистительных заводов пять принадлежали формировавшейся хивинской буржуазии — Юсуп-баю Айтбаеву, братьям Баккаловым, Ризаевым, Мадьяровым, а остальные — русским предпринимателям и банкам.

Среди хлопкоочистительных заводов, принадлежавших русским, самыми крупными были предприятия Большой Ярославской мануфактуры и Мануйлова. Например, хлопкоочистительный завод Большой Ярославской мануфактуры, находившийся в Новом Ургенче, имел 5 джинов и очищал до 25 тыс. пудов волокна в год[45].

Мелкие хлопкоочистительные заводы были построены как представителями местной буржуазии (Бабаджановым, братьями

[43] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, л. 94.
[44] «Туркестанские ведомости», 31.X.1909; ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 253, л. 7.
[45] В. И. Масальский, Хлопковое дело в Средней Азии (Туркестан, Закаспийская область, Бухара и Хива) и его будущее, СПб., 1892, стр. 106.

Ризаевыми, Аминовым, Ташниязовым и др.), так и русскими фирмами («Крафт и К⁰», «Шлоссберг и бр.», «Товарищество Шуйской мануфактуры»). Эти заводы имели один или максимум три джина, причем хлопкоочистительный завод с одним джином за сезон (эти заводы работали не круглый год, а лишь 170—172 дня в году) очищал не более 5 тыс. пудов волокна.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции в Хивинском ханстве кроме указанных хлопкоочистительных заводов имелись 11 кирпичных, 8 люцерноочистительных, 4 кожевенных, 4 маслобойных и мыловаренных заводов.

Шелковые и полушелковые материи производились «46 шелко-ткацкими заведениями», которые были построены в 70-х и 80-х годах XIX в. Но они были очень маленькими и выпускали годовую продукцию не более как на 800—900 руб.[46].

Одним из заметных торговых и промышленных центров ханства стал Новый Ургенч, где кроме хлопкоочистительных заводов находились филиалы русских банков, многие торговые общества и товарищества, транспортные конторы. Хивинские купцы, ведшие большую торговлю с Россией, также имели свои склады в Новом Ургенче. Географическое расположение промышленных предприятий было таково: в Хиве — 6, Ташаузе — 11, Ханках, Хазараспе — по 6, Гурлене и Мангыте — по 9, в Новом Ургенче — 13. Большинство их работало только сезонно, т. е. во время уборки урожая и некоторое время после нее. В частности, так работали хлопкоочистительные заводы.

Что же касается добывающей промышленности, то она была мало развита. В ханстве добывали известь и соль лишь для собственных нужд. Самосадочная соль добывалась в районе Питняка, а каменная — недалеко от г. Кунграда.

Серьезным препятствием в развитии экономики было отсутствие в ханстве железной дороги. «Хивинское ханство, обильное хорошими землями и водою, может получить сильное развитие и обогатиться лишь тогда, когда будет соединено рельсовым путем с нашими железными дорогами; пока же этого не будет, рассчитывать на особое развитие его трудно, так как всегда ощущается большой недостаток в перевозочных средствах»[47], — отмечал представитель Большой Ярославской мануфактуры.

Об экономических выгодах железнодорожной связи Хивы с Российской империей русские предприниматели хорошо поняли еще в конце XIX в. Так, еще в 1899 г. некоторые русские предприниматели выдвинули проект о постройке железнодорожной линии Чарджоу — Александров-Гай, но он был оставлен без внимания царским правительством. После смерти в 1910 г. Мухаммед-Рахим-хана и вступления на престол нового хана, Асфендиара, некоторые русские предприниматели, имевшие экономические интересы в Хиве, стали более настойчиво добиваться установления железнодорожной связи с ханством.

[46] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 758, л. 1.
[47] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, л. 104.

16 июня 1912 г. инженер путей сообщения А. Ковалевский, например, сообщил туркестанскому генерал-губернатору о своем намерении построить железнодорожную линию Чарджоу—Хива—Кунград. По его мнению, длина дороги должна была составить 615,8 верст, из них в пределах Бухарского эмирата — 156 *км*, а в пределах Хивинского ханства — 459,8 *км*.

По предварительным подсчетам того же Ковалевского, стоимость сооружения дороги исчислялась в 31 млн. руб., из коих предполагалось выпустить на 3,1 млн. руб. негарантированных акций и на 27,9 млн. руб.— гарантированных 4,5% облигаций[48].

В июле 1912 г. Николай II разрешил А. Ковалевскому «произвести изыскания железнодорожной линии от станции Чарджоу Среднеазиатской железной дороги по левому берегу р. Амударьи до сел. Ургенч и далее через г. Хиву до г. Кунграда»[49].

Однако план А. Ковалевского, как и планы других русских предпринимателей, утвержденные Николаем II, не встретил одобрения в правящих кругах Хивы, которые, как это ни странно, за время протектората России над ханством впервые проявили самостоятельность и выступили с собственным предложением. Они во главе с ханом Асфендиаром, конечно, не возражали против строительства железной дороги, хорошо зная о ее больших выгодах, но были против линии Чарджоу—Хива—Кунград.

Правители Хивы выдвинули два проекта строительства железнодорожной линии. В первом варианте предлагалось в 1913 г. провести ее «по необработанной под хлебопашество, но удобной (для строительства. — *Т. Т.*) земле по прямому направлению через Хазарасп, Ханки, Ургенч, Шахабад, Ташауз, Порсу, Ходжейли и Кунград». По мнению хивинского хана и его сановников, указанная направленность дороги более всего могла обеспечить экономическое сближение Хивы с Россией. В то же время они высказывались против линии Чарджоу—Хива—Кунград, считая, что она «не будет соединена с железными дорогами внутренней России и от этого железнодорожного пути мало пользы для Хивинского оазиса»[50]. Правящие круги Хивы, следовательно, строительство железной дороги прежде всего связывали с тем, какую экономическую выгоду принесет она для ханства.

В 1915 г. хан и его сановники выдвинули новый проект железнодорожной линии Хива — Александров-Гай — Саратов, считая, что такая направленность ее будет более отвечать запросам и нуждам ханства, а также экономическому сближению хивинского ханства с Российской империей. О строительстве названной дороги велась оживленная переписка между Хивой,

[48] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 278, лл. 6, 13.
[49] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 278, л. 12.
[50] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 278, л. 22.

Петро-Александровском, Ташкентом и Петербургом на протяжении пяти лет, т. е. с 1912 по 1917 г.[51], но ничего реального сделано не было.

В Хиве с начавшимся развитием капиталистических элементов происходило формирование новых классов — хивинской национальной буржуазии и пролетариата. Основную массу пролетариата Хивы составляли не промышленные рабочие, а рабочие-кустари и так называемые отходники.

Отходничество в Хивинском ханстве усилилось в эпоху империализма. Дело в том, что в связи с развитием, хотя и очень медленным, капиталистических отношений в хивинском кишлаке обезземеливание дехкан приняло массовый характер. Многочисленные безземельные хивинские дехкане шли или в промышленные заведения ханства, где нанимались на работу, или ехали в Туркестанский край и временно поступали работать на хлопкоочистительные, маслобойные и другие заводы.

Ввиду того что в Хивинском ханстве и Туркестанском крае большинство хлопкоочистительных заводов, как известно, работало сезонно, то по окончании сезона хивинцы возвращались в свои кишлаки, где занимались кустарным производством или шли работать к своему феодалу. В следующем сезоне эти хивинцы опять шли на работу в Туркестанский край и поступали вновь на хлопкоочистительные или другие заводы.

Так повторялось из года в год.

На строительстве хлопкоочистительных, маслобойных и других заводов также работали хивинские отходники, которые затем превращались в рабочих этих предприятий. Однако следует сказать, что на промышленных предприятиях хивинские рабочие выполняли работы, не требующие большой квалификации. Чернорабочими работали в основном местные хивинские батраки. А должности механиков, мастеров и т. д. как в Туркестанском крае и Бухарском эмирате, так и в Хивинском ханстве занимали русские рабочие.

Пролетариат Хивинского ханства состоял из отходников, являвшихся как бы полупролетариями, рабочих кустарных мастерских и промышленных предприятий. Из-за отсутствия в ханстве статистики трудно установить точное число хивинских рабочих, оно может быть определено лишь приблизительно. Одно ясно, что их число было незначительно. Все это лишний раз свидетельствует о крайней промышленной отсталости Хивинского ханства.

Наряду с рабочими формировалась и хивинская буржуазия, основная часть которой была занята торговлей, посредничая с русскими заготовительными обществами и филиалами банков, а также занимаясь реализацией в ханстве русских промышленных изделий. К числу этой части буржуазии относились: Ю. Салимджанов, Дж. Нуров, Дж. Ибрагимов, Абдулла Аллабергенов, Ишчан Дошчанов, Р. Батыров, К. Юсупов, В. М. Сафаев, Х. Авазжанов и др. В рядах хивинской буржуазии было и небольшое число предпринимателей-заводчиков, занимавшихся строительством хлопкоочистительных и иных предприятий. Сюда относились бр. Баккаловы, Юсупбай Айтбаев, Ризаевы, Мадьяровы и др.

[51] Там же, лл. 12, 32, 49, 59.

В ряды формировавшейся хивинской национальной буржуазии также входили зажиточные кустари и владельцы мастерских, применявшие наемный труд. В заключение, однако, следует сказать, что процесс формирования хивинской буржуазии и пролетариата, начавшийся в первые годы XX в., до победы Хорезмской народной революции (до 1920 г.), далеко не завершился. В этой связи отметим, что до 1917 г. не завершился также и процесс формирования узбекской буржуазной нации в целом, как на то совершенно правильно указывает М. Г. Вахабов[52].

Начавшийся процесс формирования пролетариата Хивы как класса имел глубокое прогрессивное значение для всех трудящихся масс ханства в их борьбе за национальное и социальное освобождение. Именно на это обстоятельство указывали классики марксизма-ленинизма, говоря о прогрессивной роли пролетариата в классовом обществе.

Русско-хивинские торговые связи. Доходы и расходы хивинской казны

Русско-хивинскую торговлю в период протектората можно разделить на два этапа: с 1868 по 1895 г.; с 1895 г. до конца исследуемого нами периода. Первый этап характеризовался значительной торговлей ханства с сопредельными странами, а также с некоторыми европейскими державами. Хива, в частности, вела взаимную торговлю с Бухарой, Туркестанским краем, казахами, каракалпаками и туркменами Амударьинского отдела, Афганистаном, Персией, Индией, Китаем. Казахи, каракалпаки и туркмены Амударьинского отдела, например, привозили и реализовали в ханстве кошмы, арканы, армячины, древесный уголь, баранов, верблюдов и другие товары.

Купцы из Туркестанского края ввозили в ханство главным образом продовольственные товары, в частности хлеб, а также изделия российского и иностранного производства.

Торговля Хивы с Бухарой была незначительной; по данным Белявского, в начале 80-х годов XIX в. торговый оборот между этими странами составлял не более миллиона руб. в год. Из Бухары в Хивинское ханство ввозили отечественные продоволь-

[52] М. Вахабов, Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1961, стр. 9, 198.

ственные товары и кустарные изделия, а также немного русской и английской промышленной продукции.

Из Китая, Афганистана и Персии в Хиву, как и в Бухару, ввозили монеты и слитки (золотые и серебряные), в небольшом количестве ткани различной окраски, обувь, свежие и сухие фрукты.

Таким образом, из сопредельных азиатских стран в ханство ввозили в основном сельскохозяйственные товары и продукцию кустарного производства, что в полной мере соответствовало их колониальному и полуколониальному положению. Они не вывозили промышленных изделий потому, что промышленность у них была чрезвычайно слабо развита; экономическую основу их составляло сельское хозяйство. Что же касается персидских и индийских купцов, то они в значительном количестве ввозили и английские промышленные изделия, а также англо-индийские товары (кисея, индиго, зеленый чай). До 1895 г. в Хивинское ханство ввозили промышленные товары также Франция, Германия и Австрия [53]. Но наиболее оживленную торговлю по сравнению с другими странами Хива вела с Россией, причем товарооборот между этими странами увеличивался из года в год.

Из России в ханство ввозили в основном промышленные изделия, а из Хивы вывозили хлопок-сырец, хлопчатобумажные изделия, каракулевые шкурки, кожи и т. д.

Русско-хивинская торговля приобретает более интенсивный характер с середины 90-х годов XIX в. Дело в том, что в связи с начавшимся переходом России в стадию империализма интерес торгово-промышленных кругов метрополии к Средней Азии, в том числе и к Хивинскому ханству и Бухарскому эмирату, усилился. Они стремились установить над ханствами свое монопольное господство и окончательно превратить их в рынок сбыта исключительно русских промышленных товаров, не допуская ввоза и реализации в них английских и иных промышленных изделий. Такое положение было достигнуто включением их в русскую таможенную систему в Средней Азии.

После 1895 г. начинается новый этап в русско-хивинских торговых отношениях.

Характерная черта этого (второго) этапа — монопольное положение русских промышленных изделий на хивинском рынке — была отмечена туркестанским генерал-губернатором в отчете на имя царя. «Хивинское ханство оказалось расположенным внутри ее (таможенной линии. — *Т. Т.*), что дает возможность держать рынки ханства в русских руках, не допуская туда иностранной конкуренции» [54]. На втором этапе русско-хивинская торговля стала развиваться быстрыми темпами, чему способствовала специализация хивинского сельского хозяйства на производстве хлопка, люцерны, каракуля и шелка.

[53] АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 535, лл. 3—5.
[54] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 791, л. 64.

Из Хивинского ханства в Россию в 1911—1912 гг. было ввезено: хлопка-сырца — на 8533 тыс. руб., семян люцерны — на 3500 тыс. руб., продуктов скотоводства — на 1489 тыс. руб., изделий кустарной промышленности — на 911 тыс. руб., продуктов питания — на 136 тыс. руб. Приведенные данные свидетельствуют о колониальном характере экономики Хивинского ханства.

Из России же в ханство в 1911—1912 гг. были ввезены главным образом промышленные товары, в частности: мануфактура — на 5880 тыс. руб., продукты питания — на 4056 тыс. руб., металлы и металлические изделия — на 532 тыс. руб., машины — на 576 тыс. руб., строительный лес и деревянные изделия — на 98 тыс. руб., разные товары — на 2770 тыс. руб.

Что же касается доходов и расходов хивинской казны, то следует сказать, что основной статьей дохода был поземельный налог с узбекских земледельцев, который в 1910 г. составил 130 тыс. тилля [55]. Туркмены в этом же году внесли в казну хана поземельной подати около 60 тыс. руб. Каракалпаки и казахи платили кибиточную подать в размере 21 теньги (4 руб. 20 коп.) с кибитки, всего около 20 тыс. руб. в год [56].

Следующей статьей дохода ханской казны был зякет с товаров, составлявший около 140 тыс. руб. в год.

Зякет взимался также со скота; о точной сумме этого налога даже не знал сам хан. «О точной цифре зякета со скота не знает даже сам хан, так как беки и сановники, производившие сборы податей, взыскивают вполне приблизительную сумму и утаивают часть подати». Приблизительно этот сбор достигал 40 тыс. руб. в год [57].

В Хивинском ханстве, как и в Бухарском эмирате, взимались несколько видов торговых налогов, часть из которых чиновники-сборщики утаивали, а другую часть передавали в государственную казну.

В источниках не отмечается, в каком размере поступал в казну хана тот или иной вид торгового налога, а статистики в Хивинском ханстве не было. Поэтому очень трудно установить хотя бы примерный размер государственного дохода от указанных торговых сборов. Но, во всяком случае, эта статья поступлений в казну, по-видимому, была не меньше дохода от зякета со скота, т. е. приблизительно 40 тыс. руб. в год.

В казну хана поступали также подати от внутренней торговли, составлявшие, правда, очень ничтожный процент, так как они сдавались в аренду откупщикам, которые более половины собранных сумм утаивали от хана.

По этому поводу русские купцы, торговавшие в ханстве, в заявлении на имя начальника Амударьинского отдела указывали, что «зякетчи представляют хану одну часть собираемого ими

[55] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, лл. 105—118.
[56] Там же.
[57] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 774, л. 11.

зякета, а $^{9}/_{10}$ оставляют себе за свои труды и заботы»[58]. В силу таких злоупотреблений зякетчи этот сбор в ханскую казну поступал не более как в сумме 20 тыс. руб. в год. Сбор чуб-пули производился с казахов — русских подданных, ежегодно на зиму прикочевывавших для пастьбы скота в пределы ханства. Эта подать исчислялась около 20 тыс. руб. Кроме всего этого до 1894 г. хан чеканил свою монету, что приносило ему значительный доход. Так, за первое полугодие 1893 г. из этой операции он извлек дохода 17 472 руб., а за вторую половину того же года — 53 497 руб.[59].

Стало быть, эта статья дохода, поступавшая в казну хана до указанного года, равнялась примерно 71 тыс. руб. в год. И наконец, в доход ханской казны поступала половина суммы арендной платы от содержателей переправ по Амударье. Доход этот в 1893 г. равнялся 8852 руб. 50 коп., в 1894 г. — 8204 руб. 50 коп.[60].

Итого в ханскую казну поступало около 550 тыс. руб. в год.

Но с 1894 г. в связи с запрещением чеканки хивинской монеты указанная сумма дохода, по-видимому, уменьшилась приблизительно на 70—71 тыс. руб. Однако это уменьшение через 5—6 лет с лихвой могло быть компенсировано в результате растущего поступления поземельной подати, ибо посевные площади с каждым годом расширялись. Поэтому цифру дохода в 550 тыс. руб. можно, без всякого сомнения, оставить в силе и на последующий рассматриваемый нами период.

Из этой суммы дохода до 1901 г. хан выплачивал контрибуцию, наложенную на него Кауфманом после покорения Хивы. Согласно Гандимианскому договору 1873 г., контрибуция до 1881 г. вносилась от 100 тыс. до 175 тыс. руб. в год, начиная же с 1881 г. — по 150 тыс. руб. После же прекращения уплаты контрибуции в 1901 г. личный доход хана тем самым увеличился на эту сумму.

Помимо контрибуционного взноса хан до 1910 г. выделял из общей суммы 10% для официального вознаграждения (кроме неофициально утаиваемых денег) сборщикам податей за их труд и около 20 тыс. руб. расходовал на «подарки сановникам, нукерам, наряжаемым для содержания караулов, на заготовление материалов для гидротехнических работ, на дела благотворительности и т. д.». Остальная сумма — не менее 270 тыс. руб.— составляла «личный доход хана»[61] и шла на содержание двора, гарема и построек.

Однако Мухаммед-Рахим-хан и Асфендиар-хан, несмотря на значительный доход казны, во время своего правления сколько-нибудь серьезных мер для повышения благосостояния ханства не предпринимали.

Если они «кое-что построили, то все постройки были произведены без особенных затрат казенных средств. На юге Хивинского ханства, т. е. на полпути между Чарджоу и Петро-Александровском», была построена «почтово-телеграфная контора на урочище Дерган-ата». Под давлением царских властей в г. Хиве были построены туземная школа с преподаванием русского языка, где обучались 12 хивинских детей, а также дом для амбулаторного пункта, которым ведал русский фельдшер[62]. В г. Новом Ургенче была построена большая больница с амбулаторным и стационарным лечением. Обслуживал ее русский врачебный персонал.

К концу XIX и началу XX в. были проведены оросительные каналы: Онкулач, Шамурат, Лаузан, Дарьялык и др.[63]. При сооружении этих каналов лишь стройматериалы были заготовлены ханским правительством, а все остальные расходы были распределены между населением.

---

[58] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 29, д. 1156, л. 43.
[59] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 774, л. 11.
[60] Там же.
[61] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 758, л. 7.
[62] ЦГИА УзССР, ф. II С, оп. 3, д. 758, л. 7.
[63] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, л. 118.

Глава V

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ХИВИНСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ

Влияние на хивинских трудящихся Февральской буржуазно-демократической революции

27 февраля (12 марта) 1917 г. в Петрограде одержала победу Февральская буржуазно-демократическая революция. Царский режим был свергнут. Восставший народ создал свои органы власти — Советы рабочих и солдатских депутатов. Российская буржуазия образовала свой орган власти — Временное правительство. Так в стране возникло двоевластие. Под влиянием Февральской революции в Амударьинском отделе (на территории современной Каракалпакской АССР) усилилось революционное движение рабочих, солдат и дехкан. В революционном движении активную роль играли большевики Петро-Александровска, которые организовывали митинги и собрания рабочих и солдат, распространяли среди населения революционные листовки.

6 (19) марта 1917 г. в Петро-Александровске был создан Совет рабочих депутатов, в состав которого вошли большевики В. Е. Крошилов, Савинов и др. Революционные выступления городской бедноты и солдат продолжались и в последующие дни. В ходе этих выступлений был образован Петро-Александровский Совет солдатских депутатов.

Через некоторое время этот Совет слился с Советом рабочих депутатов, что привело к образованию Петро-Александровского Совета рабочих и солдатских депутатов. Были созданы Советы дехканских и мусульманских депутатов; но в них было немало буржуазно-националистических элементов. Такие Советы возникли, например, в Турткульской волости, в г. Чимбае и в некоторых других местах.

Советы Туркестанского края, в том числе и Амударьинского отдела, пользовались большой популярностью среди трудящихся. Так, прокурор Ташкентского окружного суда Барановский в августе 1917 г. писал: «Советы солдатских и рабочих депутатов являются, по моему убеждению, единственными организациями, твердая власть которых чувствуется населением и которые не только на словах, но и на деле могут поддержать свои требования.

Советы солдатских и рабочих депутатов являются единственной «властью», обеспечивающей населению минимум беспорядков и предохраняющей его от полной анархии во всех сферах жизни»[1].

Советы рабочих, солдатских и дехканских депутатов по инициативе большевиков, несмотря на упорное противодействие меньшевиков и эсеров, вели большую работу по орошению полей дехкан, устанавливали контроль над телеграфом, почтой, занимались продовольственным вопросом и т. д. Возросшая революционная активность трудящихся способствовала укреплению рядов большевиков, по инициативе которых во второй половине марта 1917 г. были организованы профсоюзы рабочих и служащих хлопкоочистительных, маслобойных, кожевенных, мыловаренных заводов, банковских и телеграфных служащих. Членами профсоюзов были рабочие и служащие различных национальностей. Видным профсоюзным работником Кара-Калпакии того времени был Ержан Кожуров, который вел активную агитационную работу среди местных трудящихся, разоблачая контрреволюционную политику буржуазного Временного правительства и разъясняя политику большевиков, боровшихся за свержение этого правительства и за освобождение трудящихся от национального и колониального гнета. Несомненно, что профсоюзы способствовали созданию единого блока трудящихся различных национальностей.

Советы рабочих, солдатских и дехканских депутатов выражали интересы городской и кишлачной бедноты. После Февральской революции в Амударьинском отделе, как и по всей территории бывшей Российской империи, почти одновременно с Советами возникли органы буржуазного Временного правительства в лице комитетов общественной безопасности и исполнительных комитетов, состоявших в основном из представителей буржуазии, кулаков, меньшевиков и эсеров. Это были контрреволюционные органы, которые отстаивали интересы русской буржуазии и местных эксплуататоров. Членами исполнительных комитетов и комитетов общественной безопасности также были буржуазные националисты — торговцы, баи, муллы и даже ишаны. Каракалпакские буржуазные националисты, как и буржуазные националисты других национальностей, поддерживали политику буржуазного Временного правительства и вели борьбу против освободительного движения местных трудящихся.

Какова же была политика Временного правительства по отношению к Хивинскому ханству? Еще 4 марта министр иностранных дел Милюков сообщил туркестанскому генерал-губернатору Куропаткину о том, что новое правительство заявляет о своей верности международным обязательствам[2]. Временное правительство, таким образом, подтверждало свою решимость продолжать империалистическую политику царизма.

[1] «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Сборник документов», Ташкент, 1947, стр. 90—91.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 514, л. 19.

В ответ последовало заявление хивинского правительства о его верности договору, заключенному между Хивой и Россией в 1873 г. Временное правительство в Кара-Калпакии продолжало проводить колониальную политику царского режима, сохранив в неприкосновенности старые суды, старую администрацию, а также запретив организацию культурно-просветительных учреждений на родном языке. Но тем не менее Февральская буржуазно-демократическая революция оказала определенное влияние на развитие в Хивинском ханстве освободительного движения трудящихся. В частности, на последних серьезное влияние оказали Советы рабочих, солдатских и дехканских депутатов Амударьинского отдела, а также профсоюзы. Освободительное движение хивинских трудящихся в городах происходило в форме борьбы за реформы, а в кишлаках — в виде антифеодального выступления дехкан. В этом движении большую роль играли русские большевики, сосланные в Хивинское ханство из Центральной России после поражения первой русской революции.

Так, в Новом Ургенче проживал большевик Чанко, бывший путиловский рабочий. Он со своей женой, революционеркой, был сослан царским правительством в 1906 г. в Хивинское ханство за активную революционную деятельность. Чанко находился под строгим надзором полицейского управления Амударьинского отдела. Он работал на одном из новоургенчских хлопкоочистительных заводов. За время жительства в ханстве Чанко несколько раз пытался бежать, но его неизменно схватывали и привозили в Новый Ургенч. Вместе с ним революционную пропаганду в Новом Ургенче вели Игнат Мальков, В. Е. Крошилов, А. В. Качанов, Н. И. Востриков, И. М. Митин, И. И. Бринкман, М. М. Фролов, Д. Головяшкин, М. Юнусов, И. Я. Ярмолинский, В. Луценко[3] и др. Эти большевики вели также планомерную агитационно-разъяснительную работу среди русских и местных рабочих, работавших на новоургенчских, хивинских и других торгово-промышленных предприятиях.

По их заданию некоторые местные рабочие и ремесленники ездили в кишлаки и аулы, беседовали там с дехканами, объясняли причины их чрезвычайно тяжелого социально-экономического положения, разоблачали антинародную политику светских и духовных феодалов, феодального хивинского государства, духовенства, призывали их к борьбе. В освободительном движении трудящихся ханства определенную роль также играли русские солдаты, расположенные гарнизонами в некоторых городах страны. Эти солдаты в основном были бывшими рабочими. Русские солдаты, расположенные гарнизоном в г. Хиве, еще в марте 1917 г. организовали Совет солдатских депутатов, который внес большой вклад в освободительное движение трудящихся ханства.

[3] Б. Чепрунов, Джунаид-хан, Нукус, 1965, стр. 120, 142—143.

Говоря о событиях в ханстве, необходимо остановиться на младохивинцах. Как политическое течение младохивинцы зародились в годы первой русской революции, а в последующем на их формирование оказали существенное влияние младотурецкая революция 1908 г. в Турции и Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Младохивинцы были выходцами из интеллигенции, торговцев, зажиточных слоев ремесленников; в их рядах имелись даже некоторые ханские чиновники. В их составе были узбеки, туркмены, каракалпаки и казахи, но большинство составляли узбеки. Однако политическая ориентация младохивинцев была неопределенной.

Младохивинцы выступили против феодализма и ханской власти, но не сумели возглавить борьбу народа против старого режима. Об их программе свидетельствует следующий документ, написанный руководителями младохивинцев: «По нашему шариату, власть также должна быть выборная, так как по велению корана она может быть только выборная. Выборное начало существовало и по смерти нашего пророка Мухаммеда, а именно: его апостолом был выбран заместитель пророка халиф Абубакир, затем халиф Умар, затем халиф Усман, а после Усмана халиф Алим. За время управления мусульманским миром выборными халифами страна процветала, не имели места угнетение и порабощение, а жизнь протекала свободно и справедливо, и это продолжалось до тех пор, пока узурпатор Муавиа не захватил власть и не стал самодержавно управлять страной, положив этим основание в дальнейшем самодержавному управлению. С этого момента и начался упадок ислама и угнетение народа, что продолжается падишахами, ханами и эмирами и до сего дня»[4].

Эта цитата говорит о том, что действия младохивинцев основывались на шариате и коране. Они наивно проповедовали народным массам возможность свободы и справедливости в классовом мусульманском государстве во главе с избранным населением ханом.

Известно, что в Хивинском ханстве господствующее положение занимали феодалы. Поэтому младохивинцы добивались ослабления позиций феодалов за счет укрепления и упрочения положения формировавшейся хивинской буржуазии. Младохивинцы вели двойственную политику, то выступая против русского царизма, то выражая ему покорность[5]. В Хивинском ханстве, как известно, русская буржуазия занимала господствующее положение. Это обстоятельство вызывало у формировавшейся хивинской буржуазии глубокое недовольство, ибо она стремилась занять в своей стране более прочную и устойчивую позицию.

[4] Цит. по кн.: Р. Х. Абдушукуров, Октябрьская революция, расцвет узбекской социалистической нации и сближение ее с нациями СССР, Ташкент, 1962, стр. 170.

[5] См.: Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, стр. 475.

Поэтому, борясь с русской буржуазией за господствующее в ханстве положение, национальная буржуазия Хивы апеллировала к своему народу, к низам, усиленно пропагандируя идеи панисламизма и пантюркизма[6], высказывала дружеские чувства по адресу турок, иранцев и других мусульманских народов. Но совершенно иначе действовали младохивинцы тогда, когда возникала угроза классовым интересам формировавшейся хивинской буржуазии со стороны народных масс, часто выступавших против национального и социального гнета. В таких случаях, стремясь иметь поддержку царских властей, они высказывали по адресу царизма верноподданнические чувства.

Укрепление позиций национальной буржуазии младохивинцы видели в некоторых социально-экономических реформах, которых они стали добиваться после Февральской революции. В этом отношении им оказывал поддержку Совет солдатских депутатов хивинского гарнизона русских войск. Руководители младохивинцев совместно с депутатами этого Совета составили манифест, в котором в соответствии с шариатом предлагались некоторые реформы в ханстве. Под сильным давлением общественного мнения Асфендиар-хан 5 апреля 1917 г. был вынужден подписать манифест, который затем был обнародован на собрании представителей верхушки населения столицы. В манифесте объявлялось об установлении в стране монархии во главе с ханом, права которого в какой-то мере ограничивались меджлисом, состоящим из 30—50 депутатов[7].

В манифесте также говорилось об учреждении Совета назиров (министров) во главе с премьер-министром. В нем требовали проведения в ханстве железных дорог, постройки телеграфа, почты и т. д. Это делалось в интересах формировавшейся хивинской буржуазии, стремившейся к упрочению своего положения в стране. Теперь рассмотрим, какие же пункты манифеста были претворены в жизнь. Прежде всего, во второй половине апреля состоялись выборы в меджлис; были избраны 32 депутата, в большинстве своем состоявшие из младохивинцев во главе с их лидером Палванниязом Ходжи Юсуповым[8]. В меджлис были избраны и несколько туркменских мюхирдаров. 26 апреля 1917 г. открылось заседание меджлиса, на котором председателем Совета назиров был избран Матмурадов, а председателем меджлиса — Баба-ахун. Они оба были младохивинцами и крупными богачами.

Итак, в апреле 1917 г. деспотическая власть хивинского хана была ограничена меджлисом и Советом назиров. В меджлисе был рассмотрен ряд вопросов, например: о необходимости реформы школьного дела, о развитии путей сообщения, о централизации управления, о свободе союзов и равенстве перед законом, об упорядочении финансов путем создания государственного казначейства и т. д.[9].

Однако эти решения не были претворены в жизнь, оставшись лишь на бумаге. По существу младохивинский меджлис ничего не сделал в интересах трудящихся: он, например, не изменил системы распределения земли и воды, которые продолжали оставаться в руках феодалов, духовенства, баев, чиновников, несмотря на то что в стране было много безземельных и малоземельных дехкан; не пытался облегчить феодальную эксплуатацию городской и кишлачной бедноты; не ликвидировал межродовой и межнациональной вражды и т. д. Таким образом, социально-экономическое положение трудящихся ханства после Февральской революции продолжало оставаться чрезвычайно тяжелым. В силу этого они не поддерживали ни младохивинцев, ни их меджлис и Совет назиров. Более того, при младохивинцах участились выступления городской и кишлачной бедноты.

Так, 22 мая 1917 г. в г. Хиве бедняки подняли «голодный бунт»: стали громить лавки, склады, амбары купцов, забирали муку, рис и распределяли их среди голодающих жителей столицы. Это восстание было жестоко подавлено войсками Временного правительства, отправленными в Хивинское ханство в марте 1917 г. под командованием генерала Мирбадалова. Но антинародным правительствам Хивы и России не удалось приостановить развитие освободительного движения трудящихся.

В Ходжейлинском, Кипчакском и Кунградском бекствах начались вооруженные столкновения дехкан с войсками Временного правительства. В Кипчаке, Мангыте, Порсу, Ниязбее, Ильялы, Ташаузе и Манаке голодающие городские низы нападали на лавки и магазины купцов и ростовщиков, отбирали у них хлеб, скот и имущество[10].

Усиление освободительного движения трудящихся испугало не только хивинских феодалов во главе с Асфендиар-ханом, вынужденно подписавшим манифест о реформах, но в действительности являвшимся ярым противником каких-либо изменений в социально-экономическом укладе ханства, но и империалистическую буржуазию России. Поэтому в стране назревал заговор против реформ и против меджлиса, причем в организации его руководящую роль играл Джунаид-хан, возвратившийся весной 1917 г. из Персии[11]. В заговоре участвовали Мирбадалов и некоторые другие русские офицеры. По словам одного из активных участников гражданской войны в Кара-Калпакии Б. Чепрунова, Джунаид-хан договорился «с хивинским ханом и русскими

[6] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 525, л. 1; ф. 2, оп. 1, д. 279, л. 262.
[7] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 2, д. 546, л. 351.
[8] См.: «Воспоминания Палван-Нияза Ходжи Юсупова», рукопись, библиотека Каракалпакского филиала АН УзССР, стр. 20—26.
[9] «Материалы и документы по истории гражданской войны в Кара-Калпакии», т. I, рукопись, библиотека Каракалпакского филиала АН УзССР, стр. 239—244.
[10] ЦГИА УзССР, ф. 344, оп. I, д. 84, л. 24.
[11] Сахат Мурадов, На разгром Джунаида..., стр. 406.

офицерами (Мирбадаловым и другими. — *Т. Т.*) об уничтожении меджлиса; взамен Джунаид обещал прекратить набеги мюхирдаров на города ханства»[12]. Стремясь облегчить организацию государственного переворота, Джунаид задался целью осложнить внутриполитическое положение страны и в этой связи развернул борьбу со своими туркменскими противниками — феодалами во главе с Гочмамед-ханом и Шамми-Келем. В ходе этой борьбы Джунаид-хан опирался на иомудские роды ушак и урускуши, проживавшие в районах Тахты и Кубадага, а Гочмамед-хан и Шамми-Кель — на иомудские роды окуз и салак. Борьба между туркменскими феодальными кликами в первой половине июня 1917 г. приняла весьма острый характер. Подстрекаемые двумя феодальными кликами, отдельные туркменские отряды, предводительствуемые своими мюхирдарами, нападали и грабили оседлых жителей. Так, они разграбили жителей Мангыта, осадили Куня-Ургенч. Комиссар Сырдарьинской области сообщал в Туркомитет Временного правительства, что «пытавшиеся защитить Мангыт нукеры (хана. — *Т. Т.*) не устояли против натиска разбойников, и город (Мангыт. — *Т. Т.*) подвергся полному разгрому, причем, по полученным сведениям, убито 10 туземцев, два персидских подданных и много ранено, в том числе один русский, получивший до пятнадцати ран... Усиливаясь и распространяясь все более, разбойники (туркменские отряды, руководимые феодалами. — *Т. Т.*) ограбили некоторые районы, получили откуп от некоторых городов и стали угрожать городам Ташаузу и Новому Ургенчу»[13]. Междоусобицы туркменских феодальных клик, нападения туркмен на города и ограбление ими мирных жителей, несомненно, способствовали усилению в стране реакционных элементов и ослаблению фронта борцов за демократизацию ханства, за улучшение жизненных условий трудящихся.

Все происходившее было на руку противникам социально-экономических реформ — хану, узбекским и туркменским феодалам, фанатичному мусульманскому духовенству, которых в контрреволюционных действиях полностью поддерживало Временное правительство и его Туркомитет в лице Мирбадалова.

Таким образом, в июне 1917 г. в Хивинском ханстве создалось чрезвычайно напряженное положение, воспользовавшись которым хивинские власти, подстрекаемые Джунаидом и Мирбадаловым, произвели переворот, арестовали 17 видных младохивинцев во главе с Матмурадовым. Остальных членов партии младохивинцев хивинские власти объявили «отступниками от божьего закона» и начали жестоко преследовать. После этого были сфальсифицированы выборы в новый меджлис, в состав которого вошли главным образом представители самой консервативной части феодальной верхушки и мусульманского духовенства. Мирбадалов же, получив от Асфендиар-хана 40 тыс. руб. за оказанную помощь в организации переворота[14], уехал в Ташкент.

[12] Б. Чепрунов, Джунаид-хан, стр. 43.
[13] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 2, д. 546, л. 350.

Туркомитет в сентябре 1917 г. назначил вместо Мирбадалова комиссаром Временного правительства в Хиве полковника Зайцева. Прибыв в Хиву, Зайцев стал командовать русскими войсками, расположенными в Хивинском ханстве и Амударьинском отделе. Зайцев, Асфендиар-хан и Джунаид-хан составили единый фронт для борьбы со сторонниками реформ и с освободительным движением трудящихся ханства. В конечном итоге реакционные силы восторжествовали, сторонники реформ были разгромлены, а Хива продолжала оставаться патриархально-феодальной страной.

Антисоветская политика хивинских феодалов

Руководствуясь «Декларацией прав народов России» и обращением «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», Совнарком Туркестанской республики 29 ноября (12 декабря) 1917 г. сообщил хивинскому хану Асфендиару о признании Советской властью суверенитета Хивы. Октябрьская революция избавила хивинский народ от колониального господства русской буржуазии и Временного правительства.

Как русские рабочие, так и трудящиеся-хивинцы радостно встретили весть о победе Октябрьской революции. Советские правительства Туркестана и России, проводя ленинскую национальную политику, оказывали Хиве финансовую и продовольственную помощь.

Советская Россия и Советский Туркестан прилагали большие усилия к тому, чтобы укрепить дружественные отношения с Хивой. Однако узбекские и туркменские феодалы во главе с Асфендиар-ханом и Джунаид-ханом, боясь усиления освободительного движения трудящихся ханства, заняли открыто враждебную позицию по отношению к Советской России и Советскому Туркестану. Своей главной внешнеполитической задачей они считали борьбу с Советским Туркестаном, в частности борьбу за свержение Советской власти в Амударьинском отделе.

Как было сказано, еще в начале сентября 1917 г. Туркомитет Временного правительства назначил командующим русскими войсками, расположенными в Хивинском ханстве, полковника Зайцева, который, прибыв в Хиву, установил тесные связи с Джунаидом[15]. Прежде всего они совместными усилиями повели борьбу с демократическими элементами общества, в особенности с теми, которые сочувствовали Советской власти. Даже

[14] Г. Непесов, Из истории Хорезмской революции, стр. 81.
[15] ЦГАОР и СС УзССР, ф. 147, оп. 33, д. 3, лл. 42—43.

младохивинцы вызывали в них страх, и поэтому они старались их уничтожить. Спасаясь от преследования, многие младохивинцы были вынуждены эмигрировать, бежать из ханства в Амударьинский отдел.

5 января 1918 г. полковник Зайцев, исполняя волю туркестанской и российской белогвардейщины, погрузив войска на пароход, поплыл по Амударье в Чарджоу. Затем, развернув борьбу против Советской власти в Самарканде, пытался даже пойти на Ташкент, чтобы свергнуть революционное правительство Туркестана. Но его войска были разгромлены объединенными силами красногвардейцев и красноармейцев. После ухода Зайцева основной вооруженной силой в ханстве стали банды Джунаида, который по существу установил свою диктатуру в стране. Власть Асфендиар-хана была номинальной. В ханстве усилилась черная реакция. С трудящихся-земледельцев стали взимать новые налоги и натуральные повинности, чиновники еще активнее стали грабить городскую, кишлачную и аульную бедноту. К тому же в 1918 г. в связи с засухой в стране свирепствовал голод.

Джунаид стремился упрочить свою кровавую диктатуру: весной и летом 1918 г. он жестоко подавил антифеодальные выступления дехкан. В то же время он упорно добивался укрепления своих внешнеполитических позиций, и в этой связи он вошел в союз с контрреволюционными силами Ташкента, в частности с военным комиссаром Туркестанской АССР бывшим царским офицером Осиповым, ферганскими басмачами, бухарским эмиром Сейид-Алимом, закаспийскими белогвардейцами, с английским генералом Маллесоном, командовавшим английскими войсками, вторгшимися летом 1918 г. в Закаспийскую область, и другими контрреволюционными силами Туркестана и России [16].

В качестве личного подарка Маллесон отправил Джунаид-хану винтовку с зарядами. Вместе с тем он усиленно снабжал Джунаида и его банду оружием и боеприпасами, стремясь направить агрессию этого злейшего врага Советской власти и хивинских трудящихся против Амударьинского отдела.

Так, в октябре 1918 г. генерал Маллесон совместно с закаспийскими белогвардейцами отправил Джунаиду 3 тыс. винтовок и много боеприпасов. Стремясь установить в ханстве свое безраздельное господство, Джунаид 30 сентября 1918 г. организовал убийство Асфендиара, а на ханский престол посадил слабовольного, бесхарактерного Сейид-Абдуллу — младшего брата убитого правителя Хивы. Новый хан был игрушкой в руках Джунаида, который отныне управлял страной единовластно.

[16] Н. Востриков, Военно-революционные события в Амударьинском отделе и Хорезме,— «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников революции и гражданской войны», Ташкент, 1957, стр. 486.

Между тем командующий английскими войсками генерал Маллесон и закаспийские белогвардейцы требовали от диктатора Хивы свержения Советской власти в Амударьинском отделе. Они отправили к нему военную делегацию во главе с полковником Антокольским и поручиком Кули-ханом [17]. Делегация продолжительное время вела переговоры с хивинским диктатором, вследствие чего было решено направить банды Джунаида в Амударьинский отдел и свергнуть там Советскую власть. Шайки Джунаида, прервав телефонную связь между Чарджоу и Турткулем, 24 ноября 1918 г. в шести местах переправились на правый берег Амударьи и начали наступление на территорию современной Каракалпакской АССР. По сведениям Б. Чепрунова, в нападении участвовало около 10 тыс. всадников. Главные силы хивинского диктатора обложили Турткуль (Петро-Александровск), причем они упорно и настойчиво пытались овладеть этим городом. В Турткуле кроме горожан находилось около 20 тыс. дехкан, спасавшихся от зверств банд Джунаида. В героической обороне Турткуля активно участвовали русские, каракалпаки, узбеки, казахи, туркмены, причем не только мужчины, но и женщины, а также военнопленные — немцы, австрийцы, венгры, румыны и др.

Обороной города руководили большевики — Чанко, Крошилов, Мальков, А. Качанов, М. Фролов, Н. Востриков, М. Юнусов [18] и др. В борьбе с бандами Джунаида, который после поражения Турции и Германии перешел на службу к английской разведке и стал платным агентом английских империалистов, активно участвовали и местные большевики — Н. Сапаров, Н. Мавлянов, У. Халмуратов, Е. Кожуров, У. Танышбаев и др. Однако более успешной обороне Турткуля мешали контрреволюционные элементы во главе с бывшим царским офицером левым эсером В. Коноплевым, пробравшимся в ряды советского руководства и командовавшим советскими войсками, расположенными в Амударьинском отделе.

Одновременно с Турткулем банды Джунаида окружили Нукус. Они грабили жителей аулов и кишлаков, сжигали дома и усадьбы, насиловали женщин и девушек, истребляли всех сторонников Советской власти.

Вся Средняя Азия пристально следила за событиями в Кара-Калпакии; по приказу председателя ЦИК Туркестанской АССР В. Д. Войтинцева на помощь защитникам Турткуля из Чарджоу был отправлен отряд под командованием большевика А. А. Тимошенко, который прорвал вражеское кольцо и соединился с героическим гарнизоном Турткуля. Десять дней гарнизон этого города мужественно держал оборону, а на одиннадцатый день, т. е. 3 декабря, перешел в контрнаступление. Банды Джунаи-

[17] Б. Чепрунов, Джунаид-хан, стр. 32.
[18] Там же, стр. 75, 150—199.

да, окружившие Турткуль, были разгромлены и, понеся большие потери, в панике отступили на левый берег Амударьи.

Разгром банд Джунаида под Турткулем укрепил в трудящихся Амударьинского отдела веру в свои силы, в торжество справедливого дела борьбы за свободу.

Отряды Джунаида также были разгромлены под Нукусом, причем на помощь защитникам этого города 13 декабря из Турткуля прибыл отряд Красной Армии. При обороне Нукуса, как и Турткуля, пали смертью храбрых много красноармейцев, красных командиров и местных жителей. Многие участники обороны были награждены, среди которых было немало местных жителей: Садык Мусин, Хабибулла Шарипов, Ялгаш Утегенов и др.

Поражение Джунаида под Турткулем и Нукусом явилось серьезным ударом по всей контрреволюции в Средней Азии; оно вместе с тем было заметным ударом и по английским империалистам, которые по существу были вдохновителями и подстрекателями похода Джунаида в Амударьинский отдел. Поражение Джунаида внесло разложение в ряды туркменских феодалов, стремившихся обогатиться за счет грабежа населения Амударьинского отдела, и привело к росту авторитета Советской власти, так как народные массы увидели, что только она способна разгромить хивинскую феодальную реакцию.

Однако Джунаид и представитель закаспийских белогвардейцев при хивинском правительстве Кули-хан не извлекли должного урока из позорного поражения под Турткулем и Нукусом: в декабре 1918 г. они созвали совещание мюхирдаров и кетхудов туркмен, на котором Кули-хан настойчиво добивался организации нового похода на Амударьинский отдел, говоря, что основной причиной поражения джунаидовцев осенью 1918 г. был грабеж с их стороны населения, а поэтому он советовал не допускать более этого. Однако вожди туркменских родов и племен не согласились на новый поход против Советов правобережья Амударьи, хотя набеги отдельных отрядов туркмен на Амударьинский отдел не прекращались; но все эти отряды были разгромлены Красной Армией. Поэтому Джунаид в апреле 1919 г. обратился к Туркестанской АССР с предложением заключить мирный договор. Это предложение его было принято, и 9 апреля 1919 г. между Хивой и Туркестанской АССР был заключен мирный договор, где, в частности, было сказано: а) Военные действия прекращаются с обеих сторон; б) Советское правительство признает за народами Хивинского ханства право на самоопределение; в) обе стороны для поддержания дружественных отношений обмениваются представителями; хивинскому правительству предоставляется право держать представителей в Москве и Ташкенте, а Российскому советскому правительству — в Хиве; г) обе стороны гарантируют друг другу свободное и безопасное передвижение по всем водным и сухопутным

путям сообщения в пределах территории в коммерческих целях; д) всем русскоподданным туркменам, провинившимся во враждебных действиях против Российской Советской республики, таковая дарует амнистию, и им предоставляется право свободного выбора места жительства [19].

Однако хивинские реакционеры во главе с Джунаидом через несколько дней после заключения договора злостно и умышленно стали нарушать его; вооруженные туркмены партиями совершали набеги на советские земли Амударьинского отдела, грабили население, уводили в хивинские пределы женщин, угоняли скот.

Наступившую после 9 апреля мирную передышку злейший враг Советской власти Джунаид-хан стремился использовать для дальнейших антисоветских выступлений. Ему помогали все контрреволюционные силы Средней Азии, в том числе каракалпакские феодалы и баи Амударьинского отдела. Так, крупные каракалпакские баи Курбан-бей и Мукарбаев внесли в казну Джунаида значительную сумму денег и, кроме того, снабжали его кавалерийскими лошадьми.

В июне 1919 г. Джунаид провел военную мобилизацию, причем тот, кто по какой-либо причине не смог нести военную службу, должен был уплатить военный налог в сумме 300 руб. с человека. Тот, кто был пригоден к военной службе, обязан был на свой счет приобрести винтовку и патроны к ней [20]. По приказу Джунаид-хана феодалы спешно формировали свои военные отряды, причем в нукеры в основном брали уголовные элементы. Кунградский феодал Кутли-Мурад, например, организовал значительный отряд из уголовников и «обманутых дехкан» [21]. Более крупные феодальные воинские отряды создавались в центральных и южных районах ханства. Численность нукеров в Новом Ургенче, например, была доведена с 200 до 500, в Ханках — с 20 до 300 и т. д. Основные военные силы стягивались ближе к Амударьинскому отделу, с тем чтобы при первой же возможности нанести внезапный удар по советской земле.

Между Джунаидом и адмиралом Колчаком еще в марте 1919 г. были установлены связи. К осени этого года они еще более укрепились: в ханство прибыла большая военная миссия Колчака в составе 140 офицеров во главе с полковником Худяковым. Миссия привезла Джунаиду более десяти пушек, снаряды к ним и свыше 1500 трехлинейных винтовок. Колчаковские офицеры обучали хивинских нукеров военному делу, и прежде всего умению пользоваться винтовками и пушками.

---

[19] Партархив института истории партии при ЦК КП Узб. т. II, ч. I, д. 917, лл. 94—95.

[20] Г. Непесов, Победа советского строя в Северном Туркменистане (1917—1936), стр. 126—127.

[21] «История Узбекской ССР», т. II, стр. 145.

Более энергично стали оказывать Джунаиду военную помощь также англичане и закаспийское белогвардейское правительство. Каждую неделю прибывал в ханство караван с английским оружием и боеприпасами.

Патриархально-феодальная Хива, таким образом, лихорадочно готовилась к войне против Советской власти. Готовясь к антисоветской войне, Джунаид вошел в более тесный контакт с контрреволюционными элементами Чимбая, где в июне 1919 г. под руководством рыбопромышленника — торговца Филичева и кулака Кузнецова казаки подняли антисоветское восстание. В Чимбае Советская власть была свергнута, а Филичев был провозглашен главой чимбайского правительства.

Джунаид-хан поспешно признал новоявленное «правительство» «единственно законной властью» в Амударьинском отделе. Через некоторое время к восставшим казакам примкнуло около 2 тыс. каракалпакских контрреволюционеров-басмачей, возглавляемых Хан-Максумом и Бала-бием. Таким образом, в районе Чимбая сконцентрировались значительные контрреволюционные силы. Последними был захвачен Нукус и его окрестности.

Стремясь поддержать чимбайских мятежников, Джунаид-хан стянул в район Кунграда конницу в 2 тыс. сабель, а также более интенсивно стал готовиться к новому походу на Турткуль. Для переговоров о совместном походе против этого города хивинский диктатор снарядил к Филичеву в Чимбай хивинскую правительственную делегацию. На Турткуль готовились наступать не только белоказаки и басмачи Чимбая, но и банды Джунаид-хана.

Поэтому штаб Закаспийского фронта для подкрепления турткульского гарнизона отправил из Чарджоу на пароходе войска во главе с большевиком Н. А. Шайдаковым. Эти войска, успешно отразив нападение джунаидовцев, благополучно прибыли в Турткуль и влились в состав его гарнизона. Затем под командованием Н. А. Шайдакова советские войска освободили от контрреволюционных сил Нукус, но двигаться в сторону Чимбая не представлялось возможности, так как банды Джунаида более интенсивно стали концентрироваться на левом берегу Амударьи, напротив Турткуля [22], стремясь начать наступление на него.

Но несмотря на это, Чимбай и другие пункты Приаралья, захваченные белоказаками и басмачами Хан-Максума, в сентябре 1919 г. были освобождены курсантами-ленинцами Туркестанской школы военных инструкторов [23]. Таким образом, осенью 1919 г. территория современной Каракалпакской АССР была почти полностью очищена от контрреволюционных сил. В связи

[22] «Материалы и документы по истории гражданской войны в Кара-Калпакии», т. II, рукопись, библиотека Каракалпакского филиала АН УзССР, стр. 279.

[23] «Ташкентское Краснознаменное ордена Красной Звезды военное училище имени В. И. Ленина. Краткий исторический очерк», Ташкент, 1958.

с активными боевыми действиями советских войск в районах Нукуса, Чимбая и в целом в Приаралье Джунаид-хан не решился повести наступление на Турткуль. Но он не прекращал свои враждебные антисоветские действия и ждал подходящего момента для удара по советскому Амударьинскому отделу, с тем чтобы ликвидировать здесь Советскую власть. Однако его замыслам не суждено было исполниться, так как городская и кишлачная беднота Хивинского ханства начала под руководством коммунистов решительную борьбу против антинародного диктаторского режима Джунаид-хана, против жестокого феодального гнета, за свободу и независимость.

Победа Хорезмской народной революции

Как было уже сказано, Великая Октябрьская социалистическая революция оказала большое влияние на трудящиеся массы Хивинского ханства. Они отказывались платить налоги, нести ирригационные повинности, нападали на ханских сборщиков налогов. По сведениям очевидцев, дехканские антифеодальные волнения охватили северные и южные районы ханства.

Революционное брожение отмечалось также среди русских солдат и рядового казачества, расположенных гарнизоном в Хиве. Они самовольно бросали посты, отказывались нести службу, о чем командующий гарнизоном Зайцев 17 декабря 1917 г. писал в Ташкент: «Солдаты 732-й дружины, отказавшиеся нести службу в Хиве, разбрелись самовольно в беспорядке в разные стороны» [24].

Аналогичного содержания сведения он сообщал в Ташкент и в начале января 1918 г. «Уссурийская казачья сотня,— телеграфировал он, — составляя передовой прикрывающий отряд, самовольно бросила свой пост, отказавшись даже нести всякую службу» [25]. Тот же Зайцев писал в Ташкент, что Советская власть вызывает симпатии и у туркменского населения ханства, что среди него усиливается борьба против феодального произвола и мусульманского духовенства — классовая борьба угнетенных против угнетателей. Антифеодальная борьба трудящихся, начавшаяся под влиянием Октябрьской революции, продолжалась и в 1918 г. Для этого были все экономические предпосылки: во многих арыках совсем не было воды, дехканская земля оставалась почти не обработанной и не засеянной, вследствие чего в стране начался голод. Все это придавало антифеодальной борьбе масс более организованный характер. Трудящиеся целыми аулами отказывались платить налоги, не выходили на принудительные работы целыми семьями, тайком уходили на правый, советский берег или в партизаны. На территории

[24] ЦГИА УзССР, ф. 344, оп. 1, д. 84, л. 26.

[25] Там же, л. 32.

Хивинского ханства с каждым днем все шире развертывалась партизанская борьба. В Кунградском, Куня-Ургенчском, Ходжейлинском, Порсунском и других бекствах дехкане — туркмены, узбеки и каракалпаки, организовав у себя в аулах партизанские отряды, отказывались признавать власть хана, не платили налогов, убивали ханских чиновников.

1919 год также проходил под знаком нарастающего антифеодального движения трудящихся; в этом году экономическое положение трудящихся по сравнению с 1918 г. еще более ухудшилось. К тому же произвол и насилия джунаидовской администрации, попытки сбора различных налогов, введенных Джунаидом, тяжелые феодальные повинности, реквизиция транспорта, продовольствия и фуража, изъятие из обращения золотых и серебряных монет и выпуск бумажных знаков, прекращение по вине реакционных кругов ханства торгово-экономических связей Хивы с Советской Россией (что обостряло экономическое положение ханства и ухудшало жизненные условия трудящихся), насильственный увод скота и рабочих лошадей, лихорадочные приготовления к войне против Советской России и Советского Туркестана, аресты, расстрелы без суда и следствия и т. д. — все это к осени 1919 г. поставило страну на грань революционного взрыва, т. е. в ханстве назревала революционная ситуация, без которой, как писал В. И. Ленин в своей статье «Крах II Интернационала» [26], невозможна революция.

Весна и лето 1919 г. прошли в ханстве в обстановке обострения классовой борьбы. В августе, например, в Кубадаге, Ак-тепе, Ильялы, Ханках и в некоторых других местах между вооруженными дехканами и джунаидовскими бандами произошли кровавые столкновения [27].

Бандам Джунаида с большим трудом удалось подавить дехканские выступления. Естественно возникает вопрос: кто руководил антифеодальной борьбой трудящихся ханства?

После июньского переворота 1917 г. часть младохивинцев была схвачена и казнена джунаидовцами, а часть была вынуждена эмигрировать в пределы Туркестанского края (в Ташкент, Турткуль, Чарджоу, Асхабад и Мерв). В этих городах они организовали комитет младохивинцев, причем руководящую роль играл комитет в Ташкенте.

По мере развития освободительного движения трудящихся Хивинского ханства в рядах младохивинцев произошел раскол: революционная часть откололась от основной массы младохивинцев и объявила себя «хивинской революционной партией», включив в свою программу следующие пункты:

а) свержение вооруженным путем деспотического режима хана и создание народной власти;

[26] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 211—265.
[27] Г. Непесов, Из истории Хорезмской революции, стр. 155.

б) открытие в городах и населенных пунктах больниц и лечебниц с бесплатной медицинской помощью;

в) отмена всех видов принудительных работ;

г) обращение расходов с вакуфов на цели просвещения;

д) обеспечение безземельных и малоземельных дехкан землей за счет конфискации помещичьих земель;

е) слияние хивинских земель с Туркестанским краем и включение их в состав РСФСР [28].

Эта часть младохивинцев выдвигала революционные задачи ликвидации деспотического ханского режима, установления народной власти и проведения революционных социально-экономических преобразований в интересах городской и кишлачной бедноты.

Несомненно, что указанная программа была выработана под влиянием социально-экономических преобразований в Туркестанском крае, в особенности в соседнем Амударьинском отделе, проведенных после Великого Октября. По сведениям источников, хотя эта часть младохивинцев и была немногочисленна, однако она вела большую революционную работу. Основная же часть младохивинцев, будучи антинародно настроенной, помогала «Джунаид-хану в борьбе против освободительного движения хивинского народа и против Советской власти» [29].

Исследователи истории Узбекистана советского периода отмечают, что до весны 1920 г. единой хорезмской коммунистической организации не существовало [30]. Возникла она только весной указанного года. Но, как было уже выше отмечено, еще задолго до Великого Октября в некоторых торгово-промышленных центрах ханства проживали русские большевики, которые вели активную революционную деятельность. В их числе были И. В. Мальков, В. Е. Крошилов, А. В. Качанов, Н. И. Востриков, И. М. Митин, И. И. Бринкман, М. М. Фролов, Д. Головяшкин и др.

Эти русские большевики своей активной революционной борьбой в большой мере способствовали появлению местных хивинских большевиков, как например Рузмета Юсупова, Вафо Полванниязова, Бабаджана Нуруллаева, Джуманиеза Каланта-рова, Щ. Ахмедиева, С. Колжанова, Щ. Айшувакова и многих других.

Русские и хивинские большевики, а также прогрессивная часть младохивинцев организовали первые хорезмские коммунистические ячейки.

Большевики и революционная часть младохивинцев, несмотря на жестокие преследования со стороны джунаидовцев, еще в

[28] «Материалы и документы по истории гражданской войны в Кара-Калпакии», т. II, стр. 247—248.
[29] «История Узбекской ССР», т. II, стр. 148.
[30] М. Вахабов, Формирование узбекской социалистической нации, стр. 334.

конце 1917 г. развернули агитационную работу среди трудящихся ханства, рассказывая им о Ленине, о революции в России и Туркестане, о необходимости революционного свержения существующего в ханстве деспотического антинародного режима, об установлении народной власти и т. д. Коммунистические агитаторы действовали почти во всех бекствах ханства. Именно русские и хивинские большевики, а также революционная часть младохивинцев руководили антифеодальной борьбой трудящихся Хивинского ханства в 1917—1918 гг. Вместе с тем русские и местные большевики создавали хорезмские красногвардейские части [31] из хивинских дехкан, рабочих и ремесленников, скрывавшихся в Амударьинском отделе от жестокого преследования джунаидовцев. Кстати, необходимо отметить, что именно в этих красногвардейских частях впервые были образованы ячейки хивинских коммунистов. Оружие и боеприпасы, необходимые красногвардейским частям, были отпущены командованием Красной Армии в Амударьинском отделе, а пользоваться им обучали русские красные командиры.

Русские и хивинские большевики сыграли выдающуюся роль в подготовке Хорезмской народной революции.

Революция, руководимая большевиками, началась в первых числах ноября 1919 г. В эти дни поднялись на вооруженную борьбу трудящиеся Кунградского, Ходжейлинского, Ильялинского и Куня-Ургенчского бекств [32].

Весть о начале Хорезмской революции быстро распространилась по всему Туркестану. В Ташкент, например, поступили следующие сведения: «Сейчас в Хиве началась революция. Восстала часть иомудских племен с узбеками против угнетающего их правительства Джунаид-хана. Бои идут в районе от Ургенча до Ходжейли. Представители восставших племен, прибыв в Петро-Александровск, просили оказать восставшим поддержку вооруженной силой» [33]. Аналогичного содержания телеграмма поступила в ЦИК Туркестанской АССР. «После усиленной агитации,— говорится там,— пролетариат Хивы восстал против Джунаид-хана. Везде (восстание носило повсеместный характер. — *Т. Т.*) идет бой. К нам прибыла делегация. Просит помощи. Положение серьезное» [34]. И наконец, турткульские рабочие телеграфировали в Реввоенсовет Туркфронта и в ЦИК Туркестанской АССР: «Пролетариат Хивы восстал против Джунаид-

[31] В. Полваниязов, Борьба за Советскую власть в Хиве,— «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников революции и гражданской войны», стр. 498; М. Г. Морозов, Чарджуйцы в низовьях Аму-Дарьи,— «За советский Туркменистан (1917—1920). Воспоминания участников революции и гражданской войны», Ашхабад, 1963, стр. 99.

[32] Я. М. Досумов, Очерки истории Кара-Калпакской АССР, стр. 166.

[33] Центральный партархив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17; Туркбюро ЦК РКП(б), оп. 2, д. 148, л. 925.

[34] Там же, л. 928.

хана. Везде идут бои. К нам прибыла делегация от народа, просит помощи. Просим Вашего разрешения выступить с отрядом на помощь восставшему народу Хивы» [35].

Следовательно, во всех сообщениях о начале Хорезмской революции неизменно подчеркивались массовый характер восстания и необходимость помощи трудящимся Хивы в их борьбе с бандами Джунаид-хана. К середине ноября 1919 г. вооруженное восстание хивинского народа приняло поистине повсеместный характер, распространившись на Новый Ургенч, Мангыт, Ташауз, Хиву и другие районы. Против диктатуры Джунаид-хана, против гнета светских и духовных феодалов, феодального хивинского государства и духовенства поднялись трудящиеся узбеки, туркмены, каракалпаки и казахи, руководимые местными большевиками, заботливо воспитанными русскими большевиками, проживавшими в Хивинском ханстве.

Характерно, что почти повсеместно создавались партизанские отряды трудящихся, причем былая вражда между узбеками и туркменами отошла на второй план. В первые же дни борьбы с бандами Джунаид-хана трудящиеся узбеки, туркмены, каракалпаки и казахи единым фронтом выступили против вековых поработителей. Было ясно, что хивинские большевики и революционная часть младохивинцев упорно и тщательно подготавливали вооруженное восстание народа. По данным участников Хорезмской революции, уже в 20-х числах ноября стали переходить на левый берег Амударьи в помощь восставшим отдельные красногвардейские отряды, сформированные хорезмскими большевиками в пределах современной Кара-Калпакии. Но бóльшая часть хорезмских красных частей оставалась еще в Амударьинском отделе.

В это же время из Хивинского ханства в Турткуль прибыло несколько делегаций от восставших жителей различных бекств с просьбой о вооруженной помощи в их борьбе с бандами Джунаид-хана. Эта просьба была передана из Турткуля в ЦИК и СНК Туркестанской АССР, в Реввоенсовет Туркфронта и в Туркомиссию ВЦИК и СНК РСФСР, основанную 8 октября 1919 г. для упрочения Советской власти в Туркестане, для укрепления и дальнейшего развития дружбы народов Средней Азии с русским народом, с русским рабочим классом. Просьба восставшего народа была удовлетворена; командующий Туркфронтом М. В. Фрунзе и член Реввоенсовета этого фронта В. В. Куйбышев дали приказ хивинской группе советских войск перейти на левый берег Амударьи и оказать вооруженную помощь трудящимся ханства, героически боровшимся с бандами Джунаид-хана.

Перед началом похода на левобережье Амударьи командование хивинской группы советских войск обратилось с воззванием

[35] ЦГИА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 200, л. 118.

«К народам Хивинского ханства», где, в частности, было сказано: «Российская Советская власть, которой одинаково близки интересы и нужды всех трудящихся, без различия национальностей и вероисповедания, сочла необходимым отозваться на призыв населения Хивы и уничтожить Джунаида, агента иностранной буржуазии и союзника русских белогвардейцев. Мы не воюем с Хивой, не посягаем на независимость Хивы и не будем вмешиваться в дела ее внутреннего управления, ибо хивинский народ сам знает, какое ему нужно правительство, и свободно проявит свою волю» [36].

В состав отряда Красной Армии, выделенного для оказания помощи трудящимся ханства, влились оставшиеся в Амударьинском отделе красногвардейские части, созданные хорезмскими большевиками. Советские войска выступили в двух направлениях: северном и южном. Северный отряд имел задачей разгром белоказаков Филичева и басмаческих шаек Хан-Максума на чимбайском участке. После разгрома этих контрреволюционных сил отряд должен был переправиться на левый берег Амударьи в районе Ходжейли и повести наступление против северной группы банды Джунаид-хана. Северным отрядом советских войск командовал Н. А. Шайдаков. Южный отряд советских войск под командованием Н. М. Щербакова должен был переправиться на левый берег Амударьи ниже Турткуля, а затем выступить против южной группы банд Джунаид-хана в районе Ханки — Новый Ургенч.

Северный отряд Красной Армии совместно с хивинскими красными частями в конце декабря 1919 г. нанес сокрушительный удар по чимбайской группе белоказаков и басмачей, разгромил их, переправился на левобережье Амударьи и взял курс на Ходжейли. В это время в городе и его окрестностях восставшие жители вели борьбу с джунаидовцами.

Советские войска, красногвардейские части хивинских коммунистов совместно с восставшими жителями нанесли удар по ходжейлинской группе банд Джунаида, разгромили ее, освободили город от контрреволюционных сил. Преследуя отступающие шайки джунаидовских головорезов Чаирик-бея и Ушак-бея, отряд Н. А. Шайдакова при активной поддержке восставшего населения подступил к Куня-Ургенчу. Здесь около 500 всадников Джунаида пытались оказать наступающим войскам сопротивление, но были разбиты, потеряли 100 человек убитыми и ранеными, а затем отступили к Ак-тепе. При поддержке восставших горожан 7 января 1920 г. северным отрядом советских войск был занят Куня-Ургенч [37].

В скором времени этот отряд Красной Армии совместно с красногвардейскими частями хорезмских коммунистов и при

[36] Центральный партархив ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 122, Туркомиссия ВЦИК И СНК РСФСР, оп. 1, д. 15, л. 18.

[37] Там же, лл. 21—22.

активной помощи восставших жителей освободил от джунаидовских головорезов Порсу, Ильялы, Ташауз. По мере развития революционного движения в отряд Н. А. Шайдакова вливались вооруженные местные жители, которые включались в борьбу с контрреволюционными элементами.

Южный отряд советских войск совместно с восставшими жителями после серьезных боев освободил от джунаидовских шаек Новый Ургенч. Потерпев здесь поражение, Джунаид отступил к своей сильно укрепленной крепости — Тахта, но и здесь был жестоко побит. В этом районе он потерял до 400 человек убитыми и ранеными, а многие его нукеры перешли на сторону восставшего народа и советских войск. После этого поражения Джунаид-хан со своими сподвижниками бежал в Кара-Кумы, захватив большое количество дорогих вещей. Советские войска 20 января заняли Тахту и Бердекент.

1 февраля 1920 г. при поддержке горожан советские войска очистили от контрреволюционных банд столицу ханства — Хиву, а 2 февраля Абдулла-хан отрекся от престола. Ханство было ликвидировано. Вся полнота власти перешла временному революционному правительству, которому было поручено немедленно приступить к подготовке созыва Всехорезмского курултая и предложено установить тесные дружеские отношения с Туркестанской АССР и РСФСР.

Хорезмская революция одержала полную победу. По своему характеру она была подлинно народной. В результате ее победы господство светских и духовных феодалов во главе с Джунаид-ханом и Абдуллой-ханом было свергнуто. Основной движущей силой революции были дехкане. Несмотря на свою малочисленность, пролетариат Хивинского ханства и его коммунистические ячейки явились руководящей силой революции.

В Хорезмской революции также приняли участие ремесленники, мелкие торговцы и прогрессивные элементы национальной буржуазии и интеллигенции. Следовательно, революция была общенациональной, в результате ее победы в стране была создана революционно-демократическая диктатура народа. В. И. Ленин еще на III съезде РСДРП говорил: «Успешный переворот поэтому не может не быть демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, интересы которых *против самодержавия царя* совпадают... Завоевавши самодержавие народа, мы должны его отстоять — а это и есть революционно-демократическая диктатура» [38].

В результате победы Хорезмской революции в стране была установлена Советская власть. На возможность создания Советов в отсталых крестьянских странах В. И. Ленин указывал несколько раз, в частности в докладе «По национальному и колониальному вопросам» на II конгрессе Коминтерна 26 июля

[38] В. И. Ленин, III съезд РСДРП,— Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 128—129.

1920 г. Высказав тезис о том, что «Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [39], В. И. Ленин заявил: «Установлено определенно, что всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея Советов, что эти организации, Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя» [40].

Мысль о крестьянских Советах В. И. Ленин развил в докладе на VIII Всероссийском съезде Советов 22 декабря 1920 г. Он говорил: «Мы должны приветствовать образование и упрочение Советских республик — Бухарской, Азербайджанской и Армянской, восстановивших не только свою полную независимость, но и взявших власть в руки рабочих и крестьян. Эти республики являются доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство. Идея крестьянских Советов победила. Власть в руках крестьян обеспечена; в их руках земля, средства производства» [41].

Как известно, Октябрьская революция открыла новую эру в истории человечества, эру крушения капитализма, эру распада и гибели колониальной системы империализма, эру утверждения на земле социализма и коммунизма. «Социалистическая революция в России, — говорится в Программе КПСС, — до основания потрясла все здание мирового капитализма» [42].

Хорезмская революция произошла именно в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и под ее могучим воздействием. Она одержала победу благодаря бескорыстной вооруженной помощи со стороны русского народа, русского рабочего класса и Красной Армии. В свержении деспотического режима в ханстве трудящимся хивинцам оказали помощь и другие народы, входившие в состав РСФСР. Хорезмская революция не могла еще быть социалистической, ибо для этого необходимы были серьезные преобразования: ликвидация средневековой феодально-патриархальной отсталости страны, преобразование хивинских городов и кишлаков, ликвидация вековой отсталости трудящихся масс и т. д.

[39] В. И. Ленин, II конгресс Коммунистического Интернационала,— Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 246.
[40] Там же.
[41] В. И. Ленин, VIII Всероссийский съезд Советов,— Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 132.
[42] «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 326.

Для достижения этого нужна была серьезная экономическая и культурная помощь. Ее хивинский народ получил от русского и других народов, входивших в состав РСФСР. Благодаря этой помощи трудящиеся бывшего Хивинского ханства, минуя капиталистическую стадию развития, смогли перейти к социализму.

26—30 апреля 1920 г. состоялся I Всехорезмский курултай народных представителей, на котором было провозглашено образование Хорезмской народной Советской республики. На курултае был избран Совет народных назиров (министров), а также принята конституция ХНСР, в которой провозглашалась передача «всей полноты власти в центре и на местах в руки Советов трудящихся». В конституции особо отмечалась освободительная миссия русского народа и русского рабочего класса по отношению к трудовому народу бывшего Хивинского ханства. В конституции получило отражение и своеобразие ХНСР, в которой временно сохранялась частная собственность на орудия и средства производства и на землю, хотя земли хана и ханских сановников и чиновников объявлялись всенародными.

В мае 1920 г. состоялся I Всехорезмский курултай коммунистов. На нем была учреждена Хорезмская коммунистическая партия, в состав которой также вошла революционная часть младохивинцев [43]. Однако среди младохивинцев имелись отдельные буржуазно-националистические элементы, которые были против Советской власти и революционных преобразований в ХНСР. Эти элементы упорно тормозили большевизацию рядов компартии и мешали братскому сближению ее с компартией ТуркАССР и РКП(б). В составе Хорезмской компартии имелись 22 коммунистические ячейки. На I курултае были избраны руководящие органы партии и ЦК ХКП. Партия стала издавать газету »Инқилоб Қуяши» («Солнце революции») на узбекском и туркменском языках [44].

После победы народной революции старая государственная машина, которая выражала интересы феодалов и ханской власти, была разрушена; вместо нее был создан новый государственный аппарат, отстаивавший революционные завоевания трудящихся. Старые суды были уничтожены и вместо них созданы новые народные суды. Судьям было запрещено брать от частных лиц вознаграждение, было установлено твердое государственное жалованье. Народная власть в интересах победившего народа издала декреты о денежных знаках, о национализации всего имущества хана и его приближенных сановников, об организации комитетов бедноты и «Союза кошчи», каждый из которых объединял по нескольку кишлачно-аульных комитетов.

«Союз кошчи» явился надежной опорой Хорезмской компартии в проведении всех революционно-демократических мероприя-

[43] Центральный партархив ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 61, оп. 1, д. 24, лл. 56—58.
[44] Там же.

тий в кишлаках и аулах республики. Большую практическую помощь ему оказывали ревкомы и советы народных представителей, организованные во всех районах республики.

Ханские чиновники были отстранены от занимаемых должностей. Налоги, которые взимались с трудящихся масс при ханской власти, были отменены. Для охраны завоеваний революции была создана хорезмская Красная Армия, для вооружения которой Туркестанская АССР отпустила тысячу винтовок, четыре орудия, четыре пулемета, много боеприпасов и четыре аэроплана. Народная власть разрешила и национальный вопрос, предоставив равноправие всем гражданам республики.

Хотя земли хана и его сановников были конфискованы, аграрный вопрос — центральный вопрос Хорезмской революции — не получил окончательного разрешения вплоть до земельно-водной реформы в Узбекистане, т. е. до 1926—1928 гг.

Большую помощь в экономическом и культурном строительстве Хорезмской республике оказывала РСФСР. При ее активной поддержке новое хорезмское правительство, образованное в мае 1921 г., провело некоторые мероприятия в области земельных отношений, вследствие чего посевная площадь увеличилась с 8 тыс. десятин в 1922 г. до 30 тыс. в 1924 г.; заключило союзный договор и военно-политическое соглашение с РСФСР; очистило госаппарат от контрреволюционных элементов. При помощи РСФСР в республике восстанавливалась промышленность, разрушенная бандами Джунаид-хана, были созданы новые отрасли ее. Произошли большие сдвиги в области культуры (были открыты светские школы, учительские семинарии, народный университет, партийная школа и пр.); много хорезмских юношей и девушек учились в Москве, Баку, Казани, Ташкенте. В республике были открыты больницы, амбулатории, фельдшерские пункты.

Таким образом, народно-демократическая власть осуществила в Хорезме крупные политические и социально-экономические преобразования демократического характера. Это был шаг большого исторического значения. Большие успехи, достигнутые хорезмским народом, позволили преобразовать осенью 1923 г. Народную республику в Хорезмскую Советскую Социалистическую Республику (ХССР).

В 1924 г., после национального размежевания Туркестанской АССР, Хорезмской и Бухарской ССР, территория бывшей ХССР вошла в состав Узбекской и Туркменской ССР, а также Каракалпакской автономной области.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава I. Хивинское ханство в 50—60-х годах XIX в. и установление над ним протектората царской России . . . 7

Социально-экономическое состояние ханства. 7
Наступление царизма на Хиву 11
Англо-русское соперничество в Средней Азии. 14
Установление протектората России над ханством 20

Глава II. Политические отношения России и Хивы в конце XIX в. 31

Борьба туркмен с хивинским правительством и вмешательство царских властей во внутренние дела ханства 31
Роль хивинского хана в ходе завоевания Россией туркмен Ахала и Мерва 39
Русско-хивинские отношения в связи с таможенной и денежной реформами в ханстве 47

Глава III. Хивинское ханство в начале XX в. и позиция царского правительства 54

Вопрос о присоединении ханства к Российской империи и различное отношение к нему представителей царизма 54
Положение народных масс в ханстве и влияние первой русской революции на развитие освободительного движения в Хиве 58
Вопрос о реформах. Проведение отдельных прогрессивных мероприятий в ханстве 65
Феодальные усобицы 1912, 1915—1916 гг. в ханстве и роль иностранной агентуры в их организации 78

Глава IV. Русско-хивинские экономические отношения в конце XIX — начале XX в. 93

Состояние сельского хозяйства в ханстве. Превращение Хивы в сырьевую базу русской промышленности 93
Строительство промышленных предприятий колониального типа 108
Русско-хивинские торговые связи. Доходы и расходы хивинской казны 113

Глава V. Великая Октябрьская социалистическая революция и освободительное движение хивинских трудящихся 118

Влияние на хивинских трудящихся Февральской буржуазно-демократической революции 118
Антисоветская политика хивинских феодалов. 125
Победа Хорезмской народной революции 131